ISSN 2713-2951

Социолингвистика
Sociolingvistika

http:// sociolinguistics.ru № 3 (23) 2025

Институт языкознания РАН
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 3(23)
2025

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
научный журнал
№ 3 (23) 2025
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы
В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Заместитель главных редакторов
Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный редактор номера
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственный секретарь
С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев д. филол. н., Махачкала, Россия
Лувсандоржийн Болд акад. Монгольской академии наук, проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова д. филол. н., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин член-корр. РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Моника Вингендер проф., Гиссен, Германия
Е.В. Головко член-корр. РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева д. филол. н., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич к. филол. н, Москва, Россия
М.Я. Каплунова к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик член-корр. РАН, д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко д. филол. н., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина д. филол. н., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов д. филол. н., Грозный, Россия
Тьерри Поншон проф., Реймс, Франция
Мишель Тамин проф., Реймс, Франция
Э.А. Салихова д. филол. н., Уфа, Россия
Араи Юкиясу проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова д. филол. н., Москва, Россия
Нгуен Ван Хьеп проф., Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй проф., Ухань, КНР

© Институт языкознания Российской академии наук, 2025
© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2025

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGUISTICS

No. 3 (23)
2025

Established in 2020
Published four times a year

SOCIOLINGUISTICS

Scientific Journal
No. 3 (23) 2025
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief
Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive editor of the issue
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive Secretary
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
Luvsandorjiin Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
Monika Wingender	Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
Lenore Grenoble	Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu. Mikhalchenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Grozny, Russia
Tierry Ponchon	Professor, Reims, France
Michel Tamin	Professor, Reims, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Ufa, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Moscow, Russia
Nguyen Van Hiep	Professor, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	Professor, Shanghai, China
Zhao Shiju	Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2025
© Orel State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 08

ТЕОРИИ И МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Вида Ю. Михальченко Язык и идеология в полиэтническом государстве. 12

Михаил А. Марусенко, Наталия М. Марусенко Языковые идеологии в эпоху постмодерна. .25

Ольга Б. Януш, Наиль М. Мухарямов «Языковой суверенитет» как идеологема 42

ЯЗЫК, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Николай С. Владимиров Максимы-наставления как средство выражения альтернативных (анти) ценностных ориентаций испанских военнослужащих 67

Ульяна В. Смирнова «Русский мир» и «страна-цивилизация» в российском политическом дискурсе. 87

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ В МНОГОЯЗЫЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Светлана В. Кириленко Язык и идеология в Великобритании. 107

Валентина А. Кожемякина Языковое строительство в многонациональном Люксембурге. 135

Камилла И. Курбанова-Ильютко Ревитализация французского языка в регионе Валь д'Аоста в XX-XXI вв. 156

Гульбаршин О. Сыздыкова, Маржан К. Ахметова Факторы, формирующие национальные ценности в полиэтническом пространстве Казахстана. 174

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Егор С. Баранов Кансайский диалект японского языка как инструмент повседневной коммуникации и символ региональной идентичности. 192

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

Язык и идеология ***(Эржен В. Хилханова)*** 210

Требования и рекомендации к оформлению статей 225

CONTENTS

Editorial preface. 10

THEORIES AND MODELS OF LANGUAGE IDEOLOGY

Vida Yu. Mikhalchenko Language and ideology in a multiethnic state. 12

Mikhail A. Marusenko, Natalia M. Marusenko Language ideologies in the postmodern era 25

Ol'ga B. Yanush, Nail' M. Mukharyamov Language sovereignty as an ideologeme 42

LANGUAGE, IDEOLOGY, AND POLITICAL DISCOURSE

Nikolay S. Vladimirov Maxims–guidance as a means of expressing alternative (anti) value orientations of Spanish military personnel 67

Uliana V. Smirnova The concepts of "Russian World" and "country-civilization" in Russian political discourse 87

LANGUAGE POLICY AND IDEOLOGY IN MULTILINGUAL SOCIETIES

Svetlana V. Kirilenko Language and ideology in great britain. 107

Valentina A. Kozhemyakina Language situation and language legislation in the Grand Duchy of Luxembourg. 135

Kamilla I. Kurbanova-Ilyutko The revitalization of French in the Aosta Valley in the 20th and 21st centuries. 156

Gulbarshin O. Syzdykova., Marzhan K. Akhmetova Linguistic units as an indicator of the national values of the Kazakh people. 174

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

Egor S. Baranov Kansai dialect as a tool of everyday communication and a symbol of regional identity. 192

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

Language ideologies ***(Erzhen V. Khilkhanova)*** 210

Style sheet 225

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед Вами номер журнала «Социолингвистика», посвященный исследованию феномена идеологии и ее диалектической связи с социальными, дискурсивными и в первую очередь языковыми практиками. Тесная связь языка и идеологии многократно переосмыслялась в ходе развития гуманитарных наук. Одним из первых отечественных ученых, кто обратил внимание на актуальность исследования взаимосвязи языка и идеологии, был востоковед, социолингвист профессор Л.Б. Никольский, 100-летий юбилей которого широко отмечался в рамках Международной конференции «Язык и идеология в полиэтничных странах мира» в декабре 2024 года в Институте языкознания РАН и Институте востоковедения РАН. Этот номер журнала – дань памяти известному ученому, ставилась цель по-новому взглянуть на взаимосвязь между языком и идеологией, проследив ее в синхроническом и диахроническом аспектах и описав во всем комплексе отношений с другими социолингвистическими явлениями и экстралингвистическими факторами в русле современных научных подходов.

В номере представлены рубрики, представляющие логичный переход от общих концептуальных и методологических положений языковой идеологии, описания ее универсальных моделей к частным аспектам темы, исследованию стратегий реализации языковой идеологии в различных социокультурных и временных контекстах в странах мира. Начиная с анализа развития феномена языковых идеологий с XVII века и до наших дней на основе сравнения различных философских воззрений на данную проблематику, постулируется идея о реализации современных языковых идеологий в рамках стандартных языков, содействующих поддержанию национального порядка, например, в странах Европы и Северной Америки, за счет предельной кодификации и нормирования существующих языковых норм. Специфика же современного этапа развития языковых идеологий проявляется не столько в усилиях конкретных государств, сколько в сознании обычных людей, зачастую относящих миноритарные и малоиспользуемые языки к категории «непрестижных», о чем красноречиво говорят комментарии интернет-пользователей в отношении этих языков.

Какое решение этим языковым проблемам современные полиэтничные и многоязычные страны находят, авторы анализируют через артикуляцию идеологии в реалиях современных полиэтничных стран. В номере представлен анализ специфики языковых идеологий в контексте узкоспециальных концепций бытования языка в конкретных странах –

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Великобритании, Люксембурге, Италии, Казахстане, России. Авторы исследуют стратегии реализации языковой идеологии в различных социокультурных и временных контекстах с позиции экстралингвистических (политических, социальных аспектов, политики памяти и т.д) и интралингвистических характеристик языковых сообществ.

Материалы номера предлагают взглянуть на взаимосвязь и взаимовлияние языка и идеологии расширительно – и как на систему идей, и как на систему институтов – как на всеобъемлющий, только частично рационализируемый конструкт, вне которого никто не может находиться. Мы надеемся, что научная рефлексия на данную тему будет способствовать более глубокому пониманию сложнейшей темы взаимосвязи языка и идеологии.

А.Н. Биткеева

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

EDITORIAL PREFACE

You are holding an issue of Sociolinguistics devoted to the study of ideology and its dialectical relationship with social, discursive, and, above all, linguistic practices. The close connection between language and ideology has been repeatedly reinterpreted throughout the development of the humanities. One of the first scholars in Russia to draw attention to the importance of examining the interplay between language and ideology was the Orientalist and sociolinguist Professor Leonid B. Nikolsky, whose 100th anniversary was widely commemorated at the International Conference "Language and Ideology in Multiethnic Countries of the World," held in December 2024 at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. This issue is dedicated to the memory of this eminent scholar and aims to offer a fresh perspective on the interrelation of language and ideology, tracing it in both synchronic and diachronic dimensions and situating it within the broader nexus of sociolinguistic phenomena and extralinguistic factors in line with contemporary theoretical approaches.

The issue is structured to provide a coherent progression from general conceptual and methodological foundations of language ideology, including descriptions of its universal models, to more specific aspects of the topic – namely, the strategies through which language ideologies are enacted across diverse sociocultural and historical contexts worldwide. Beginning with an analysis of the evolution of language ideologies from the seventeenth century to the present, based on a comparison of different philosophical perspectives on this problem, the issue advances the argument that modern language ideologies are typically realized through standardized languages that reinforce national order – such as in various European and North American countries – via extensive codification and regulation of linguistic norms. At the same time, the distinctiveness of the current stage of ideological development lies less in state policy than in everyday linguistic consciousness: speakers increasingly classify minoritized and less frequently used languages as "non-prestigious," as evidenced by the discourse of online commenters.

The authors explore the ways in which contemporary multiethnic and multilingual states address these linguistic challenges through articulations of ideology grounded in their specific sociopolitical realities. The issue offers analyses of language ideologies shaped by specialized national contexts, including the United Kingdom, Luxembourg, Italy, Kazakhstan, and Russia. The contributors examine strategies for implementing linguistic ideology in different socio-cultural and

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

temporal settings, considering both extralinguistic (political, social, and memory-politics related) and intralinguistic characteristics of particular speech communities.

Taken together, the materials presented in this issue encourage an expanded view of the interconnection and mutual influence of language and ideology – understood both as a system of ideas and as a system of institutions – constituting an all-encompassing, only partially rationalizable construct from which no individual can remain entirely outside. We hope that the scholarly reflections offered here will contribute to a deeper understanding of the intricate relationship between language and ideology.

Aysa N. Bitkeeva

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ТЕОРИИ И МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

THEORIES AND MODELS OF LANGUAGE IDEOLOGY

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-12-24

ЯЗЫК И ИДЕОЛОГИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

УДК 81’27

Вида Ю. Михальченко

Институт языкознания
Российской академии наук,

Российская Федерация

Аннотация
Статья посвящена исследованию языковой государственной идеологии и ее месту среди других типов идеологий. Именно языковая идеология определяет сущность, цели и задачи национально-языковой политики в многонациональной стране. В статье рассматривается соотношение языка и идеологии в полиэтническом государстве, где языковая идеология выступает важнейшим компонентом национально-языковой политики.
Автор анализирует историческое развитие языковой идеологии в Российской Федерации – от советского периода пролетарской ориентации на развитие языков всех народов до современных процессов правового регулирования языковой жизни. Раскрываются основные типы существующих языковых идеологий: государственного языка, полиязычия, пуризма, униформизма и прагматического подхода. Подчеркивается роль социальной лингвистики в разработке теории гармоничного функционирования языков в многонациональных странах, анализе и предупреждении национально-языковых конфликтов, изучении функциональной классификации языков мира и обеспечении успешного существования наиболее уязвимых языков. Отмечается роль русского языка как государственного и как средства культурного и межнационального общения. Исследование направлено на осмысление баланса между единством и разнообразием языковой среды, что является ключевым условием сохранения культурного наследия и гармоничного развития многонационального общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая идеология, языковая политика, русский язык, языки мира, Российская Федерация

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Вида Ю. Михальченко, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-12-24

LANGUAGE AND IDEOLOGY IN A MULTIETHNIC STATE

UDC 81'27

Vida Yu. Mikhalchenko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,

Russian Federation

Abstract
The article is devoted to the study of state linguistic ideology and its position among other types of ideologies. Linguistic ideology, in particular, defines the essence, objectives, and tasks of national language policy in a multinational state. The paper examines the relationship between language and ideology in a multiethnic country, where linguistic ideology serves as a central component of national language policy. The author analyzes the historical development of linguistic ideology in the Russian Federation – from the Soviet-era proletarian focus on the development of all peoples' languages to contemporary processes of legal regulation of linguistic life.
The article identifies the main types of existing linguistic ideologies, including those of the state language, multilingualism, purism, uniformism, and pragmatic approaches. It emphasizes the role of sociolinguistics in developing theories for the harmonious functioning of languages in multinational states, in analyzing and preventing national-linguistic conflicts, in studying the functional classification of the world's languages, and in ensuring the survival of the most vulnerable languages. The role of Russian as both a state language and a medium of cultural and interethnic communication is highlighted. The study aims to explore the balance between linguistic unity and diversity, which is a key condition for preserving cultural heritage and promoting the harmonious development of a multinational society.

KEYWORDS: language ideology, language policy, Russian language, languages of the world, Russian Federation

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Vida Yu. Mikhalchenko, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1| Введение

Идеология – это одна из форм общественного сознания. Она относится к уровню систематизированного теоретического осмысления действительности в отличие от обыденного сознания – эмпирического, но бессистемного. Необходимо отметить, что идеология зависит от социальных, национальных и других интересов, поэтому содержит оценочный подход, призванный удовлетворить те или иные потребности классов или отдельных групп населения.

Наряду с идеологией системной теоретической формой общественного сознания является наука. Идеология оценочна по своей природе, а в науке оценка является лишь сопутствующим моментом. Выделяются следующие типы идеологий: либерализм, консерватизм, социализм, коммунизм, либертарианство, фашизм.

Особое значение идеология приобретает в языковом пространстве общества. Язык не только служит средством общения, но и отражает социальные и политические процессы, формируя представления о ценностях, нормах и культурной идентичности. В многонациональных государствах, таких как Россия, идеология тесно связана с вопросами сохранения языкового разнообразия и обеспечения языкового единства, а также с формированием государственной и национальной идентичности через язык. Таким образом, исследование взаимосвязи идеологии и языка становится актуальной задачей современной социальной лингвистики, поскольку оно позволяет понять, как идеологические процессы влияют на языковую политику, статус языков и культурное развитие общества.

2 | Идеология и язык: исторический аспект

В советское время теоретические аспекты взаимоотношения языка и идеологии привлекли внимание исследователей в конце 1920-х – начале 1930-х годов XX века [Абаев, 1934; Волошинов, 1929]. Исследования того периода концентрировались на выявлении взаимосвязи между языковой практикой и формированием идеологического сознания, анализировались способы, с помощью которых язык служит инструментом распространения политических и социальных идей. В связи с влиянием идеологических перемен на действительность начинают выходить труды, посвященные конкретным изменениям в лексических системах на материале преимущественно русского и французского языков [Будагов, 1940; Селищев, 1928]. Особое внимание уделялось терминологии и особенностям речи, появившимся под влиянием социально-политических изменений. Потом долгие годы

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

интереса к проблемам идеологии в науке не наблюдалось. Лишь в 1970-е годы возродился интерес к соотношению идеологии и языка, что отразилось в трудах таких исследователей как И.К. Белодед [Белодед и др., 1976], Ю.Д. Дешериев [Дешериев, 1972; Дешериев, 1984]. В это время акцент смещается с чисто анализа лексики на изучение дискурса и прагматики в СМИ и официальных документах. После 1970-х появилось много научных трудов, в которых исследовались языковые изменения в связи с воздействием идеологии и обсуждались общетеоретические проблемы, связанные с этим процессом. Особое внимание уделялось механизмам внедрения идеологических концептов в повседневную речь, их закреплению в терминологии и формированию языковых норм, поддерживающих господствующие политические идеи. В этой области следует упомянуть труды А.И. Домашнева [Домашнев, 1983], Т.Б. Крючковой [Крючкова, 1982; Крючкова, 1989].

В поле зрения ученых, исследующих западные языки, попали особенности использования языка как средства управления обществом, идеологического воздействия, формирования необходимых власти социальных стереотипов и установок [Стриженко, 1988]. Речь шла о том, как языковые конструкции моделируют общественные нормы, служат элементами пропаганды и воздействуют на понимание социальной реальности гражданами. Наиболее интенсивно этой проблемой занимались ученые в ГДР [Клаус 1968; Клаус, 1971]. Причины этого интереса понятны: ГДР долгие годы находилась в ситуации жесткого идеологического противоборства с ближайшим соседом – ФРГ, причем это противостояние велось на одном языке. Отмечалось, что политическая лояльность населения напрямую зависела от языковой политики, а язык использовался как инструмент внедрения и закрепления идеологических ценностей, формирования общественного сознания.

3 | Государственная и языковая идеология: теория и практика

Политическая идеология – это совокупность взглядов, понятий, традиций, выражающих интересы населения страны. На их основе формируются отношения людей, признаются установленные формы господства и власти. Новая идеология приходит на смену старой и ведет к преобразованию власти и общественного устройства.

Государственная идеология – это разновидность политической идеологии, в основе которой лежит доктрина государства: законодательство страны, высказывания, нарративы первых лиц государства и так далее. К государственной идеологии относится широкий круг проблем: это патриотизм населения, общественно-политический идеал, лояльность к господствующему классу, то есть к власти, объяснение существующего порядка популярными,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

понятными словами, способы достижения политического идеала – сплочения вокруг лидеров. Считается, что гражданская или национальная общность не может создать государственную идеологию, так как государственная идеология в основном создается бюрократами.

В современном российском контексте государственная идеология выражается через язык. В 2022-2023 встал вопрос, нужна ли вообще государственная идеология. В Конституции РФ (ст. 13) прямо утверждает, что «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, так как существует идеологическое разнообразие» [Конституция Российской Федерации]. Тем не менее, без государственной идеологии развитие государства невозможно, так как нужны общие законы, общие требования к гражданскому обществу, работа над перспективами развития, планирование будущего страны и т.д. В русском языке современной России идеология отражается прежде всего в признании необходимости в непростых климатических условиях жить сообща, чувствуя единение. На законодательном уровне русский язык как государственный объявляется средством объединения полиэтнической страны не только потому, что это язык большинства жителей.

Актуальными задачами социальной лингвистики становятся построение теории гармоничного устройства языковой действительности в многонациональных странах, научный анализ существующих национально-языковых конфликтов и их предупреждение, решение проблемы функциональной классификации языков мира и возможностей успешного функционирования наиболее слабых компонентов мировой системы языков и другие теоретические и практические проблемы.

В контексте социальной лингвистики, которая занимается исследованием языковой ситуации в многонациональных государствах и разработкой теоретических и практических подходов к урегулированию национально-языковых конфликтов, ключевую роль играет языковая идеология. Именно она определяет направления и принципы национально-языковой политики, формируя представления о статусе и функциях языков в обществе. Рассмотрим основные типы существующих языковых идеологий в современной России:

· идеология государственного языка: предполагает ведущую роль русского языка как основного средства межнационального общения и государственного управления;

· идеология полиязычия: предполагает ценность многоязычия и поддерживает сохранение и развитие языков народов России;

· идеология русского языка как мирового языка и языка как культурного кода: русский язык как средство распространения культурного и научного влияния России за рубежом, при

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

этом русский язык является не просто средством общения, но и ключевым элементом культурного наследия и исторической памяти;

· идеология языкового пуризма: идея защиты русского языка от «загрязнения» заимствованиями, жаргонизмами и неологизмами;

· идеология языкового униформизма: предполаает доминирование одного языка (русского) во всех сферах жизни как основы национального единства;

· идеология прагматического подхода к языку: язык как инструмент, прежде всего функциональный, связанный с потребностями экономики, образования и науки (поддержка изучения международных языков).

Различные языковые идеологии, формирующие национально-языковую политику, отражают взгляды на роль языка в обществе. В этом контексте особое значение приобретает сравнение буржуазной и пролетарской языковых идеологий, поскольку они по-разному определяют соотношение единого государственного языка и многоязычия. Рассмотрим ключевые отличия этих идеологий и их влияние на языковую политику России.

4 | Практическое применение и социальные последствия языковой политики

Важно отметить значимые отличия буржуазной и пролетарской языковых идеологий [Никольский, 1982]: единое государство – единая нация – единый язык. Пролетарская идеология в нашей стране распространена с 20-ых-30 годов XX века, с периода языкового строительства и ориентации на развитие языков народов страны. Указанная идеология длительное время существует и в современной России. Существуют две тенденции в реализации языковой идеологии в полиэтнической стране: языковое единение страны с разнообразным этническим составом и языковое разнообразие – стремление этносов культивировать свою традиционную культуру и этнический язык.

В России русский язык имеет статус государственного языка России, что отражено в последней Конституции страны и в республиканских законах о государственных языках. Русским языком свободно владеют и пользуются до 97% граждан нашей страны.

Несколько иначе обстоят дела с языковым разнообразием современной России. В период языковой реформы, которая состояла в переходе к юридическому решению языковых проблем полиэтнического государства, суверенные республики России приняли законы о государственном статусе титульных и других языков, представленных и распространённых в этих республиках. Именно в данных законах и была отражена языковая идеология народов России.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Таким образом Российская Федерация получила идеальную правовую модель, в совокупности законов гармонично отражающую проблему языкового единения страны, языковую ситуацию и языковую идеологию этносов России. Однако реализация законов о языках в основном ведется разрозненно и сопровождается недостаточной поддержкой более слабого компонента языковой политики – этнических языков, их функционирования и развития. Эта неравномерность в реализации законов ведет к исчезновению некоторых этнических языков. Видимо, необходимо принять закон о принципах проведения языковой политики в стране. Такой закон скоординировал бы усилия по развитию языков и гармонизировал бы некоторые существующие проблемы, например, проблему подготовки специалистов по языкам России. Важно, что такой модельный закон был принят для стран СНГ.

Следует отметить, что подобное мероприятие, возможно, будет предпринято в России в ближайшее время, учитывая изменения в смене Президентского совета по русскому языку, название и состав которого 22 августа 2024 года были изменены. В настоящее время Президентский совет называется «Совет по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов России». Как отмечается в докладе Президента В.В. Путина в ноябре, задачами этого Совета являются:

- создание единого официального реестра языков России,

- совершенствование языкового законодательства, так как закон 1991 года устарел и нуждается в переработке,

- разработка принципов языковой государственной политики по развитию русского зыка и языков народов РФ и др.

Необходимо отметить, что указанные серьезные задачи требуют значительных теоретических усилий, направленных на уточнение ряда положений и терминов языковой политики. Здесь будет уместно подчеркнуть, что в Институте языкознания РАН в указанном направлении уже проводится значительная научная работа. Так, силами известных языковедов под руководством проф. А.А. Кибрика был создан и научно обоснован список языков России, включающий 155 языков. С точки зрения науки эта задача успешно решена, остается только придать этому списку статус официального государственного реестра. Другая не менее важная проблема – уточнение, расширение понятийного аппарата социальной лингвистики. Она решается в ходе работы над составлением русско-английского словаря социолингвистических терминов, так как прежний словарь был издан в 2006 году, а социальная лингвистика является быстро развивающейся отраслью науки и требует уточнения и расширения ее понятийного

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

аппарата. Коллективом авторов, работающих над упомянутым словарем, руководит к.ф.н. С.В. Кириленко.

Активная работа над понятийным аппаратом, кроме его обновления и расширения, необходима еще и потому, что некоторые из выражений, имеющихся в дискурсах, нарративах видных этнологов, политологов, политиков из-за их неточности неприемлемы и даже вредны для поддержки языкового разнообразия многонациональной страны.

В советское время некоторые историки, этнографы, философы выдвинули идею о том, что в СССР сформировалась единая историческая общность – советский народ. И где сейчас эта историческая общность? В настоящее время в речах и научных трудах видим выражение «единая нация России» [Тишков, 2019] или «общероссийская идентичность». Такая общность в России, конечно, существует, но это не нация, так как, на наш взгляд, единой нации в России нет: общепризнано, что в России около ста народов и 155 языков. Единая языковая общность России – это ее главная, наиболее многочисленная общность – гражданская общность. Все граждане России должны владеть государственным языком Российской Федерации – русским языком. В этом проявляется языковое единство, языковое однообразие России, отметим, что самой большой ее частью является русский народ, составляющий 78–80 % всего населения. Часть гражданской общности представлена народами (этносами) России, которых по разным данным насчитывается от 100 до 155. Эти народы чаще всего пользуется своими языками и привязаны к культуре своего этноса. В этой части гражданской общности реализуется языковое разнообразие России. Иначе говоря, народы России объединены не как единая нация, а как гражданская общность или сообщество. Видимо, не стоит искать единства там, где его нет фактически, тем более что сам термин «нация» с давних пор признается не всеми исследователями. Необходимо помнить о том, что в России существует и единство, и разнообразие, причем каждое и них имеет свою сферу реализации. Учитывая сказанное выше, считаю, что термин «единая нация» неприемлем для нового терминологического словаря социальной лингвистики.

Другой пример неудачного терминотворчества в области языковой политики – это выражение «русский язык – второй родной язык для жителей России» или даже «русский язык – родной язык для всех жителей страны». Конечно, как образные, эмоциональные, поэтические преувеличения такие выражения вполне уместны, но реально русский язык в качестве родного чаще всего встречается в смешанных семьях, где применяются в детстве два языка – язык того или иного этноса и русский язык. Вообще к вопросу о родном языке необходимо относиться очень серьезно, так как при неправильном его толковании очень легко устранить языковое

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

разнообразие России. Если понимание родного языка свести к наиболее используемому языку и во время переписи населения спросить граждан о том, каким языком они постоянно пользуются, вполне прогнозируем ответ «на русском», из чего вполне можно сделать вывод о том, что родным языком всего населения России является русский язык. Однако следует помнить о том, что в жизни неуклонно действует общественное давление: человек вынужден пользоваться тем языком, для которого имеются социальные условия, прежде всего, собеседники, владеющие этим языком. Следует при этом учитывать и широкую функциональность, фактически полифункциональность русского языка: он используется как государственный язык, например, в учреждениях, как язык межнационального общения в общении людей разных национальностей, как язык обучения в школе, в вузе и т.д. Для говорящего он чаще всего является рабочим языком, так как родной язык имеет ограниченную сферу применения. Полифункциональность русского языка хорошо исследована в науке, насчитывается от 8 до 40 сфер коммуникации, в которых он применяется. Поэтому в России все граждане в большинстве сфер общения, кроме семьи, пользуются русским языком. Правда, некоторые многочисленные народы пользуются этническим языком не только в сфере семейного общения, но и в сфере образования (среднего и высшего, в сфере массовой коммуникации, в издании книг, журналов, газет и в других сферах коммуникации.

У человека может быть родным и не один язык, а два языка. Так, в смешанных семьях нередко мать с ребенком общается на одном языке, а отец на другом. В дворянских семьях России часто для воспитания ребенка и хорошего знания иностранных языков нанимались гувернеры, бонны со знанием иностранного языка. Однако у подавляющего большинства жителей России родной язык – это язык матери, язык детства и фактически язык первичной социализации, который одновременно является языком национальной, этнической идентификации. По нему человек определяет свои корни, свою национальную (этническую) идентичность. Отметим, кстати, что и в других странах именно так определяются поисхождение приезжих, а русский народ вообще презрительно отзывается о людях, не помнящих своей родины, родного языка, называя их «Иванами, не помнящими родства». Родной язык – это константа. Не становится родным язык, которым человек пользуется, уехав на работу в другие страны. Родной язык нельзя менять, как перчатки, переезжая из одной страны в другую для длительного проживания. Все эти перемены меняют только рабочий язык человека, не меняя его родной язык. Родной язык только один, и его родственные слова об этом свидетельствуют: сравни – род, рождение, родной, Родина, родители, родство, родственники, родство и др. А родиться, к сожалению, человек может только один раз… Поэтому, если у

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

человека родной язык, например, татарский, то русский язык, которым он пользуется в разных сферах общения, выполняет различные социальные функции, чаще всего функцию рабочего языка.

Таких уточнений понимания актуальных терминов может быть много. Важно четко выделять актуальные для российской жизни термины, отграничивая их от иностранных – неактуальных, но важных для теории социальной лингвистики. Совершенно очевидно, что не все понятия, термины, наблюдаемые в нарративах политиков России, приемлемы для словаря по языковой политике. Некоторые из них могут нарушить языковое согласие в многонациональной стране.

Интересные научные результаты могут быть получены при исследовании в конкретных социолингвистических работах современной общественно-политической лексики и общественно-политической терминологии на материале выступлений главных лиц Российского государства, членов Государственной Думы, политических деятелей. Тут, конечно, уместно сопоставление с предыдущими этапами либеральной идеологии, господствовавшей в России с 1990 гг. Необходимо учитывать и новые тенденции в развитии государственной идеологии России: попытки сплочения славянских народов (Белоруссия), стремление к социальной справедливости и др. Эти проблемы полезно рассмотреть и на материале речей официальных лиц, произносимых и/или написанных на наиболее функционально развитых языках России (татарском, чеченском, якутском, башкирском и др.).

5 | Заключение

Рассмотрение языковой политики в России показывает, что язык является не только средством общения, но и инструментом государственной идеологии, социальной интеграции и средством поддержания культурного единства. Хотя государственная идеология формально не может устанавливаться, на практике ее элементы проявляются через языковую политику, законодательные инициативы и практическое применение языков в межнациональном общении. Русский язык, обладая статусом государственного, выполняет функции основного средства межнационального общения и условием культурного единства нашей страны, при этом этнические языки демонстрируют её культурно-историческое богатство.

Анализ существующих в России типов языковых идеологий показал, что разные подходы к языку отражают как исторические, так и современные социальные и политические процессы. Практическая реализация языковой политики в России выявляет двойственную тенденцию: обеспечение языкового единства страны через русский язык и поддержка

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

языкового разнообразия этнических сообществ через региональные законы. В связи с этим выявляется необходимость соблюдения баланса между законодательными инициативами и деятельностью научного сообщества и этнических языковых общностей.

Социальная лингвистика как междисциплинарная наука играет важную роль в разработке инструментов для анализа языковых процессов, включая уточнение терминологии, изучение социолингвистических тенденций и анализ влияния идеологии на язык. Исследования СМИ и анализ речей государственных деятелей показывают, как язык используется для формирования общественного мнения и как идеологические установки влияют на выбор слов и смысловых конструкций.

Таким образом, в российской языковой политике реализуются обе ключевые задачи: сохранение языкового единства и поддержка языкового многообразия. Эффективная национально-языковая политика требует не только законодательных усилий, но и постоянного научного анализа и мониторинга реального использования языков в обществе. Успешное решение этих задач позволит России сохранять многонациональное культурное наследие, укреплять гражданскую общность и обеспечивать гармоничное сосуществование всех языков и народов страны.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. (1934) Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. Т. 2. С. 11–33.

Белодед И. К., Костомаров В. Г., Ижакевич Г. П. и др. (1976) Русский язык – язык межнационального общения и единения народов СССР / АН УССР, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. Киев: Наука. 254 с.

Будагов Р. А. (2003) Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. 2-е изд. Москва: Добросвет-2000. 543 с. ISBN 5-94119-015-8.

Валентей Т. В. (2024) Язык, идеология, власть: три составляющие политической стабильности в обществе // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление. (Государство и общество). № 3. С. 78–87.

Васильев А. Д. (2011) Языковое законодательство как реализация идеологических парадигм // Филология и человек. № 4. С. 7–26.

Волошинов В. Н. (1929) Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Ленинград: Прибой. 188 с.

Дешериев Ю. Д. (1972) Язык, идеология и проблемы современной культуры // Идеологическая борьба и современная культура. Москва: Мысль. С. 89–106.

Дешериев Ю. Д. (1984) Идеологическая борьба и языковая политика в современном мире // Slovo a slovesnost. Том 45, № 3. С. 191–203.

Домашнев А. И. (1983) Язык и идеология и их взаимоотношения // Онтология языка как общественного явления. Москва: Наука. 312 с.

Конституция Российской Федерации. (1993) 12 декабря 1993 года. Статья 13. Режим доступа: https://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm. Дата обращения: 10.05.2025.

Краткий политический словарь. (1983) 3-е изд., доп. Москва: Политиздат. 447 с.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Крючкова Т. Б. (1982) К вопросу о многозначности «идеологически связанной» лексики // Вопросы языкознания. № 1. С. 28–36.

Крючкова Т. Б. (1989) Проблемы формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. Москва: Наука. 149 с.

Никольский Л. Б. (1986) Язык в политике и идеологии в странах зарубежного Востока. Москва: Наука. 312 с.

Селищев А. М. (1928) Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). 2-е изд. Москва: Работник просвещения. 248 с.

Стриженко А. А. (1988) Язык и идеологическая борьба. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 147 с.

Тишков В. А., Степанов В. В. (2019) Русский язык – язык гражданской нации // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнолингвистика / Ред. Мартынова М. Ю., Степанов В. В. Москва: ИЭА РАН. С. 13–21.

Klaus G. (1971) Language and Ideology. Munich: Verlag Dokumentation.

Klaus G. (1968) Language and Power: Essays in Sociolinguistics. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.

REFERENCES

Abaev, V.I. (1934) Language as ideology and language as technique. *Language and Thought*, Vol. 2, pp. 11–33. (In Russian).

Beloded, I.K., Kostomarov, V.G., Izhakevich, G.P. et al. (1976) *Russkiy yazyk – yazyk mezhdunarodnogo obshcheniya i yedineniya narodov SSSR* [Russian language as a language of interethnic communication and unity of the peoples of the USSR]. Kyiv: Nauka. 254 p. (In Russian).

Budagov, R.A. (2003) *Razvitie frantsuzskoy politicheskoy terminologii v XVIII veke* [Development of French political terminology in the 18th century]. 2nd ed. Moscow: Dobrosvet-2000. 543 p. ISBN 5-94119-015-8. (In Russian).

Valentei, T.V. (2024) Language, ideology, and power: Three components of political stability in society. *Herald of Moscow University. Series 21. Management (State and Society)*, No. 3, pp. 78–87. (In Russian).

Vasiliev, A.D. (2011) Language legislation as the implementation of ideological paradigms. *Philology and Man*, No. 4, pp. 7–26. (In Russian).

Voloshinov, V.N. (1929) *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the philosophy of language: Main problems of the sociological method in the science of language]. Leningrad: Priboy. 188 p. (In Russian).

Desheriev, Y.D. (1972) Language, ideology, and problems of modern culture. In: *Ideological Struggle and Modern Culture*. Moscow: Mysl, pp. 89–106. (In Russian).

Desheriev, Y.D. (1984) Ideological struggle and language policy in the modern world. *Slovo a slovesnost*, Vol. 45, No. 3, pp. 191–203. (In Russian).

Domashnev, A.I. (1983) Language and ideology and their interrelations. In: *Ontology of Language as a Social Phenomenon*. Moscow: Nauka, pp. 312. (In Russian).

Constitution of the Russian Federation (1993) 12 December 1993, Article 13. Available at: https://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm (Accessed: 10 May 2025). (In Russian).

Kratkiy politicheskiy slovar (1983) 3rd ed., rev. Moscow: Politizdat. 447 p. (In Russian).

Kryuchkova, T.B. (1982) On the polysemy of “ideologically related” vocabulary. *Voprosy Yazykoznaniya*, No. 1, pp. 28–36. (In Russian).

Kryuchkova, T.B. (1989) Problems of formation and development of socio-political vocabulary and terminology. Moscow: Nauka. 149 p. (In Russian).

Nikolskiy, L.B. (1986) Language in politics and ideology in countries of the foreign East. Moscow: Nauka. 312 p. (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Selishchev, A.M. (1928) *Yazyk revolyutsionnoy epokhi: iz nablyudeniy nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926)* [Language of the revolutionary era: Observations on the Russian language in recent years (1917–1926)]. 2nd ed. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya. 248 p. (In Russian).

Strizhenko, A.A. (1988) Language and ideological struggle. Irkutsk: Irkutsk University Press. 147 p. (In Russian).

Tishkov, V.A. and Stepanov, V.V. (2019) Russian language – language of a civic nation. In: M.Yu. Martynova and V.V. Stepanov (eds) *Measuring Cultural Diversity: Language Situation, Censuses, Field Ethnolinguistics*. Moscow: IEA RAN, pp. 13–21. (In Russian).

Klaus, G. (1971) *Language and Ideology*. Munich: Verlag Dokumentation.

Klaus, G. (1968) *Language and Power: Essays in Sociolinguistics*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.

Михальченко Вида Юозовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Россия.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: vida-mi@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0953-3466

Vida Yu. Mikhalchenko – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.
Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow, Russia, 125009.
Email address: vida-mi@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0953-3466

Для цитирования: *Михальченко В.Ю.* Язык и идеология в полиэтническом государстве // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 12–24. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-12-24

For citation: *Mikhalchenko V.Yu.* Language and ideology in a multiethnic state // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 12–24. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-12-24

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 11.02.2025;
approved after reviewing 10.05.2025;
accepted for publication 12.08.2025.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-25-41

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

УДК 81.27

Михаил А. Марусенко

Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация

Наталия М. Марусенко

Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация

Аннотация
В статье рассматривается формирование и эволюция языковых идеологий в период перехода от модерна к постмодерну. Концепт «языковые идеологии» охватывает всю совокупность исследований, которые изучают проблемы осознания носителями своего языка и дискурса. Языковые идеологии всегда несут моральную и (или) политическую нагрузку. Они наделяют некоторые языковые формы или варианты языка (например, стандартные языки) большей ценностью, чем другие. Языковые идеологии могут конвертировать определенные языковые практики в символический капитал, который приносит экономические и социальные выгоды. Из маргинальной тематики они превратились в центральную проблему и выработали свой собственный набор понятий, отличающий их от других направлений лингвистических исследований. К 1980 х гг. исследователям удалось найти аналитический баланс между активностью носителей языка и структурой социальных систем. В конце XX – начале XXI вв. исследования в этой области сконцентрировались вокруг идеологических корней социального неравенства и доминирования форм сознания, которые поддерживали или сопротивлялись доминированию стандартных языков над нестандартными вариантами, мажоритарных языков над миноритарными и культурной власти одних социальных групп над другими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая идеология, социолингвистика, лингвистическая антропология, варианты языка, стандартизация языка, социальное неравенство

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Михаил А. Марусенко, Наталья М. Марусенко, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-25-41

LANGUAGE IDEOLOGIES IN THE POSTMODERN ERA

UDC 81'27

Mikhail A. Marusenko

Saint-Petersburg State University, Russian Federation

Natalia M. Marusenko

Saint-Petersburg State University, Russian Federation

Abstract
The article examines the formation and evolution of linguistic ideologies during the transition from modernity to postmodernity. The term *linguistic ideologies* encompasses a body of research that investigates how native speakers perceive and conceptualize their own language and discourse. Linguistic ideologies inherently bear moral and/or political significance, as they assign differential value to particular linguistic forms or varieties, such as standard languages, over others. These ideologies can transform specific linguistic practices into forms of symbolic capital that yield economic and social advantages.
Over time, the study of linguistic ideologies has evolved from a marginal topic to a central field of inquiry, developing a distinct conceptual framework that differentiates it from other areas of linguistic research. By the 1980s, scholars had achieved an analytical balance between the agency of language users and the structural dynamics of social systems. In the late twentieth and early twenty-first centuries, research in this domain increasingly focused on the ideological underpinnings of social inequality and domination, as well as on the modes of consciousness that either supported or resisted the hegemony of standard over non-standard varieties, majority over minority languages, and the cultural dominance of certain social groups over others.

KEYWORDS: linguistic ideology, sociolinguistics, linguistic anthropology, language variants, language standardization, social inequality

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Mikhail A. Marusenko, Natalia M. Marusenko, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

В триаде «языковая идеология → языковая политика → языковое строительство» целеполагающей является языковая идеология.

Языковые идеологии (language ideologies, linguistic ideologies, ideologies of language) – это представления носителей языка о его структурах и их использовании, как правило, связанные с политическими и экономическими интересами как индивидуальных носителей, так и этнических групп и национальных государств [Kroskrity, 2010].

Сегодня теоретическое понятие «языковые идеологии» (во множественном числе) относится к совокупности исследований, которые изучают проблемы осознания носителями своего языка и дискурса, а также то, как их положение в политико-экономической системе определяет их мысли, высказывания и оценки языковых форм и дискурсивных практик [Kroskrity, 2000]. Работы по этой тематике зародились в рамках лингвистической антропологии благодаря работе М. Сильверштейна «Языковая структура и языковая идеология», который, основываясь на идеях Б.Л. Уорфа, показал влияние языковых идеологий на формирование языковых структур. Сильверштейн утверждал, что рефлексия носителей относительно своего языка часто является основным фактором, определяющим эволюцию языковых структур. Он определил языковые идеологии как «любой набор мыслей о языке, выражаемых его носителями для рационализации или оправдания существующих языковых структур и их использования» [Silverstein, 1979].

Языковые идеологии имеют своим предметом не сам язык, а отношения между языком и другими социальными феноменами, включая широкий диапазон явлений от идентичности (этнической, гендерной, расовой, национальной, локальной, возрастной, субкультурной и др.) до глобальных концепций личности и моделей человеческого поведения [Woolard, 2021: 2]. Языковые идеологии существуют как в виде ментальных конструктов и их вербальных выражений, так и в форме воплощенных практик и предрасположенностей, т. е. того, что П. Бурдьё называл габитусом [Богданов и др., 2020].

2 | Становление языковых идеологий как сферы исследований

В XX в. языковые идеологии считались маргинальной сферой исследования, потому что, по мнению большинства лингвистов, они не могли отражать фундаментальные языковые структуры.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Когда язык стал центром проекта модерна, сформировавшийся сегодня комплекс социальных форм не существовал ни в Европе, ни где-нибудь еще. Поэтому Джон Локк не принял европейские (континентальные) идеи о языке, о письменных и устных формах и не возводил их в ранг универсалий. Он развивал идеи Френсиса Бэкона и его единомышленников из Королевского общества, принял их дискурсивные практики, которые сегодня ассоциируются со схоластикой, а разговорные формы оставил беднякам, торговцам и женщинам, считающимся главными препятствиями для модерна. Многие формы языка (поэтические, риторические, рефлексивные и персуазивные) он считал враждебными концептуальному и политическому порядку. Эта редукционистская, атомистическая и индивидуалистическая концепция языка стала образцом, но не для коммуникации, а для рационального и социального мышления.

Задачей Локка и его последователей было формирование субъектности модерна и субъектов, познающих истину и выражающих интересы человечества, истины и природы, а не свои собственные или какого-нибудь социально или территориально ограниченного сообщества. Язык стал ключевым маркером в дихотомии локальное/глобальное или провинциальное/космополитическое. Поскольку все высказывания, как письменные, так и устные, должны были подвергаться пурификации, деконтекстуализации, уточнению и рационализации, каждый человек находился под постоянным наблюдением, в зависимости от того, насколько он воплощал в себе модель субъекта эпохи модерна. Идеологическая чистота и языковой пуризм создали основу для широкого распространения социолингвистических гибридов. Являясь теоретиком образования, Локк создал модели для обучения индивидов тому, как использовать речь в тех или иных ситуациях. Так как речевые формы были очень разнородными, стандартизация языка служила созданию форм и практик, которые становились образцами для привилегированных слоёв общества, а также гибриды, которые связывали чистые речевые формы с просвещенными социальными классами. В центр процесса гибридизации Локк ставил образование, потому что именно в нем создаются гибридные языковые формы и формы социолингвистического подчинения, которые определяют социальные отношения через ограничения доступа к образованию и создание механизмов контроля. Напомним, что женщины, даже принадлежащие к земельной аристократии, должны были получать только элементарное домашнее образование, тогда как мужчины, принадлежащие к элите, должны были изучать грамматику и становиться образцовыми языковыми моделями. Научно-языковые гибриды, возникающие в дискурсивных практиках,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ассоциирующихся с механистической философией, становились моделями языкового, социального и политического порядка.

Век спустя Иоганн Гердер возродил проект модерна, включив в него некоторые языковые конструкции, которые Локк хотел ликвидировать. Этот тип гибридизации, объединивший социальные категории, народ и языковую картографию, в конце XVIII и в XIX вв. стал доминирующим. Затем братья Якоб и Вильгельм Гримм овеществили эти намерения и поставили их на научную основу, создав для германской нации национальный язык, словарь, грамматику, легенды и сказки, оправдав таким образом идеологию гибридизации.

В завершение этой научной парадигмы Франц Боас разработал средства пурификации и гибридизации языка в новых условиях постмодерна, рационализма и космополитизма. Традиция связи языка с природой, наукой, обществом и политикой продолжает выполнять ключевую функцию в постмодерновых проектах и создании новых форм социального неравенства. И то, что сегодня кажется новым, часто имеет поразительные сходства с тем, что существовало ранее, иногда за несколько веков до нашего времени.

Признание центральной роли языковых идеологий произвело драматический концептуальный переворот как в антропологии, так и в лингвистике. В антропологии это связано с работами Ф. Боаса, уделявшего больше внимания дескриптивному анализу и исторической лингвистике, чем культурной обусловленности речи. В лингвистике в XX в. большое влияние на языковые идеологии оказали идеи Ф. Соссюра и В.Н. Волошинова, которые отрицали идеологический характер системы знаков [Волошинов, 1993], что привело к маргинализации и прямому запрету исследований в этой области лингвистики.

За то время, когда языковые идеологии превращались из маргинальной тематики в центральную проблему лингвистики, в них был выработан собственный набор понятий, отличающий их от других направлений лингвистических исследований [Kroskrity, 2024]:

1) языковые идеологии представляют язык и дискурс как ментальные конструкты, которые используются в интересах конкретных социальных, политических или культурных групп;

2) множество языковых идеологий объясняется разнообразием социальных делений (класс, гендер, раса, этнос, образование, возраст, регион и т.д.);

3) разные группы носителей языка имеют разную осведомленность о глобальных и локальных языковых идеологиях;

4) языковые идеологии являются посредниками между социальными структурами и языковыми формами.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Историография языковых идеологий свидетельствует не только об их производстве, но и о постоянном воспроизводстве. При рассматрении роли языковых идеологий в формировании социальных идентичностей (включая этническую, гендерную, автохтонную и национальную) становится очевидным, что языки давно используются для определения границ между социальными группами. Еще И. Гердер и другие европейские философы считали естественным примордиальное единство языка, нации и государства, а современные теоретики национализма настаивают на использовании общего языка как на главном способе сохранения «воображаемого сообщества» национальной идентичности [Anderson, 1991].

В наше время исследования в области лингвистической антропологии сосредоточены на изучении социального характера коммуникации, что привело к признанию доминирующей роли носителей языка. Исследования в этой области направлены на анализ идеологических корней социального неравенства и политического доминирования, а также тех форм сознания, которые поддерживают доминирование стандартных языков над нестандартными, мажоритарных над миноритарными или сопротивляются ему.

Стандартизация и кодификация национальных языков привели к доминированию идеологии стандартного языка, хотя декларируемой целью этих мероприятий обычно является достижение более эффективной коммуникации. Результатом стандартизации является создание норм, вследствие чего формы речи, отклоняющиеся от стандартных (а также их носители), считаются неполноценными и второсортными [Gal, 2006: 171].

Стигматизация тех вариантов языка, которые не вписываются в эту эксклюзивную идеологию доминирования, ведет к смене (language shift) или потере языка (language loss). Еще одним последствием стандартизации и кодификации становится языковой пуризм, когда «хранители языка» пытаются препятствовать заимствованиям из других языков, чтобы не загрязнять стандартную форму нестандартными и, по определению, второсортными языковыми формами [Fuller, 2012: 10].

У. Вайнрайх в 1953 г. впервые показал, что чисто лингвистические критерии являются недостаточными для понимания последствий языковых контактов и что задачи лингвистической теории требуют изучения носителей языка и социумов, в которых они живут [Weinreich, 2010]. Поэтому изучение языковых контактов должно производиться параллельно с изучением непосредственного контекста, т.е. социальных структур, внутри которых взаимодействуют носители. Существуют два сценария развития языковых контактов (сохранение языка или интерференция путем смены языка), выбор одного из которых определяется иерархией языковых и социальных факторов, зависящих от языковых

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

идеологий. Каждый сценарий имеет свой набор параметров, от которых зависит, какой языковой материал должен передаваться, заимствоваться или воспроизводиться, и почему в ситуации устойчивого двуязычия заимствование происходит на лексическом уровне, а на стадии смены языка в первую очередь страдают фонологические и синтаксические элементы. Несмотря на некоторые разногласия, в научном сообществе сложился консенсус относительно того, что социальные факторы являются важными детерминантами результатов контактов и взаимодействуют с языковыми факторами.

В конце XX в. раздались голоса ученых, заговоривших о «провинциализации» Европы. Они имели в виду, что категории и отношения, связанные с определенными местами и временами, усилиями европейских исследователей были возведены в ранг универсалий и стали использоваться для описания всего мира и доминирования над ним. Сегодня Европа, а с ней и весь мир, пытаются депровинциализироваться. В этом постмодернистском проекте центральную роль играют языковые конструкции (включая языковые идеологии и метадискурсивные практики) и традиции.

3 | Современные исследования в области языковых идеологий

Сегодня языковые идеологии постмодерна представляют собой системы идей, которые обслуживали и продолжают обслуживать национальные государства и их институциональные придатки, в частности, образование с целью установления или поддержания существующего политического режима. Они рассматривают языки как кодифицированные с помощью специальных языковых артефактов (словарей, грамматик и т.д.), имеющие собственные имена (английский, турецкий, арабский и т.д.), носители которых имеют четко определенные этноязыковые идентичности (Я являюсь носителем языка X, следовательно, я принадлежу к группе Y). Эти идеологии, содействующие поддержанию национального порядка, концентрируются вокруг двух основных идей: создания стандарта или нормы языкового поведения, общих для всех жителей национального государства, и отказа от гибридности или двусмысленности любой формы языкового поведения. Первая из этих двух тесно связанных идей является целью, достижению которой способствует вторая. Так, отказ от гибридности в любой форме (на письме или в произношении) подразумевается при выработке языкового стандарта. Стандартный язык представляется как норма и торгуется на рынке как правильная форма официального или национального языка. Он часто ассоциируется с моральными ценностями своих носителей.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Поскольку языки рассматриваются как конечные сущности, ограниченные синтаксическими правилами и грамматиками, их использование может подвергаться оценке: некоторые носители языка могут оцениваться выше, чем другие. Так, в образовательных учреждениях разделение учеников по уровням владения стандартным языком или использования школьного варианта какого-либо языка оказывает сильное влияние на формирование идентичности.

С этим связано понятие индексации: любая языковая единица несет идеологическую нагрузку дополнительно к своему референциальному значению, кроме того, она обладает прагматическим или социальным значением, т.е. индексируемостью. Другими словами, любая единица языка, которую мы используем, потенциально может оцениваться по отношению к норме и сравниваться с другими, используемыми в том же социальном пространстве. Самым наглядным примером индексации является оценка акцентов, которая встроена в народный дискурс о языке (деревенский или столичный акценты). Так, акцент может оцениваться как «красивый», престижный и характеризует говорящего как хорошо образованного. Индексирование является когнитивным цементом, который связывает использование языка с социальными понятиями, и это происходит с помощью институционально одобряемого оценочного дискурса. Это означает, что любой речевой акт включает в себя идентичностный аспект и что индексация является показателем групповой принадлежности [Spotti, 2011: 32].

Еще одним аспектом применения языковых идеологий являются ситуации смены языков и попытки развернуть эту ситуацию в обратном направлении.

Толчок к росту интереса к этой теме дала статья М. Краусса [Krauss, 1992], предсказавшего, что половина существующих языков исчезнет в XXI в., а большинство остальных (кроме самых широко распространеных) перейдут в категорию языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Неудивительно, что ажиотаж вокруг языков, находящихся в опасности, начавшийся в 1990-е гг. и основанный на чисто количественном подходе к языковому разнообразию, вызвал к жизни движение, получившее название ревитализация. Основоположником этого движения считается американский антрополог Энтони Уоллес, изучавший традиционные верования коренных народов Америки и изложивший свои взгляды в статье «Revitalization Movements» (1956). Уоллес выделил четыре основных типа движений за возрождение языков: 1) нативистские, которые стремятся устранить из своей культурной системы иностранные элементы; 2) хилиастические, делающие ставку на радикальные трансформации; 3) ревиталистские, направленные на восстановление обычаев, институтов и ценностей,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

существовавших раньше; 4) виталистские, признающие ценность чужих элементов для культурной системы [Wallace, 1956]. Каждое существующее на данный момент движение может относиться либо к одному чистому типу либо представлять собой смесь элементов разных типов.

Процесс возрождения языка может включать в себя несколько параллельных процессов. Прежде всего, это должны быть меры по приобщению к исчезающему языку молодых носителей (revitalization), затем к ним могут добавляться меры по активизации и расширению использования возрождаемого языка в языковом сообществе при отсутствии активных носителей этого языка (renewal) и, наконец, меры по изучению исчезающего языка с использованием исторических источников (reclamation). Можно отметить, что термины, используемые в лингвистическом дискурсе по этой теме, обозначают разные понятия, но у них есть одна общая сема – префикс *re*- у существительных или прилагательных. Таким образом, все они обозначают всего лишь возврат к прежнему состоянию.

В идеологии возрождения языка применяются не только сами идеи, но и мифы, содержащие, кроме моделей поведения для носителей, наборы изменений, которые действующие агенты должны произвести в целях возрождения. Эти мифы касаются, как правило, либо древнего происхождения языкового сообщества, либо замены его на новый миф о блестящем будущем данного языкового сообщества. Замена одного мифа на другой происходит в процессе жесткой идеологической борьбой внутри языкового сообщества, в котором доминирующая группа пытается навязать свою точку зрения на идентичность, будущее и прошлое сообщества всем остальным, придать легитимность социальному разделению данного сообщества и сохранить свои привилегии [Bourdieu, 1991].

На смену мифу о прежнем величии языков, находящихся под угрозой исчезновения, пришел миф о стандартном языке, являющийся одной из старейших языковых идеологий.

Старейшее определение стандартного языка принадлежит О. Есперсену: «это язык тех носителей, по чьему произношению нельзя понять, из какой они местности» [Jespersen, 1925]. Уже тогда вставал вопрос, можно ли считать реальностью общий язык, если он не позволяет определить, из какого региона происходят его носители. На практике определить регион происхождения носителя стандартного языка очень легко, но лингвисты, сторонники позитивистской философии, считают, что с течением времени разрыв между стандартом и языковой реальностью должен сглаживаться. Этот процесс сглаживания различий считался необратимым: «идеал будущего или … конечная точка, к которой идет развитие, это та, в которой оба станут одинаковыми; другими словами, человек, который хочет говорить

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

цивилизованно, будет сознательно стремиться к избавлению от всего диалектного» [Haeringen, 1924: 65-66]. В западноевропейской традиции основным элементом определения стандартных языков стал критерий региональной безакцентности. Из Европы он распространился на другие страны и континенты, в частности, на идеологию стандартного языка в США. И в наши дни отсутствие регионального акцента является важнейшим признаком стандартного языка, потому что «мы хотим, чтобы язык был географически нейтральным, так как думаем, что эта нейтральность принесет с собой расширение круга общения» [Lippi-Green, 2012: 60].

Особую актуальность проблема стандартных языков приобрела со второй половине XVIII – первой половине XIX в., так как в это время этнический национализм превратился в политическую идеологию, что привело к образованию европейских национальных государств. Языковая стандартизация стала основным методом реализации языковых идеологий, важнейшим историческим и культурным феноменом эпохи модерна. Только с переходом к постмодерну мифы и идеологии, связанные с формированием стандартных языков, стали объектами социолингвистического исследования.

Что касается нейтральности стандартных языков, она представляет такой же миф, как и сами стандартные языки. Выделяются два типа нейтральности: нейтральность как общее пространство и нейтральность как немаркированность [Rutten, 2016: 28]. В первом случае языковые формы или варианты считаются нейтральными в том смысле, что эти общие формы используются для междиалектной коммуникации. Но такие формы не являются нейтральными, поскольку они имеют разное региональное и (или) социальное происхождение и используются носителями с очень разными региональными и социальными корнями. В историческом металингвистическом дискурсе общие формы считаются дополнительными, а нейтральный вариант языка – дополнительным вариантом для специальных целей. Развитие стандартных языков не заменяет существующие варианты, но добавляет новое измерение к социолингвистическому пространству.

Но уже в 1800-х гг. нейтральность как общее пространство трансформировалась во второй тип – нейтральность как немаркированность. Произошел дискурсивный сдвиг, при котором общие формы больше не определяются как используемые для междиалектной коммуникации, а становятся стандартными, тогда как другие формы и варианты, которые раньше использовались как общие, становятся необщими и нестандартными, из-за чего их следует избегать.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Появление и развитие социолингвистики в XX в. привело к пониманию того, что для определения стандартного языка необходимо использовать социолингвистические признаки, связанные с расовым, этническим, социальным и образовательным статусом носителей, а не ограничиваться только чисто лингвистическими признаками.

В самом чистом виде эта идеология реализуется в американском варианте английского языка. Сегодня для обозначения варианта английского языка, на котором говорят (Standard English – SE) и пишут (Standard Written English – SWE) образованные носители, используется противоречивый термин – стандартный английский. Это понятие трудно поддается определению, но оно широко используется в самых разных сферах, хотя даже образованные люди не знают, что оно значит (для стандартного американского английского чаще используется термин «общий английский» – General American (GA)).

Наиболее полным рабочим определением термина «стандартный английский» является следующее: «Стандартный английский (далее SE) – это форма английского языка, подвергшаяся существенной регламентации и ассоциирующаяся с формальным образованием, оценками уровня владения языком. Он включает все языковые признаки (морфологию, фонологию, синтаксис, лексику, речевые регистры, дискурсивные маркеры, прагматику), а также признаки письменного языка SWE (орфографию, пунктуацию, правила использования прописных букв и образования аббревиатур)» [Standard English, 2024].

На сегодняшний день следующие национально-территориальные варианты английского языка обладают статусом SE: 1) австралийский, новозеландский и южнотихоокеанский стандартный английский; 2) британский и ирландский стандартный английский; 3) американский стандартный английский (General American); 4) канадский стандартный английский; 5) карибский стандартный английский; 6) восточно-, западно- и южноафриканский стандартный английский; 7) южноазиатский стандартный английский; 8) восточноазиатский стандартный английский.

На разных этапах стандартизации находятся многие национально-территориальные варианты английского языка, составляющие понятие «мировые английские» (Word Englishes). В результате, в мире существует не один стандартный английский, а много его национальных вариантов. Однако численность людей, говорящих на этих вариантах стандартного английского, невелика, потому что большинство их носителей говорят на своих местных диалектах английского, со своими собственными особенностями, которые могут значительно отличаться от национального стандарта. Каждый из этих вариантов стандартного английского

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

языка имеет свои собственные стандартные правила грамматики, орфоэпии, пунктуации, правописания и т.д.

Тот вариант стандартного английского, который используется в США, называется General American (сокр. GA). Этот вариант не имеет регионального акцента и представляет собой не географический, а социальный диалект, происходящий от северо-восточного диалекта Новой Англии, откуда иммигранты и печатные СМИ распространили его по всей территории США. Однако во многих крупных городских аггломерациях США за последние 80 лет появились свои региональные диалекты, например, бостонский.

Модель английского языка, предложенная британским лингвистом П. Стривенсом, бывшим председателем Ассоциации по преподаванию английского языка как иностранного (IATEFL), строится на следующих положениях [Strevens, 1981: 1-9]:

– модель мировых английских может быть представлена в виде древовидного графа, показывающего, как разные варианты английского образовывались от американского и британского вариантов;

– ни один вариант английского не может быть выше или ниже любого другого, и английский больше не принадлежит тем, кто говорит на нем как на своем этническом языке;

– стандартные американский и британский варианты не обязательно лучшие для использования в школах и других формальных ситуациях в других странах, чем локальные варианты, легче принимаемые населением;

– «английский» (English) – это родовой термин, относящийся ко всем языкам, а «английские» (Englishes) – обозначают видовые варианты языка, входящие в это родовое понятие.

В странах, где английский является первым языком большинства населения, один из диалектов используется в национальном масштабе для официальных целей; он и становится стандартным языком (SE), который используется главным образом в печатных текстах и официальном дискурсе. Этот стандартный диалект характеризуется относительной внутренней однородностью в отношении грамматики, словаря, орфографии и пунктуации, из которых самой стабильной является грамматика.

Таким образом, стандартный английский в англоязычной стране является миноритарным вариантом, характеризующимся своим словарем, грамматикой и орфографией, имеющим высокий престиж и понимаемым большинством населения. Д. Кристал сформулировал основные признаки этого понятия [Crystal, 2003: 296]: 1) SE – это вариант английского языка, представляющий собой уникальное сочетанием языковых признаков,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

используемых в особой функции; 2) оригинальные языковые признаки SE касаются преимущественно грамматики, лексики и орфографии, но не произношения; 3) SE – это наиболее престижный вариант английского в данной стране; 4) престижность SE разделяется большинством взрослых членов сообщества, которые рекомендуют его как цель для системы образования; 5) понятность SE большинству взрослого населения не делает его самым распространенным вариантом. Только меньшинство взрослого населения страны пользуется им в устной речи. Даже в письменной форме этот вариант остается миноритарным, потому что его использование является обязательным только в определенных целях (официальный дискурс).

4 | Заключение

На протяжении длительного исторического периода доминирующей языковой идеологией остается идеология стандартного языка. Сформировавшаяся в конце XVIII в. для содействия построению европейских национальных государств, она развивается и интенсивно используется в наши дни. Наглядным примером являются ведущиеся в России работы по кодификации русского языка как государственного. В то же время альтернативная идеология (ревитализация) представляет чисто лингвистический интерес и не имеет удачных примеров практической реализации (за исключением иврита).

Однако многие лингвисты считают, что сама идея существования разговорного стандартного языка представляет собой миф, т.е. гипотетический конструкт. Они предпочитают говорить об идеальном языке, с которым связано представление о высокой степени совершенства.

Основная функция мифа о стандартном языке – оправдание существующего социального порядка. Миф укрепляет традиционные социальные ценности, возводя традиции на пьедестал. Поскольку миф находит корни настоящего в прошлом, он становится социальной хартией будущего, которое будет точной копией настоящего.

Современные сторонники навязывания стандартных языков считают, что работа лексикографов сводится к нормированию узуса на разных уровнях. Они должны указывать, какой вариант является стандартным, а какой нет, является ли один вариант более низким, чем другой. Это молчаливое, общее мнение «хранителей языка» (писателей, издателей, журналистов, преподавателей, составителей нормативных словарей). Хотя необходимость внедрения стандартов в язык является спорной, кто-то должен делать это, потому что без

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

стандартов и структурных законов общество находится под угрозой языковой анархии [Kilpatrick, 1999].

Немногое изменилось с тех пор, как Джонатан Свифт в 1712 г. опубликовал послание графу Оксфордскому «Предложение об исправлении, усовершенствовании и уточнении английского языка» [Swift, 1712]. Он намеревался защищать английский язык от его носителей и считал, что имеет на это полное право. Эта идея использовалась нацистами во время Второй мировой войны, развесившими в Голландии плакаты, на которых было написано, что плохая грамматика разрушает нации [Lippi-Green, 2011: 56]. Она жива и в наши дни. Однако в рамках национально-функциональной парадигмы языковой политики главенствующая роль отводится носителям, что объясняет появление многочисленных вариантов, например, стандартного английского языка (Word Englishes).

ЛИТЕРАТУРА

Богданов С. И., Марусенко М. А., Марусенко Н. М. (2020) Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 304 с.

Волошинов В. Н. (1993) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / коммент. В. Махлина. Серия: Бахтин под маской. М.: Лабиринт. 189 с.

Anderson B. (1991) Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised edition. London: Verso. 224 p.

Bourdieu P. (1991) Language and Symbolic Power / Trans. G. Raymond, M. Adamsom. Cambridge: Harvard University Press. 320 p.

Crystal D. (2003) The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press. 296 p.

Fuller J. (2012) Spanish Speakers in the US. Bristol: Multilingual Matters. 200 p.

Gal S. (2006) Contradictions of standard language in Europe: implications for practices and publics // Social Anthropology. Vol. 14, No. 2. P. 163–181.

Haeringen C. B. van. (1924) Eenheid en nuance in beschaafd-Nederlandse uitspraak // *De Nieuwe Taalgids.* № 18. P. 65–66.

Jespersen O. (1925) Mankind, Nation and Individual from a Linguistic Point of View. Oslo: H. Aschehoug & Co. 232 p.

Kilpatrick J. J. (1925–1966*) Papers.* University of Virginia Library, Charlottesville, Va. Available at: http://ead.lib.virginia.edu/vivaead/published/uva-sc/vivadoc.pl?file=viu04061.xml. Accessed: 08.12.2013.

Krauss M. (1992) The world's languages in crisis // Language. № 68 (1). P. 4–10.

Kroskrity P. V. (2010) Language Ideologies // Handbook of Pragmatics. Vol. 14. P. 1–24.

Kroskrity P. V. (без года) Language ideologies: evolving perspectives. P. 195–200. Available at: https://www.researchgate.net/publication/285809637_Language_ideologies_Evolving_perspectives. Accessed: 12.12.2024.

Kroskrity P. V. (2000) Regimenting Languages // Regimes of Language: Ideologies, Polities, and Identities (School of American Research Advanced Seminar Series) / ed. P. Kroskrity. Santa Fe, NM: School of American Research Press; Oxford: James Currey. P. 1–34.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Lippi-Green R. (2012) English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. 2nd ed. London; New York: Routledge. 384 p.

Lippi-Green R. (2011) The standard language myth // English with an Accent. London; New York: Routledge. P. 55–65.

Rutten G. (2016) Standardization and the myth of neutrality in language history // International Journal of the Sociology of Language. № 242. P. 25–57.

Silverstein M. (1979) Language Structure and Linguistic Ideology // The Elements / eds. P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer. Chicago: Chicago Linguistics Society. P. 193–248.

Spotti M. (2011) Modernist language ideologies, indexicalities and identities: looking at the multilingual classroom through a post-Fishmanian lens // Applied Linguistics Review. Vol. 2. P. 29–50.

Standard English. (2024) Available at: https://www.hellovaia.com/explanations/english/international-english/standard-english/. Accessed: 07.12.2024.

Strevens P. (1981) What Is 'Standard English'? // RELC Journal. Vol. 12 (2). P. 1–9.

Swift J. A proposal for correcting, improving and ascertaining the English tongue. Available at: https://jacklynch.net/Texts/proposal.html. Accessed: 07.12.2024.

Wallace A. F. C. (1956) Revitalization Movements // American Anthropologist. № 58. P. 264–281.

Weinreich U. (2010) Languages in Contact: Findings and Problems. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 160 p.

Woolard K. (2021) Language ideology // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology / ed. J. Stanlaw. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. P. 1–21.

REFERENCES

Bogdanov, S.I., Marusenko, M.A. and Marusenko, N.M. (2020) *Yazykovoy kapital v strukture chelovecheskogo i kulturnogo kapitala (sotsialnye i obrazovatelnye aspekty izucheniya i ispolzovaniya yazykov)* [Linguistic capital in the structure of human and cultural capital (social and educational aspects of learning and using languages)]. St Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publishing House. 304 p. (In Russian).

Voloshinov, V.N. (1993) *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* / komment. V. Makhlina. Seriya: Bakhtin pod maskoy. [Marxism and the Philosophy of Language: The main problems of the sociological method in the science of language / commentary by V. Makhlina. Series: Bakhtin under the Mask]. Moscow: Labirint. 189 p. (In Russian).

Anderson, B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised edition. London: Verso. 224 p.

Bourdieu, P. (1991) *Language and Symbolic Power* / trans. G. Raymond and M. Adamson. Cambridge, MA: Harvard University Press. 320 p.

Crystal, D. (2003) *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press. 296 p.

Fuller, J. (2012) *Spanish Speakers in the US*. Bristol: Multilingual Matters. 200 p.

Gal, S. (2006) Contradictions of standard language in Europe: Implications for practices and publics. *Social Anthropology*, 14(2), pp. 163–181.

Haeringen, C.B. van (1924) Eenheid en nuance in beschaafd-Nederlandse uitspraak. *De Nieuwe Taalgids*, 18, pp. 65–66.

Jespersen, O. (1925) *Mankind, Nation and Individual from a Linguistic Point of View*. Oslo: H. Aschehoug & Co. 232 p.

Kilpatrick, J.J. (1999) *Papers, 1925–1966*. Charlottesville, VA: University of Virginia Library. Available at: http://ead.lib.virginia.edu/vivaead/published/uva-sc/vivadoc.pl?file=viu04061.xml (Accessed: 8 December 2013).
Krauss, M. (1992) The worlds languages in crisis. *Language*, 68(1), pp. 4–10.
Kroskrity, P.V. (2010) Language ideologies. *Handbook of Pragmatics*, 14, pp. 1–24.
Kroskrity, P.V. (n.d.) Language ideologies: Evolving perspectives. pp. 195–200. Available at: https://www.researchgate.net/publication/285809637_Language_ideologies_Evolving_perspectives (Accessed: 12 December 2024).
Kroskrity, P.V. (2000) Regimenting languages. In: P.V. Kroskrity (ed.) *Regimes of Language: Ideologies, Polities, and Identities* (School of American Research Advanced Seminar Series). Santa Fe, NM: School of American Research Press; Oxford: James Currey, pp. 1–34.
Lippi-Green, R. (2012) *English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States*. 2nd ed. London and New York: Routledge. 384 p.
Lippi-Green, R. (2011) The standard language myth. In: *English with an Accent*. London: Routledge, pp. 55–65.
Rutten, G. (2016) Standardization and the myth of neutrality in language history. *International Journal of the Sociology of Language*, 242, pp. 25–57.
Silverstein, M. (1979) Language structure and linguistic ideology. In: P. Clyne, W. Hanks and C. Hofbauer (eds) *The Elements*. Chicago: Chicago Linguistic Society, pp. 193–248.
Spotti, M. (2011) Modernist language ideologies, indexicalities and identities: Looking at the multilingual classroom through a post-Fishmanian lens. *Applied Linguistics Review*, 2, pp. 29–50.
Standard English. (n.d.) Available at: https://www.hellovaia.com/explanations/english/international-english/standard-english/ (Accessed: 7 December 2024).
Strevens, P. (1981) What is Standard English? *RELC Journal*, 12(2), pp. 1–9.
Swift, J. (n.d.) *A Proposal for Correcting, Improving and Ascertaining the English Tongue*. Available at: https://jacklynch.net/Texts/proposal.html (Accessed: 7 December 2024).
Wallace, A.F.C. (1956) Revitalization movements. *American Anthropologist*, 58, pp. 264–281.
Weinreich, U. (2010) *Languages in Contact: Findings and Problems*. Berlin: Walter de Gruyter. 160 p.
Woolard, K. (2021) Language ideology. In: J. Stanlaw (ed.) *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, pp. 1–21.

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация.
Адрес: 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7–9.
Эл. адрес: mamikhail@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-0441-7845

Марусенко Наталия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация.
Адрес: 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7–9.
Эл. адрес: nmm.spb@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-3347-1373

Mikhail A. Marusenko – DSc (Linguistics), Professor, Saint Petersburg State University, Russia.
Address: Universitetskaya Emb. 7–9, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034.
Email: mamikhail@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-0441-7845

Natalia M. Marusenko – PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Russia.
Address: Universitetskaya Emb. 7–9, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034.
Email: nmm.spb@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-3347-1373

Для цитирования: *Марусенко М.А., Марусенко Н.М.* Языковые идеологии в эпоху постмодерна // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 25–41. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-25-41

For citation: *Marusenko M.A., Marusenko N.M.* Language ideologies in the postmodern era // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 25–41. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-25-41

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 07.12.2024;
approved after reviewing 10.03.2025;
accepted for publication 17.06.2025.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-42-66

«ЯЗЫКОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ» КАК ИДЕОЛОГЕМА

УДК 81'27

Ольга Б. Януш

ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», Россия

Наиль М. Мухарямов

ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», Россия

Примечание
Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Академии наук Республики Татарстан

Аннотация
В статье рассматриваются тенденции идейно-информационной динамики и концептуальные образования, увязывающие свойства суверенности и политико-языкового функционирования в современных российских условиях. Предпосылки актуализации этой тематики формируются в контексте семантической деривации концептов как в вариантах линейного структурирования субстантивных значений «отраслевых» суверенитетов, так и в так и в качественно иных коллокациях концептов с акцентами на ценностно-символических смыслах. «Языковой суверенитет» анализируется как декларативная норма законодательства начала 1990-х годов, как фрейм-идеологема в нынешнем публично-информационном пространстве и как стратегическая установка современной языковой политики. Языковые аспекты в дискурсах суверенности, как показано в статье, претерпевают рефрейминг от интенций декларативно-нормативного оснащения дву- и многоязычия и регулирования языковых ситуаций к когнитивным структурам, определяемым в качестве идеологемы, ориентированной на коммуникативную сплоченность общества на основе общего кода, который был бы способен развиваться на своей собственной основе. Смысловой дуализм суверенитета – независимость и верховенство – применительно к языку получает свое преломление. Из этого следует потребность в предотвращении в институциональной коммуникации не только избыточного использования заимствований, но и иных субстандартных отклонений собственно русскоязычной природы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: суверенитет, суверенность, язык, фреймы-идеологемы, суверенитет Российской Федерации в языковой сфере, суверенная языковая политика, когнитивная политика

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Ольга Б. Януш, Наиль М. Мухарямов, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-42-66

"LANGUAGE SOVEREIGNTY" AS AN IDEOLOGEME

UDC 81'27

Olga B. Yanush

Kazan State Power Engineering University,

Russian Federation

Nail M. Mukharyamov

Kazan State Power Engineering University,

Russian Federation

Acknowledgments
The study was carried out with the financial support of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Abstract
The article explores the ideological and informational dynamics, as well as the conceptual formations, that connect the notions of sovereignty with the political and linguistic functioning of contemporary Russia. The relevance of this topic emerges within the context of the semantic evolution of key concepts, both through the linear structuring of the substantive meanings of various forms of "sectoral" sovereignty and through occasional conceptual collocations that emphasize value-symbolic dimensions.
The notion of *language sovereignty* is analyzed, first, as a declarative legal norm established in the early 1990s; second, as a frame-ideologeme within the current public information space; and third, as a strategic principle of language policy. Corresponding to this threefold distinction, the linguistic aspects within discourses of sovereignty undergo significant reframing. As the article demonstrates, they shift from the declarative and normative intentions of supporting bi- and multilingualism and regulating linguistic situations toward cognitive structures conceptualized as an ideologeme aimed at fostering communicative cohesion within society on the basis of a common linguistic code capable of self-sustained development. The semantic dualism of sovereignty – independence and supremacy – is reinterpreted in relation to language. This implies the need to prevent not only the excessive use of borrowings in institutional communication but also other substandard deviations inherent to the Russian language.

KEYWORDS: sovereignty, sovereignness, language, ideological frames, sovereignty of the Russian Federation in the language sphere, sovereign language policy, cognitive policy

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Ol'ga B. Yanush, Nail' M. Mukharyamov, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Вместо введения: суверенитет и фреймы суверенности

Категория «суверенитет» и формируемые в связи с ней концептуальные образования обладают такими конфигурациями значений, которые заведомо исключают какую-либо одномерность. Смысловая множественность в этой области заложена и в политической онтологии, и в соответствующей эпистемологии, и, как следствие, в полиморфной семантике. Запрос на «суверенность во всем» – одна из самых заметных черт сегодняшнего информационно-политического пространства страны1. Номенклатура предметов, на которые распространяется такой запрос, приобретает небывало расширенный вид, охватывая самые разнородные явления [См. подробнее: Януш, Мухарямов, 2025].

Помимо исходной смысловой двойственности в понимании суверенитета – дистинкция верховенства и независимости – существует и более широкий спектр вариантов логических оппозиций, в которых оказываются те или иные значения рассматриваемого понятия.

Суверенитет Российской Федерации закреплен в Основном Законе как одна из основ конституционного строя (статьи 3, 4), следовательно, имеет высокий государственно-правовой статус. Изменения в Конституции, введенные Законом РФ от 14.03.2020, включают часть 2, Статьи 67 – «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности». Дефиниция Конституционного суда РФ, на которую ссылаются эксперты, относится не к традиционно понимаемым источникам права (нормам конституционного права), а к области правовой (конституционной) доктрины, т.е. совокупности теоретически осмысленных взглядов, позиций ученых, компетентных мнений правоведов, в том числе, позиции Конституционного суда2. В каких бы областях социально-политической жизни ни артикулировалась проблематика суверенитета (шире – суверенности), практически всегда складывается гетерогенная в смысловом отношении картина.

В официальных материалах Комиссии Совета Федерации РФ по защите государственного суверенитета говорится: «Понятие государственный суверенитет многомерно. Оно включает далеко не одни лишь формально-правовые, политические

[1] Как рушатся четыре столпа глобального западного господства. (2024). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vz.ru/world/2024/11/21/1299185.html. Дата обращения: 28.04.2025.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. N 10-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». (2000). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://constitution.garant.ru/act/federative/12119810/. Дата обращения: 28.04.2025.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

элементы, не только проецируется на проблематику производственно-техническую и финансово-экономическую, но и подразумевает суверенитет информационный, культурный, духовно-нравственный»3.

Ранее сенаторами были выделены наиболее широко обсуждаемые аспекты суверенитета: политический, военный, электоральный, финансово-экономический, энергетический, технологический, продовольственный, социально-культурный4.

В номинации «культурный суверенитет» по ситуации 2018 года, как отмечалось, у России 13-15-ая рейтинговая позиция (среди государств, входящих в G-20) на одном уровне с Бразилией и Аргентиной)5.

Концептуальный аппарат – совокупность производных коллокаций с присутствием «суверенитета» и в виде логического подлежащего, и в виде логического сказуемого – уместно рассматривать в когнитивных структурах фрейма. Суверенитет в исходном значении – это качественный признак независимой и признанной государственности. Использование аналитических процедур, связанных с фреймами, как подробнее будет показано ниже, вполне обосновано. Это обрамляющие контуры представлений, когда в этих рамках, как предполагается, присутствуют отдельные «ячейки», заполнить которые еще предстоит в зависимости от контекстов.

В предметном поле суверенности можно выделить не один, а множество фреймов с общей производящей основой и линейной семантической деривацией. Таких фреймов-схем, по всей вероятности, будет столько, сколько будет рассматриваемых контекстов и выбранных точек зрения. Даже поверхностный обзор публично-информационного пространства в его жанровом разнообразии показывает, что помимо традиционных лексических конструкций в больших количествах стали появляться парадоксальные, казалось бы, понятийные образования и производные коллокации – от «цивилизационно-ценностного» суверенитета до «редкоземельного». Вероятно, при безграничной ad hoc концептуализации свойств суверенности говорить о доступности каких-либо линейно структурированных

[3] Специальный доклад Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации «Об особенностях защиты государственного суверенитета России в 2022-2023 годах» (2023). Режим доступа: http://council.gov.ru/media/staticdoc/FwwwyGgcNeIDHovF9zLtk0eeVkUcIEiE.pdf. Дата обращения: 28.04.2025.

[4] Ежегодный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (2018). С. 17-18. Режим доступа: http://council.gov.ru/media/files/G6hNGZ3VbQNiMdZki1BKbrsrvuRxPwim.pdf. Дата обращения: 28.04.2025.

[5] Там же. – С. 19, 24.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

классификациях весьма проблематично. Однако в интересах научного анализа отнесение конкретных случаев к определенным типологическим разрядам, по-видимому, было бы небесполезным.

Существует возможность выбора тех или иных оснований и принципов для систематизации если не онтологии, то фреймов суверенности. К примеру, продуктивностью обладает градация соответствующих свойств субъектности в дистинкциях субстантивного (функционального), с одной стороны, и символического, с другой стороны. Или, как предлагается в работах Дж. Лакоффа – различения «материальной политики» и «когнитивной политики» [Lakoff, 2009: 169-175].

Ракурс, связанный с выделением фреймов, позволяет выделить не только международно-правовой, государственно- и конституционно-правовой варианты словоупотреблений, контекстов в коннотациях полноты властной компетенции и правовой исключительности, но и в других перспективах.

Отдельный фрейм может рассматриваться в понятиях политического, но «экстра-легального», то есть – в отличиях языка политики и языка властного управления [См.: Мухарямов, 2024]. Тогда в эту фреймовую схему могут включаться предикаты - «реальный», «ограниченный», «амбивалентный», «операциональный», «нетерриториальный», «электоральный», кроме того, суверенитет может выступать как синоним субъектности.

Отдельную группу образуют концепты ценностного (аксиологического) плана, очерчиваемые понятийными структурами «цивилизационного», «культурного» плана, концептами «суверенной идентичности» (“self-sovereign identity”). В зарубежной литературе нередки примеры использования концептов «ментального суверенитета», «когнитивного суверенитета», «нарративного суверенитета», «эпистемологического суверенитета» и т. п.

Применительно к предмету изложения в этой статье целесообразно отдельно сфокусироваться на разграничении двух фреймовых образований. Первое подлежит субстантивной верификации, второе становится продуктом семиотизации (так сказать, ознаковления) в случаях, когда, с точки зрения когнитивной семантики, отсутствуют «доконцептуальные структуры» [Лакофф, 2003: 393].

Есть институционально оформленые разновидности суверенитета: технологический суверенитет6; цифровой суверенитет, киберсуверенитет, суверенный искусственный

[6] Технологический суверенитет – «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

интеллект, суверенитет данных, «суверенные фонды», «суверенные обязательства», «суверенные облигации» и проч. Эти предметы поддаются квалиметрии – количественным методам оценивания качества.

Есть и суверенитеты ценностного порядка, представляющие собой знаковое оформление представлений, убеждений, социальных интересов или фреймов-идеологем.

2 | Язык и суверенитет: концептуальные реинкарнации

Многообразны понятийные сочетания со словом «суверенитет», возникающие в разнообразных контекстах и смысловых аранжировках - академических, медийных, политико-правовых, формально-юридических и т. п.

Отношения властвования, с одной стороны, и языковые отношения, с другой стороны, соприсутствуют и переплетаются в своих глубоких онтологических основаниях [См.: Бурдье, 2022: 601, 602; Гиренок, 2024: 164, 165]. Столь же тесно могут взаимодействуют категории политического и лингвистического7.

В конкретно-научной перспективе, в предметном поле прикладной (макро)социолингвистики языковой суверенитет предстает в работах зарубежных исследователей как принцип языкового планирования и управления культурно-языковым многообразием. Видение предмета выстраивается под воздействием методологических установок постколониального плана и сохранения языков коренных народов.

Так, на одном из ресурсов можно видеть такую дефиницию: «Языковой суверенитет – это неотъемлемое право коренных народов контролировать, управлять и возрождать свои исконные языки. Речь идёт об уважении к этим языкам как к живым культурным, историческим и этническим символам. Языки коренных народов – это не просто средства коммуникации, но и хранилища традиционных знаний, мировоззрений и связи с предками» [A Renewed Commitment, 2024]. Профессор Университета Британской Колумбии (Канада) Дэвид Грэмлинг, трактуя эту проблему, делает акцент на внешних воздействиях со стороны

суверенитет обеспечивается в 2 основных формах - исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами» // Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р (2023). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://technological-2023.pdf. Дата обращения: 30.04.2025.

[7] См. подробнее: Мухарямов Н.М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко /ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 677-684.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

экспертов по языковому планированию из метрополий: «Это вмешательство специалистов в языки на протяжении последних пяти столетий является противоположностью тому, что мы могли бы назвать «уважением к языковому суверенитету»: убеждению, что не в компетенции чужаков, переселенцев, гостей, учащихся и посетителей определять, что нужно языку и сообществам его носителей» [On respecting].

В российском дискурсе о языковой политике термин «языковой суверенитет» имел на исторических рубежах 1980-1990-х и 2020-х годов двоякий генезис.

Во-первых, процессы перехода бывших союзных республик СССР к независимости, проходившие по-разному, практически повсеместно были синхронизированы с политизацией «языкового вопроса» и его использования в интересах этнополитической радикализации. Феномен «мобилизованного лингвицизма» подробно документирован и исследован в работах М.Н. Губогло. Характеризуя 1989-й как «год языковой реформы», предшествовавший 1990-му – «году суверенизации бывших союзных республик», автор отдельно отмечал политическую функцию этой реформы, которая «связана с общей борьбой республики за суверенитет и независимость, а также с борьбой заинтересованных группировок людей за власть» [Губогло, 1998: 167, 341]. За короткое время – с января 1989 г. по май 1990 г. были приняты законы, наделяющие титульные языки статусом государственных в республиках Балтии, Средней Азии, в Молдавии, Украине. В Закавказье соответствующие конституционные нормы были приняты еще в 1978 году. При этом автор делает акцент не социолингвистическом, а на инструментальном характере принятых решений: «Разработка и принятие законов о языке (и языках) определяли новые взаимоотношения не между языками и их носителями, а между союзными республиками и Москвой» [Губогло, 1998: 168].

Во-вторых, «языковой суверенитет» появился как юридическая конструкция в первоначальной редакции Закона Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года № 1807-1. Статья 2 этого акта закрепляла языковой суверенитет как «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использование языка общения» (Пункт 1). Нормы, устанавливаемые законом, распространялись «на граждан РСФСР, а также на лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РСФСР». Пункт 3 в редакции 1991 года, а также принятая одновременно с законом «Декларация о языках народов России» гарантировали каждому (по

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

смыслу, видимо, и апатридам) «право каждого человека на свободный выбор языка обучения, воспитания и интеллектуального творчества»8.

По понятным причинам, формуле «языковой суверенитет», закрепляющей права «каждого человека» на выбор языка, включая сферу образования, не суждено было сохраниться на длительное время [См. подробнее: Мухарямов, Януш: 2020]. Уже в 1998 году в российский «языковой» закон были внесены поправки, заменившие термин «языковой суверенитет» на конструкцию «равноправие языков». Они остались без дефинитивных изменений в соответствующих пунктах, но было проведено изъятие из закона положения о свободном выборе языка обучения и воспитания. Заместившая «суверенитет» терминологическая конструкция «равноправие языков народов Российской Федерации» при этом, правда, была распространена не только на лиц без гражданства, но и на иностранных граждан9.

Очевидно, что применение названной нормы для регулирования поведения всех без исключения участников правоотношений практически не реализуемо. Это звучит особенно правдоподобно, если участь сегодняшнюю миграционную ситуацию или языковые требования при приеме на обучение в общеобразовательные учреждения по отношению к детям мигрантов.

По своему происхождению упомянутые положения раннего российского законодательства о языках появились под влиянием политико-идеологической конъюнктуры, в частности, процессов дезинтеграции Союзной государственности, атмосферы своеобразного перестроечного демократического романтизма. По правовой природе «языковой суверенитет» следует, по-видимому, расценивать как норму не императивного, но диспозитивного характера (что предполагает свободный выбор поведения участников правоотношений). По смыслу – к декларативным и целевым нормам, к нормам-принципам. И по форме, и по содержанию эта норма отражала, скорее, образы желаемого, ассоциативно приближаясь к фреймам-идеологемам. Наконец, и первоначальная, и действующая редакции Закона «О языках народов Российской Федерации» не содержат предметно-определенных экспликаций такой дилеммы языкового регулирования, как соотношение подходов, ориентированных на территориальный и персональный принципы к языковым правам.

[8] Ведомости Съезда народных депутатов РСФРС и Верховного Совета РСФСР. – 1991. - № 50. – С. 1742.

[9] Ст.2, п. 4 в ред. Федерального закона от 24.07.1998 № 126-ФЗ.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

«Языковой суверенитет», а после 1998 г. «равноправие языков народов Российской Федерации» распространяются на каждого человека, независимо от гражданства. Это явное и недвусмысленное акцентирование персонального режима языковых прав. Хотя, «равноправие» применительно к языкам само по себе выглядит небесспорным из-за того, что язык, подразумеваемый в виделингвистической сущности, наделяется несвойственными ей по определению признаками правосубъектности. Эта конструкция сама по себе уже производит впечатление продукта в виде фрейма-идеологемы и риторической фигуры.

Территориальный же принцип представлен в рассматриваемом акте как нечто вторичное и отмеченное модальностью не императивного, но допустимого. Республики, как гласит Закон, вправе устанавливать свои государственные языки, согласно известному положению Конституции РФ. Субъекты Российской Федерации «вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [Ст. 3, п. 3]. Последнее подразумевает также и приоритетность персонального режима: речь идет о дву- и многоязычии как объектах правового обеспечения. Территориальный режим отражен не в юридической конструкции с использванием социолингвистических понятиях, описывающих сообщества и коллективы носителей языка, а в протокольно-бюрократической стилистике. «В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущих за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности» [Ст. 3, п. 4]. Следует специально зафиксировать следующий факт – эта формулировка является продуктом специфической юридической техники, применявшейся в обстановке политико-идеологической фрустрации в период распада государственности Союза ССР в 1990-м или в «году суверенизации бывших союзных республик», согласно уже приводившейся здесь периодизации «мобилизованного лингвицизма» [Губогло, 1998: 167]. Законодательный конструкт был позаимствован из Закона СССР (от 26 апреля 1990 г.) «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР», принимавшегося ситуативно, в режиме запаздывания принятого акта10. Помимо того, что понятие «язык населения» – это формула, не поддающаяся лингвистическому описанию, в этом терминологическом нагромождении

[10] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. - № 19. – С. 331.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

присутствуют подходы, свойственные натуралистическим представлениям об этничности и мотивы маргинальности, адресованной тем, кто «проживает» где-то в стороне от исторически родных мест. Использованная здесь лексика отмечена стилистическими свойствами канцелярита. Остается только досадовать, что такая казенная формулировка буквально перешла из нормативно-правовой дискурсивной области в текст документа иной жанровой принадлежности – в документ стратегического планирования (акт правовой политики) «Концепцию государственной языковой политики Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации (от 12 июня 2024 г. № 1481-р).

С точки зрения (макро)социологии языка и прикладной социолингвистики формула «языковой суверенитет» за три десятилетия претерпела кардинальную смысловую трансформацию. Как юридико-декларативная норма законодательства она обозначала курс на сохранение культурно-языкового многообразия, на гарантированный и беспрепятственный выбор языка общения и социализации, исключающий какие бы то ни было ограничения. При этом имплицитно подразумевались интерлингвальная модель языковой политики, плюрализм идиоэтнических кодовс акцентами на аспектах миноритарных прав.

Суверенность применительно к языковым отношениям в начале 2020-х годов стала политико-идеологической установкой и фреймом, которые начали тяготеть к интралингвальным смыслам, к восприятию русского языка как коммуникативной доминанты. Это было связано с внешними вызовами, со стремлением России избавиться от разного рода зависимостей, с угрозой нарастающего объёма заимствований. Исходное целеполагание в большей степени стало строиться на коммуникативной связанности общества в целом, на том, что концептуально выражается в максиме цивилизационной самодостаточности.

«Языковой суверенитет» и фреймы суверенности в новой идеологической ситуации стали все больше приобретать агональный характер и контексты информационно-культурного противостояния с недружественными зарубежными силами. Поначалу формальных правовых велений при этом не предполагалось (в отличие от законодательства о культуре). Это, скорее, представало в виде ценностных установок именно в виде фреймов-идеологем. Ситуация может расцениваться, по М. Бахтину, как явление «словесно-идеологического» плана, как нечто характеризующее «социально-идеологический и политический день» [Бахтин, 1975: 87].

Новейшие меры правовой политики применительно к социально- и культурно-коммуникативному устройству российского общества привели к тому, что можно условно расценивать как «языковой суверенитет 2.0». В документе стратегического планирования «Основы государственной языковой политики Российской Федерации» (утв. Указом

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474) сформулировано положение о том, что соответствующий курс будет проводиться в целях (в том числе) «обеспечения национальной безопасности и суверенитета Российской Федерации в языковой сфере». Иначе говоря, рассматриваемая фрейм-идеологема приобретает высокий стратегический статус нормативного целеполагания. Логично ожидать появления эксплицитных определений суверенитета в контексте обновляемой модели языковой политики, что в когнитивном плане расширит концепты суверенности за счет регулятивно-правовых смысловых трактовок.

Сказанное с известной долей вероятности позволяет прогнозировать также и расширение категориального аппарата социолингвистической разработки вопросов сознательного регулирования языковых отношений в академическом формате, что может свидетельствовать об аналитических перспективах. Гипотетически можно, к примеру, рассмотреть эвристические возможности, появляющиеся при использовании в теоретической и прикладной социолингвистике категории «суверенная языковая политики». Это позволило бы различать меры, предпринимаемые правительством (по аналогии с субстантивными проявлениями «отраслевых суверенитетов»), с одной стороны, и политико-языковое регулирование по линии конкретных ведомств регионального и муниципального уровней публичной власти.

Кроме того, концепт «суверенная языковая политика» может стать полезным и в его соотнесении с таким предметом, как государственная языковая политика. Субъекты Российской Федерации в означенных пределах ведения обладают полнотой государственной власти, а республики в составе Российской Федерации, согласно Конституции, вправе устанавливать свои государственные языки. Это говорит о том, что на уровне российских республик языковая политика также обладает определенными признаками государственной. Далее, меры, связанные с поддержкой, сохранением, развитием и изучением русского языка как государственного, языков и культур народов России, проживающих на ее территории, отнесены к полномочиям субъектов, по закону «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (от 21.12.2021, № 414-ФЗ, в ред. от 13.12.2024). Однако расценивать это как выражение суверенитета неправомерно. Следовательно, терминологические образования «государственная языковая политика» и «суверенная языковая политики» различаются в нюансах, заслуживающих того, чтобы учитываться в исследовательской практике.

Далее, способы властного воздействия, характерные для суверенных субъектов, можно соотнести с негосударственными «действующими лицами» в языковой политике (или,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

как иногда говорят, с «акторами вне суверенитета»). В публикациях по данной теме, в частности, рассматривается соответствующий корпоративный уровень: «…в крупных компаниях формируется специально создаваемая языковая политика, в том числе специально создаваемый словарь» [Милёхина, Ратмайр, 2017, 230]. При этом не упоминается широкий спектр общественных сил, которые причастны к политико-языковым отношениям, разнообразные профессиональные сообщества, отдельные энтузиасты, не входящие в официальные структуры и проч.

Концепты суверенности, как уже было отмечено выше, обладают смысловым двуединством, так как включают две стороны – независимость и верховенство. Первое естественным образом ассоциируется со способностью контролировать трансграничные потоки лингвистических сущностей (и не только лексики) или «избегать зависимости от внешнего влияния», как это разъясняется в официальных документах применительно к культурному суверенитету. Новейшая история содержит примеры делегирования суверенных полномочий, связанных с языковой политикой, на уровень наднациональных структур. Например, года участники Организации тюркских государств во время заседания в сентябре 2024 года в Баку специально созданной комиссии (при участии Тюркской академии и Института турецкого языка) объявили о создании единого тюркского алфавита, состоящего из 34 букв на основе латинской графики. Тем самым Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турция и Узбекистан добровольно и dejure приняли решение об отказе от части своего «языкового суверенитета».

Другая грань концептов суверенности связана с верховенством. По смыслу это, вероятно, должно ассоциироваться с функциями нормирования языка. Акты языкового регулирования, понимаемые в терминах суверенитета, – это то, что касается всех граждан и жителей страны в целом, тогда как государственная языковая политика на уровне конкретных ведомств распространяется в своих решениях на часть общества. Так, согласно проекту приказа Министерства просвещения РФ, напряженно обсуждаемому на момент написания статьи, в образовательных стандартах (ФГОС) предполагается заменить положение «о реализации права на изучение родного языка, возможности получения основного общего образования на родном языке» на формулировку «язык народа Российской Федерации». При всей масштабности этой меры она охватывает, во-первых, не все социальное пространство в общенациональном измерении, а лишь участников образовательных отношений, и, во-вторых, скорее всего, не всю территорию страны, так как не учитвает родные языки в рамках программ общего образования в 2022/2023 учебном году в 61 субъекте РФ. Можно, вероятно,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

усматривать готовящееся решение как событие на уровне государственной языковой политики, но, строго говоря, не в суверенном «формате».

К разряду действий в рамках суверенитета в языковой политике, несомненно, относится законодательство о государственном языке и языках народов России. Прежде всего, что также вписывается в логику суверенности, это требование соблюдать нормы русского литературного при его использовании как государственного. В нормативно-правовом смысле закреплены положения о тех сферах, в которых эта социально-волевая установка является императивной. Закон «О государственном языке Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 28.02.2023 N 52-ФЗ) прямо квалифицирует в виде отклонений от литературной нормы нецензурную брань и иностранные слова, имеющие общеупотребительные аналоги в русском языке и трактует нормы как «правила использования языковых средств», которые зафиксированы в нормативных словарях, справочниках и грамматиках. Российское правительство своим распоряжением (от 30 апреля 2025 г. № 1102-р) утвердило список нормативных словарей. Это значимая мера, связанная с полномочиями государства в сфере языкового суверенитета. Разумеется, не следует ожидать, что все аспекты поведения участников общественных отношений в вопросах функционирования языка будут урегулированы так, как это предполагается в правовом идеале. Когда обсуждаются вопросы использования языка как государственного, обычно имеется в виду понятность тех языковых средств, при помощи которых происходит общение властей и граждан, то есть предполагается возможность коммуникации для всех грамотных носителей литературного языка. Собственно законы, нормативные акты в этой области – это необходимые, но не достаточные меры. Как говорил об этом языковед А. Рудяков, «принятие Государственной думой Закона о вывесках – очень верный шаг в очень правильном направлении. И за ним должны последовать следующие важные и долгожданные шаги»11.

Понятие «языковой суверенитет», следовательно, концептуально трансформируется. От состояния юридико-риторической формулы через фигуру публицистического высказывания он приближается к новому прочтению в контексте правовой политики (пока еще не в формальном юридическом толковании) в качестве стратегического ориентира.

В новейшей реинкарнации эта идея перестала обозначать феномен языковой ситуации в классическом понимании, свойственном предметным представлениям социолингвистического знания. Преодоление зависимости от ничем не обоснованного

[11] Рудяков А. Этюд об умении летать. Дети учатся пользоваться русским языком во многом вопреки тому, что преподается им в школе // Литературная газета. – 25 июня – 1 июля 2025.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

использования иноязычных языковых средств требует сознательного воздействия на смыслообразующие стороны в общении властей и общественности по государственно значимым темам. Отсюда вытекает потребность в рефлексии по поводу когнитивных сторон социальной коммуникации.

3 | Контекст когнитивной политики

Присутствие темы суверенитета и языка можно наблюдать в весьма различающихся контекстах, и, соответственно, содержит специфические модальности, связанные с идентификацией угроз, указаниями на агональных целевых субъектов.

В предметном поле философско-политической рефлексии акцент приходится на ценностно-смысловые стороны рассматриваемого предмета. «Когда мы говорим о суверенитете духовном, культурном, цивилизационном – а именно об этом говорит президент В. Путин в своих посланиях – это с каждым днем приобретает все большую актуальность. Речь идет не о суверенных нарративах, а о суверенном языке, на котором можно будет высказать миллиарды суверенных нарративов, - пишет А. Дугин. - Если язык суверенен, то дискурс будет суверенен. Используя либеральный глобалистский западный европейский язык, можно сформулировать на этом языке суверенный российский дискурс, или два, или три, или десять. Но это для сиюминутных задач, для импортозамещения в рамках нарратива в очень краткосрочной перспективе. И здесь важно, прощаемся ли мы с коллективным Западом и как надолго. Или мы хотим, немножко пустив дымовую завесу суверенных нарративов, вернуться опять к этому глобальному языку» [Дугин, 2022].

Представитель сенаторского корпуса, глава комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со СМИ А. Пушков говорит о том, что «в России стоит разработать терминологическую систему, которая позволит сформировать «лингвистический суверенитет, являющийся неотъемлемой частью национального самосознания»12. В информационном пространстве можно встретить и словосочетания «суверенная речь», «суверенная филология», «суверенный словарь», «суверенный словарный запас» и проч.

Независимо от того, артикулирован ли языковой суверенитет как отдельный концепт или он присутствует имплицитно, острые дискуссии вокруг этого тематического комплекса ведутся непрерывно. Импульсы, усиливающие напряжение, связаны с законопроектной и законотворческой деятельностью по поводу Федерального закона «О государственном языке

[12] Парламентская газета. – 27 декабря 2023.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Российской Федерации», в который были внесены изменения конституционного статуса русского языка как языка «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Сохраняющаяся поляризация экспертных оценок и общественного мнения – это предмет особого исследования, требующего многосторонних академических усилий. Она не может быть раскрыта даже в рамках данного исследования. Предметом рассмотрения в данном случае являются свойства языкового суверенитета как фрейма-идеологемы, имеющие, по мнению авторов, принципиальную значимость.

Согласно научным определениям, идеологемы представляют собой концептуальные единицы аксиологического плана. Как пишет Ю.Н. Караулов, это «семантико-тематические обозначения духовных ценностей в картине мира языковой личности» [Караулов, 1987: 153]. Однако, если признать производящей основой для концепта «идеологема» собственно идеологию, то необходимо принимать во внимание, что последняя обязательно должна содержать интенции представительства интересов не столько личности, сколько больших групп людей.

Фрейм-идеологема, повторимся, представляет собой когнитивную рамку без развернутого изложения всех содержательный элементов, т.е. именно рамочную структуру, не все «ячейки» которой заполнены эксплицитно. Авторы, рассматривающие эту проблему, часто ссылаются на бахтинский концепт «возможной гипотезы смысла» [См.: Бахтин, 1975: 182]. Иначе говоря, оперирование идеологемами в коммуникативных интересах предполагает закрытость смысловых комплексов в сочетании с несколькими потенциально возможными интерпретациями со стороны адресатов. Это обстоятельство отражено в одном из определений идеологемы в рамках специализированных разъяснений, когда идеологема определяется как «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова (выделено – О.Я., Н.М.)» [Радбиль, 1998: 22].

Идеологема «языковой суверенитет» в значительной мере отвечает этому критерию. Она представляет собой разновидность концептуально-метафорических средств или переноса «образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области» [Лакофф, 2003: 158]. Это идеологема, не предназначенная для обозначения какого-то структурного компонента государственного суверенитета, но символизирующая

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

определенную модель языкового функционирования в его субъектном социолингвистическом понимании.

Артикуляции языкового суверенитета происходят многопланово и представлено в разных жанровых сегментах информационного пространства авторами, принадлежащими к различны социально-профессиональным группам. Есть ряд характерных моментов, объединяющих подходы экспертов, политиков, публицистов, комментаторов и проч.

Преобладающая проблематика, применительно к которой фигурирует этот фрейм-идеологема, – тема иноязычных заимствований, англицизмов, латинизированных языковых ландшафтов в городах и др. Оставляя в стороне многочисленные ламентации, звучащие со всех сторон, можно отметить: научно-аналитические типологии, которые раскрывали бы мотивационные механизма субъектов, избыточно практикующих заимствования, еще, вероятно, ожидают своих исследователей. Понятно, что противодействовать речевым «девиациям» в молодежной и неформально-игровой среде весьма и весьма затруднительно, а идеологемы в этой сфере будут неэффективны. Какие меры можно принять, например, по отношению к СМИ, охотно подхватывающим и тиражирующим сетевые хештеги наподобие «монастыринга»13, «избинга с доингом и сенокосингом (отдыхом в деревенских реалиях)», о чем писала «Комсомольская правда»14? То же самое можно сказать о сленге менеджеров или жаргоне IT-сферы, носители которых, похоже, вовсе могут обходиться без русского языка. Призывать носителей подобных социолектов уважать ценности языкового суверенитета практически бесполезно. Более того, офисно-фольклорные прилагательное «трушный» или глагол «перетумачить» звучат довольно органично для русской лингвокультуры.

Особое место занимает пласт паразитарных заимствований, возникающих, например, в режиме ономатопеи и образующих феномен массовой культуры, который можно собирательно обозначить как шизгару. Бразильский госпел контрабандным образом превращается в звукоподражательный шлягер, а tambor («барабан» по-португальски») – в «мальчик хочет в Тамбов», а сказанное по-турецки oynama şicidim – в «ой, мама, шика дам». Другой вид лексического паразитизма – паронимический – вызывающе быстро захватывает не только рекламное пространство (к примеру, новая кампания S7 Airlines – «Это наш выбор и ультиматум – посвятить себя небу и людям»). Вполне уютно этот феномен чувствует себя в

[13] Что такое монастыринг и почему появился новый молодежный тренд на трудничество. (2024). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.forbes.ru/young/525157-cto-takoe-monastyring-i-pocemu-poavilsa-novyj-molodeznyj-trend-na-trudnicestvo. Дата обращения: 28.04.2025.

[14] Российская молодежь вместо отпуска уезжает жить и трудиться в монастырь: это новый модный способ отдыха. (2024). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27650/5001228/. Дата обращения: 28.04.2025.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

(полу-)официальном обиходе – инициация как выдвижение инициативы, фактура как количественное существительное (набрать фактуру).

Заимствованные слова появляются в языках и исчезают в ходе диахронического отбора. Дореволюционные словари иностранных слов служат надежным свидетельством этого лингвистического трюизма. В издании, вышедшем в начале XX века под редакцией Федора Берга (которое, кстати говоря, бесплатно распространялось среди подписчиков и было призвано стать настольной книгой всякого образованного человека), можно найти множество подтверждающих примеров. Среди словарных статей – глагол абонироваться, существительное автодидакт (самоучка), агенда (записная книжка), адъюктор (помощник), алиментация («пропитание, содержание известных лиц»), аналогический («сообразный рассудку; соразмерный, правильный, сходный, подобный»), атторней («посредник между адвокатом и тяжущимся») и атторней генеральный (адвокат по гражданским делам казны и в то же время прокурор; обвиняющий в известных случаях от лица короны»), астроскоп («астрон. труба для нахождения на небе созвездий и звезд») [Словарь иностранныхъ словъ, 1901]. В словаре М.И. Михельсона присутствуют статьи о таких лесических единицах, как абдериты (иноск. – простаки), абцуг (тотчас), адамант (иноск. – человек твердый в убеждениях, как алмаз), адоратер (иноск. – поклонник, обожатель), акцидент (неожиданное событие), амфиторон (радушный хозяин), антецедент (прежний поступок, порядок, предшествовавший), апарнасы соблюдать (иноск. – приличия) … [Михельсон, 2006].

Избавление от лексики с инородной этимологией, которая не прижилась в коммуникативном обиходе, – это, как можно видеть, естественно-эволюционный процесс.

Центральная задача укрепления суверенных оснований языкового функционирования, по-видимому, не состоит в установлении какой-то государственной монополии на словоупотребление или формальных процедур лингвистической «натурализации». Американский английский, превратившийся, по словам Эрика Хобсбаума, в «правящий жаргон» или как пишет Кваме Аппиа, в «англофонный голос космополитизма» [Хобсбаум, 2006, 58; Аппия, 2024, 493] – не единственная угроза в этом смысле. Нормы литературного языка в качестве государственного следует соотнести с более широким спектром субстандартных вариантов – языковых средств, находящихся за пределами кодифицированных канонов. Разговорно-деловые гибриды, профессионализмы и проч. – все это широко представлено в аппаратно-чиновничьих высказываниях и, более того, в массиве официальных документов правительственной и ведомственной принадлежности, которые по

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

определению должны были бы служить стилистическими эталонами языка, используемого в качестве государственного.

Утверждение правительственным распоряжением (от 30 апреля 2025 г. №1102-р) списка нормативных словарей, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, - это, безусловно, важнейшая мера, призванная укреплять принципы суверенности, но говорить об устранении всех регуляторных пробелов было бы явно преждевременным. Многие вопросы, которые неизбежно будут возникать у непрофессиональной аудитории, требуют специальных и доступных для общественного понимания разъяснений.

Прежде всего, во множестве представлены казусы, связанные с принципами выбора словарных статей. Какие-то лексемы (к примеру, апгрейд) включены в состав Толкового словаря государственного языка, но отсутствуют в Словаре иностранных слов. Есть лексема «дипфейк», а исходного коллоканта «фейк» нет; есть информация о том, что такое картхолдер, но не представлены волатильность, каршеринг, кэшбек. Словарь трактует лексемы из области спорта, развлечений, жанров и течений поп- и рок-культуры (например, бисквит кейк-попс, музыкальное направление треш-метал). Наличие прилагательного стипль-чезный, как можно попутно отметить, по-особому выглядит на фоне отсутствующего стендап'а. Эти примеры совершенно определенно диссонируют с языком в его государственных ипостасях.

Кроме того, словарного закрепления не получили некоторые лексемы, которые могут расцениваться как подлинные шиболеты сегодняшнего управленческого институционального вокабуляра. Если рассматривать нормативные словари как что-то, подлежащее императивному применению, то внушительный список терминов из публичных (правительственных, в том числе) текстов останется вне нормативного поля. Есть, к примеру, словарные статьи о стритрейсинге и трейсере (спортсмене, занимающемся паркуром), но нет о коучинге и коуче (см. подзаголовок в газете «Коммерсант» - «До трети российских компаний держат в штате карьерного коуча»).

При этом критерий наличия общеупотребительных русскоязычных аналогов не всегда может рассматриваться как универсальный. Кроме того, ряд субстандартных языковых единиц не имеют статуса заимствований в буквальном смысле. Можно сослаться на некоторые наиболее показательные случаи, в частности, из области экономической политики. Так, в правительственных постановлениях встречаются следующие термины: платформенные решения, платформенная экономика, платформенная модель. При этом прилагательное «платформенный» в Части 2 Толкового словаря государственного языка Российской

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Федерации трактуется как производное от существительного «платформа»: «8. Только СМИ, реклама и худож. лит-ра Толстая подошва у обуви. <Платформенный, -ая, -ое (1-3,5 зн.) Платформенная площадка, Платформенный настил, Платформенная жатка». Примерно то же можно видеть в контекстах, где используется прилагательное «продуктовый»: правительственная стратегия в области цифровой трансформации (от 6 ноября 2021 г. № 3141-р) включает помимо целей перехода к кастомизированной промышленной продукции один из пяти ключевых экосистемных проектов по укрупненным направлениям, охарактеризованный как продуктовые инновации. Напротив, Толковый словарь из списка нормативных изданий гласит: 6 «Продуктовый, -ая, ое. Связанный с продажей, хранением, перевозкой и т.п. продуктов, съестных припасов; …в СССР: продовльственные карточки)».

Из образовательной сферы: «Кампусная и инфраструктурная политика университета содействует достижению целей программы развития университета, опирается на глобальные тренды развития университетских кампусов и лучшие практики создания инфраструктуры для генерации, трансляции и трансфера знаний. Цель политики – создание кроссдисциплинарной когнитивной среды для акселерации развития человеческого капитала. Базовые принципы кампусной и инфраструктурной политики: многофункциональность и эксплуатационная гибкость кампусной среды; экологическая устойчивость и энергоэффективность; инклюзивность и доступность; комфортность; безопасность и открытость; цифровизация и умные технологии; многорезидентность, поликультурность и интернационализация»15. С другой стороны, словарная статья: «Кампус, -а; м. [англ. campus от лат. campus - поле]. В США и некоторых других странах: университетский городок (2 зн.)». Или: Образовательный форум «Международный Летний кампус Президентской академии».

В сфере молодежной политики во множестве используются настоящие оксюмороны: патриотический квиз, историко-патриотический хакатон (от хакерского марафона), «Изучаем Конституцию РФ. 10 лайфхаков», конкурс «Я – амбассадор Росмолодежь. Гранты!».

Можно выделить и примеры изменений межотраслевых контекстов. Так, сравнительно недавно появиллось наречие-калька от proactivity – проактивность, которое демонстрирует свойства мощнейшего эмоионального воздействия. В психологии личности это слово используется для характеристики успешности индивидов, их инициативности, способности решать проблемы. Впоследствии эта языковая единица стала проникать в области организационного управления, стратегий развития, социальной политики (проактивный

[15] Кампусная и инфраструктурная политика (2025). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://priority2030.tsu.ru/projects/kampusnaya-i-infrastrukturnaya-politika. Дата обращения: 14.07.2025.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

режим предоставления услуг – т.е. без участия реципиентов). В итоге это понятие утвердилось и в политико-идеологических текстах: воспитание патриотической, проактивной молодежи, «на проактивных страна держится…» и т.д.16.

Наконец, можно привести пример непосредственно из области языковой политики. В документе «Основы государственной языковой политики Российской Федерации» (утв. Указом Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474) выделено такое направление как «создание единой линейки школьных учебников на государственным языкам республик Российской Федерации», тогда как лексема «линейка» (соответствующие коллокации – «продуктовая линейка», «товарная линейка» - то, что объединено общим брендом) маркетинговых значений не предусматривает.

Таким образом, есть основания для констатации: происходящее демонстрирует параллельные процессы, когда наряду с кодификацией норм литературного языка при его использовании в качестве государственного в de jure понимании имеет место нечто иное. Это легитимация языковых средств, артикулирующих те или иные процессы в социально-коммуникативных зонах, охватывающих пространство государственно-общественных смыслов в режиме de facto, в явочном порядке, без лингвистического словарного закрепления. Зачастую это препятствует взаимопониманию, которое жизненно необходимо для контактов между властями, другими акторами, элитами, «так называемыми семиотическими работниками», с одной стороны, и публикой, рядовыми гражданами, обывателями, с другой стороны. Риски для широко понимаемой суверенности здесь также очевидны.

Одними регуляторными установлениями и предписаниями дискретного, одноактного плана достичь желаемых изменений невозможно. Речь должна вестись о формировании культуры рефлексивного речевого поведения всех, кто профессионально занят в социально-коммуникативных сферах использования русского литературного языка как государственного. Это предполагает способность пользоваться всеми языковыми средствами, призванными служить государственному управлению, шире – артикулировать общественно-политических смыслов, служащих институциональному и публичному общению.

Верховенство как смысловая составляющая суверенитета применительно к нормированию литературного русского языка при его использовании в качестве государственного – проблематика, нуждающаяся в многосторонних подходах и способах разрешения.

---

[16] Необозримая Россия (2020). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://t-i.ru/articles/49594. Дата обращения: 14.07.2025.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Языковая политика колеблется между полюсами прескрипции и толерантности, позитивного и негативного понимания правовых установлений. Своего рода центристская позиция здесь может заключаться в культивировании такого отношения к языку, при котором все носители данного государственного языка проявляют способность к рефлексии собственного речевого поведения и осознанно выбирают средств общения. В противном случае призывы чтить традиционные ценности в духе идеологем суверенности останутся благопожеланиями.

4 | Заключение

Таким образом, языковой суверенитет претерпевает в наши дни определенный рефрейминг. Из формально-нормативной плоскости, декларирования правового идеала, безлично-институционального закрепления этот понятийный конструкт сместился в иные публично-информационные сегменты. Она становится концептом, то есть продуктом авторско-индивидуального происхождения, отмеченным идиостилистическими (идио-дискурсивными) свойствами, с окказиональным типом коллокации лингвистических понятий и фреймов суверенности, с нетривиальными лексико-семантическими сочетаниями, приобретая при этом когнитивный статус не фигуры квази-юридической риторики, но полноценной идеологемы. При этом наблюдается переход идеологемы «языковой суверенитет» из области законодательной риторики в медийные сегменты социально-политической информации. В своем новейшем пришествии в политико-правовое пространство это положение стало стратегическим целеполаганием государственной политики.

Ранее концепт ассоциировался с дву- и многоязычием, с нормативным оснащением культурно-языкового многообразия. Ныне идеологема «языковой суверенитет» тяготеет к моноцентричной картине коммуникативной связанности общества, к его самодостаточности, самостояния, в каком-то смысле – к аутентичности.

Насколько долговременной и действенной в практическом отношении окажется нынешняя версия языкового суверенитета, будет зависеть от множества факторов макросоциального и макрополитического масштаба.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ЛИТЕРАТУРА

Аппиа К. Э. (2024) Этика идентичности. М.: Новое литературное обозрение. 504 с.

Бахтин М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература. 506 с.

Бурдье П. (2022) О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 720 с.

Гиренок Ф. И. (2024) Клиповое сознание. М.: Проспект. 256 с.

Губогло М. Н. (1998) Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры». 816 с.

Дугин А. (2022) Нам нужен суверенный язык. Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/nam_nuzhen_suverennij_yazik. Дата обращения: 28.04.2025.

Караулов Ю. Н. (1987) Русский язык и языковая личность. М.: Наука. 261 с.

Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / отв. ред. Т. А. Милёхина, Р. Ратмайр. (2017) 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, Языки славянской культуры. 632 с.

Красинский В. В. (2015) Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы // Современное право. № 7. С. 5–11.

Лакофф Дж. (2011) Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины. М.: Гнозис. 512 с.

Малышева Е. Г. (2009) Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. № 4. С. 32–40.

Милёхина Т. (2017) Стратегическая сессия // Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / отв. ред. Т. А. Милёхина, Р. Ратмайр. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, Языки славянской культуры. С. 233–256.

Милёхина Т., Ратмайр Р. (2017) Совещания // Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / отв. ред. Т. А. Милёхина, Р. Ратмайр. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, Языки славянской культуры. С. 213–231.

Михельсон М. И. (2006) Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок. М.: АСТ; АСТ Москва; Транзиткнига. 1119 с.

Мухарямов Н. М., *Януш О. Б.* (2020) Историческая интертекстуальность в российском правовом дискурсе о языках // Диалог со временем. Вып. 71. С. 39–48. Режим доступа: https://roii.ru/r/1/71.4. Дата обращения: 28.04.2025.

Мухарямов Н. М. (2024) Социолингвистика политического // Политология. Новый лексикон / под ред. А. И. Соловьёва. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Аспект Пресс. С. 75–88.

Радбиль Т. Б. (1998) Мифология языка Андрея Платонова. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ. 116 с.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ в составъ русскаго языка (1901) / сост. под ред. Ф. Н. Берга. М.: Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. 752 с.

Хобсбаум Э. (2005) Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. № 4 (49). С. 49–59.

Януш О. Б., *Мухарямов Н. М.* (2025) Концепты суверенности в семантической деривации // Политическая наука. № 2. С. 41–61.

A Renewed Commitment to Language Sovereignty and Revitalizing Indigenous Languages with Languages 4™ (2024) Languages 4™. Режим доступа: https://languages4.com/blog/l4_blog_2.28.24_Mission_Affirmation.html. Дата обращения: 28.04.2025.

Krasner S. D. (1999) Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press. 264 p.

Lakoff G. (2009) The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. London: Penguin Books. 292 p.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

On respecting (Indigenous) linguistic sovereignty (б. г.) Faculty of Arts. Режим доступа: https://www.arts.ubc.ca/news/on-respecting-indigenous-linguistic-sovereignty/. Дата обращения: 28.04.2025.

Reaume D. G. (2003) Beyond Personality: The Territorial and Personal Principles of Language Policy Reconsidered // In: Kymlicka W., Patten A. (eds.) Language Rights and Political Theory. Oxford: Oxford University Press. P. 273–295.

REFERENCES

Appia, K.Je. (2024) Jetika identichnosti [Ethics of Identity]. Moscow: New Literary Review. 504 p. (In Russian).

Bakhtin, M.M. (1975) Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let [Questions of Literature and Aesthetics: Research from Different Years]. Moscow: Fiction. 506 p. (In Russian).

Burde, P. (2022) O gosudarstve: kurs lektsii v Kollezh de Frans (1989–1992) [On the State: Lecture Course at the Collège de France (1989–1992)]. Moscow: Publishing House "Delo" RANEPA. 720 p. (In Russian).

Girenok, F.I. (2024) Klipovoe soznanie [Clip Consciousness]. Moscow: Avenue. 256 p. (In Russian).

Guboglo, M.N. (1998) Yazyki etnicheskoi mobilizatsii [Languages of Ethnic Mobilization]. Moscow: School "Languages of Russian Culture". 816 p. (In Russian).

Dugin, A. (2022) Nam nuzhen suverenniy yazyk [We Need a Sovereign Language]. Available at: https://zavtra.ru/blogs/nam_nuzhen_suverennij_yazik (Accessed: 28 April 2025). (In Russian).

Karaulov, Yu.N. (1987) Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Science. 261 p. (In Russian).

Khobsbaum, E. (2005) Vse li yazyki ravny? Yazyk, kultura i natsionalnaya identichnost [Are All Languages Equal? Language, Culture and National Identity]. *Logos*, No. 4 (49), pp. 49–59. (In Russian).

Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii: diskursivnyi analiz [Corporate Communication in Russia: A Discourse Analysis] (2017) / eds T.A. Milekhina and R. Ratmaier. Moscow: Publishing House YASK, Languages of Slavic Culture. 632 p. (In Russian).

Krasinskii, V.V. (2015) Gosudarstvennyi suverenitet: gnoseologicheskii aspekt problemy [State Sovereignty: The Epistemological Aspect of the Problem]. *Sovremennoe pravo*, Issue 7, pp. 5–11. (In Russian).

Lakoff, Dzh. (2011) Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kniga 1: Razum vne mashiny [Women, Fire, and Dangerous Things: What the Categories of Language Tell Us About Thinking. Book 1: Minds Beyond the Machine]. Moscow: Gnosis. 512 p. (In Russian).

Malysheva, E.G. (2009) Ideologema kak lingvokognitivnyi fenomen: opredelenie i klassifikatsiya [Ideologeme as a Linguacognitive Phenomenon: Definition and Classification]. *Politicheskaya lingvistika*, Issue 4, pp. 32–40. (In Russian).

Mikhelson, M.I. (2006) Tolkovyi slovar inostrannykh slov, poslovits i pogovorok [Explanatory Dictionary of Foreign Words, Proverbs and Sayings]. Moscow: AST; AST Moscow; Transitkniga. 1119 p. (In Russian).

Milekhina, T. (2017) Strategicheskaya sessiya [Strategic Session]. In: *Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii: diskursivnyi analiz* [Corporate Communication in Russia: A Discourse Analysis] / eds T.A. Milekhina and R. Ratmaier. Moscow: Publishing House YASK, Languages of Slavic Culture, pp. 233–256. (In Russian).

Milekhina, T. and Ratmair, R. (2017) Soveshchaniya [Meetings]. In: *Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii: diskursivnyi analiz* [Corporate Communication in Russia: A

Discourse Analysis] / eds T.A. Milekhina and R. Ratmaier. Moscow: Publishing House YASK, Languages of Slavic Culture, pp. 213–231. (In Russian).

Mukharyamov, N.M. and Yanush, O.B. (2020) Istoricheskaya intertekstualnost v rossiiskom pravovom diskurse o yazykakh [Historical Intertextuality in Russian Legal Discourse on Languages]. *Dialog so vremenem*, Issue 71, pp. 39–48. Available at: https://roii.ru/r/1/71.4 (Accessed: 28 April 2025). (In Russian).

Mukharyamov, N.M. (2024) Sotsiolingvistika politicheskogo [Sociolinguistics of the Political]. In: *Politologiya. Novyi leksikon* [Political Science. New Lexicon] / ed. A.I. Soloveva. Moscow: Publishing House "Aspect Press", pp. 75–88. (In Russian).

Radbil, T.B. (1998) Mifologiya yazyka Andreya Platonova [Mythology of Language by Andrei Platonov]. Nizhny Novgorod: Publishing House of NGPU. 116 p. (In Russian).

Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka [Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language] (1901) / comp. under the editorship of F.N. Berg. Moscow: Tipo-lithographic Partnership of I.N. Kushnerev and Co. 752 p. (In Russian).

Yanush, O.B. and Mukharyamov, N.M. (2025) Kontsepty suverennosti v semanticheskoi derivatsii [Concepts of Sovereignty in Semantic Derivation]. *Political Science*, No. 2, pp. 41–61. (In Russian).

A Renewed Commitment to Language Sovereignty and Revitalizing Indigenous Languages with Languages 4™ (2024). Available at: https://languages4.com/blog/l4_blog_2.28.24_Mission_Affirmation.html (Accessed: 28 April 2025).

Krasner, S.D. (1999) *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press. 264 p.

Lakoff, G. (2009) *The Political Mind: A Cognitive Scientists Guide to Your Brain and Its Politics*. London: Penguin Books. 292 p.

On Respecting (Indigenous) Linguistic Sovereignty. Faculty of Arts. Available at: https://www.arts.ubc.ca/news/on-respecting-indigenous-linguistic-sovereignty/ (Accessed: 28 April 2025).

Reaume, D.G. (2003) Beyond personality: The territorial and personal principles of language policy reconsidered. In: W. Kymlicka and A. Patten (eds) *Language Rights and Political Theory*. Oxford: Oxford University Press, pp. 273–295.

Ольга Борисовна Януш – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии, политологии и права, ФГБОУ ВО «КГЭУ», Россия.
Адрес: 420066, Россия, Казань, ул. Красносельская, 51.
Эл. адрес: yanush_ob@yahoo.com
https://orcid.org/0000-0002-5606-5984

Наиль Мидхатович Мухарямов – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права, ФГБОУ ВО «КГЭУ», Россия.
Адрес: 42006, Россия, Казань, ул. Красносельская, 51.
Эл. адрес: n.mukharyamov@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-3810-824X

Olga B. Yanush – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Associate Professor, Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Russia.
Address: Krasnosel'skaja St. 51, Kazan, Russia, 420066.
E-mail: yanush_ob@yahoo.com
https://orcid.org/0000-0002-5606-5984

Nail M. Mukharyamov– Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Russia.
Address: Krasnosel'skaja St. 51, Kazan, Russia, 420066.
E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-3810-824X

Для цитирования: *Януш О.Б.*, *Мухарямов Н.М.* «Языковой суверенитет» как идеологема // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 42–66. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-42-66

For citation: *Yanush O.B., Mukharyamov N.M.* "Language sovereignty" as an ideologeme // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 42–66. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-42-66

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 30.04.2025;
approved after reviewing 14.05.2025;
accepted for publication 02.09.2025.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ЯЗЫК, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

LANGUAGE, IDEOLOGY, AND POLITICAL DISCOURSE

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-67-86

МАКСИМЫ-НАСТАВЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ (АНТИ) ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ИСПАНСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

УДК 81`27

Николай С. Владимиров

Военный университет
Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация
Исследование посвящено изучению специфики аксиосферы военнослужащих, призванных на обязательную военную службу (по призыву) в армию Испании, через призму речевых образцов социолекта данной субкультуры. Анализ научных публикаций, посвященных армейскому социолекту испанских военнослужащих, позволил выявить дефицит внимания ученых к аксиологическому потенциалу его феноменов. Материалом исследования выступают дискурсивные образования разговорного субстандарта, которые представлены в работе максимами-наставлениями солдатского фольклора как инструментом вербального выражения альтернативных (анти)ценностных ориентации.
В статье рассматривается явление антиповедения, в котором проявляются альтернативные ценностные ориентации референтной социальной группы, и подчеркивается уникальность ценностной деформации, определяющей особое мировоззрение солдат-срочников. Предпринимается попытка установить связь между проявлениями антиповедения, феноменами субязыка военнослужащего и его системой ценностей. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода, на стыке этнографии, аксиологии, культурологии и социологии, что способствует расширению понимания природы формирования аксиологических установок субкультуры, их влияния на индивидуальное сознание и групповую идентичность военнослужащих. Результаты работы позволяют глубже понять закономерности функционирования субкультуры военнослужащих по призыву в армии Испании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: субкультура военнослужащих, социально-групповой диалект, аксиология, ценностные ориентации, антиценности, солдатский фольклор, армия Испании

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Николай С. Владимиров, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-67-86

MAXIMS–GUIDANCE AS A MEANS OF EXPRESSING ALTERNATIVE (ANTI) VALUE ORIENTATIONS OF SPANISH MILITARY PERSONNEL

UDC 81 27

Nikolay S. Vladimirov

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract
The present study explores the negative features of the axiosphere of military personnel undergoing compulsory service in the Spanish Army. An analysis of scholarly publications devoted to the military sociolect reveals a notable lack of attention to the axiological potential of this linguistic phenomenon. The illustrative material of the study consists of discursive formations from the colloquial substandard of military speech, represented by proverbial maxims and guidance from soldiers' folklore, which serve as verbal expressions of alternative value orientations.
The article examines the phenomenon of *anti-behavior*, which reflects the alternative value orientations of a reference social group. The distinctiveness of such anti-behavior, shaping the unique worldview of conscript soldiers, is emphasized. The study attempts to establish a correlation between the attitudes underlying anti-behavior, the linguistic features of the military sublanguage, and the soldiers' value system.
The research is conducted within an interdisciplinary framework that integrates ethnography, axiology, cultural studies, and sociology. This approach enhances understanding of the mechanisms underlying the formation of axiological attitudes within subcultures and their influence on the individual consciousness and group identity of military personnel. The findings contribute to a broader comprehension of the functioning and internal dynamics of the subculture of conscript soldiers in the Spanish Army.

KEYWORDS: subculture of military personnel, socio – group dialect, axiology, value orientations, anti-values, soldier's folklore, Spanish army.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Nikolay S. Vladimirov, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Субкультура военнослужащих, проходящих обязательную военную службу, представляет собой сложную для исследования социокультурную реальность, отличающуюся от общей культуры собственной системой ценностей, языком, мировоззрением, манерой поведения и другими проявлениями. Этнографическая, социокультурная и аксиологическая базы данных для потенциальных исследований накапливаются в уникальном практическом опыте субкультуры, существующей в разрозненных и обособленных микропространствах казарм воинских частей, которые являются первичной средой для формирования аксиологической сферы, возникновения и бытования особого языка субкультуры (социально-группового диалекта).

Наше исследование основывается на взглядах отечественных ученых, таких как Б. Л. Бойко, А. С. Романов, Е. В. Лупанова, высказывающих мысль о том, что язык военнослужащих является важным инструментом в репрезентации мировоззрения и ценностных ориентиров армейского социума. Исследователи отмечают наличие сложных взаимосвязей между особенностями языка субкультуры и аксиосферой конкретных социальных групп. Так, Б. Л. Бойко подчёркивает важность изучения социально-групповых диалектов отдельных субкультур, в частности военной субкультуры, так как они определяют специфику видения мира [Бойко, 2009: 5]. Е. В. Лупанова отмечает тот факт, что знание особенностей социально-группового диалекта позволяет раскрыть сущность ценностных установок, мировосприятия и характера взаимоотношений военнослужащих [Лупанова, 2018: 70].

В современной науке проводятся многочисленные исследования различных аспектов армейского субязыка, при этом стоит отметить, что отечественные ученые в работах, посвященных исследованию социолекта военнослужащих вооруженных сил Испании, незаслуженно обходят вниманием аксиологический потенциал его феноменов. Настоящая работа выполнена в рамках междисциплинарного подхода и направлена на частичное восполнение существующих пробелов и устранение дефицита научных знаний о ценностных ориентациях и мировоззрении испанского солдата.

Анализ работ испанских социологов и филологов показывает, что традиционный взгляд на официально декларируемые ценности военнослужащих по призыву вооруженных сил Испании, в ряду которых особое место занимают патриотизм, верность долгу или самопожертвование, требует переосмысления. Эта необходимость продиктована тем, что

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

параллельно официальной системе ценностей в среде солдат-срочников существуют скрытые ценностные формы, отражающие отрицание и неприятие многих сторон военной службы, при этом поощряемые субкультурой [Molina Luque, 1996; Morant, 1996; González, 2005, Navarro, 2005].

Вторичная социализация призванного гражданского человека, по словам Б. Л. Бойко, осуществляется в жестких условиях принуждения, составляющих основу военной службы [Бойко, 2009: 5–6]. Поэтому считаем, что правомерно говорить о том, что в качестве когнитивной стратегии приспособления к таким условиям у юношей, призванных на обязательную военную службу в армию Испании, формируется система альтернативных (анти)ценностных ориентаций, которые находятся в фокусе нашей работы.

Перестройка внутриличностной сферы и внешнего поведения призванных на военную службу сопровождается сменой морально-этических и поведенческих ориентиров. Таковыми становятся повторяющиеся модели речевого и неречевого поведения, вербальная их часть закреплена в языковом сознании, в устной или письменной традиции [Бойко, 2009: 17]. В качестве примеров кратких текстов, существующих в языковом сознании солдатской субкультуры и отражающих ее аксиологические установки, мы продемонстрируем фольклорные максимы-наставления, которые являются предметом исследования.

Целью статьи ставится аксиометрический анализ альтернативных (анти)ценностных ориентаций военнослужащих исследуемого социокультурного пространства. Было принято решение выбрать в качестве референтной ту часть социальной группы военнослужащих по призыву, которую представляют старослужащие солдаты, близкие к увольнению с военной службы, – abuelos 'деды' и bisabuelos 'дембеля'.

В качестве гипотезы исследования мы выдвигаем следующие положения: ценностные (антиценностные) установки военного социума выражаются в поведении (антиповедении) военнослужащих; сущность ценностных (антиценностных) ориентиров может раскрываться с помощью языковых средств и речевых форм субязыка военнослужащих.

Для достижения цели исследования нами сформулированы следующие задачи: 1) сформулировать концепцию антиповедения в контексте обязательной военной службы и проиллюстрировать присущие антиповедению основные установки (идеи); 2) установить роль солдатского фольклора в выражении идей альтернативных ценностных ориентаций в речи военнослужащих; 3) продемонстрировать роль смеха и юмора в выражении альтернативных ценностных ориентаций; 4) предложить авторскую интерпретацию идей, имплицитно заложенных в максимах-наставлениях военнослужащих, с точки зрения определенных

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

позиций солдатской субкультуры (мировоззренческих, ценностных, идеологических, статусных и других).

Далее кратко уточним основные рабочие понятия нашего исследования.

Аксиосфера является одной из важнейших составляющих семиотического поля культуры. Е. В. Архипова даёт следующее определение этого понятия: «Аксиосфера языковой личности – это система ценностей и смыслов, выраженных в языке, усвоенных личностью рационально и пережитых эмоционально, ставших индивидуальными ценностями, проявляющимися в дискурсе личности» [Архипова, 2019: 70].

Аксиосфера (или аксиологическая среда) оказывает определяющее влияние на становление ценностного сознания личности [Мацефук и др., 2017: 58]. Помимо человечества в целом, к субъектам аксиосферы относятся как конкретный человек, так и различные социальные группы: небольшие контактные, объединенные общей деятельностью и управляющими ею интересами, устремлениями и миросозерцанием, и большие неконтактные, обладающие общими психологическими чертами, идеологическими установками и единством практической деятельности [Каган, 1997: 56].

Ценностные ориентации военнослужащих по призыву армии Испании рассматриваются нами как основания аксиологической сферы данной субкультуры. В них на индивидуальном уровне выражен характер восприятия и принятия различных ценностей, формирующихся в анализируемой субкультуре.

Что касается социолектологического компонента нашей работы, следует уточнить, что мы опираемся на концепцию В. П. Коровушкина, согласно которой:

- подъязык (или субъязык) – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода автономная экзистенциальная форма национального языка, обладающая своей системой взаимодействующих социолингвистических норм первого и второго уровней, представляющая собой совокупность некоторых фонетических, грамматических и преимущественно специфических средств общенародного языка, обслуживающих речевое общение определенного социума, который характеризуется единством профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой специальных понятий [Коровушкин, 2008: 78].

- языковой субстандарт – это <…> макроформа национального языка <…>, состоящая из системно организованных частных экзистенциальных и неэкзистенциальных языковых форм и их элементов <…> и создающих языковую ситуацию диглоссии различной степени в

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

соответствующих сферах социально-речевого общения в зависимости от социолингвистических параметров коммуникативного акта [Там же: 79].

2 | Основная часть

2.1. Концепция антиповедения военнослужащих

Антиповедение, вслед за Б. А. Успенским, трактуется нами как обратное, перевернутое поведение, замена тех или иных регламентированных норм на их противоположность [Успенский, 1996: 460]. Это явление является одним из ключевых факторов, определяющих направление развития субкультуры. М. Л. Лурье приходит к заключению, что антиповедение охватывает все возможные сферы армейской жизни: быт, времяпровождение, отношения с начальством и, что интересует нас в большей степени, – речевую сферу, образ мыслей и систему ценностей [Головин и др., 2003: 198–199].

В качестве примера экспликации идей антиповедения в речи военнослужащих можно продемонстрировать выдержку из остроумно составленной неформальной анкеты дембеля, широко распространенной среди солдат-срочников на авиабазе Лос-Льянос в провинции Альбасете, зафиксированной в 1988 году. Эта анкета содержит юмористический постулат, что «любимый спорт дембелей – подъем переворотом стакана на турнике» “deporte favorito: levantamiento de vidrio sobre barra fija” [González, 2005: 312]. Наша интерпретация этой комической метафоры с лингвокультурологической точки зрения предполагает, что для старослужащего солдата лучшим видом физической активности является употребление алкоголя в баре. Юмористический эффект подобной интерпретации основан на феномене омонимии слова barra. В зависимости от контекста употребления это многозначное слово может обозначать в испанском языке гимнастический снаряд 'турник' или 'барную стойку'. Комический эффект достигается благодаря возникновению двусмысленности при восприятии этого выражения.

Приверженность старослужащих подобным идеологическим убеждениям формирует на когнитивном уровне процесс своеобразного субкультурного «перекодирования» молодых солдат и осуществляет подмену официальной ценности ее сниженной субкультурной версией. Солдатская среда создает своего рода антипод, переориентируя общепринятую систему ценностей в область личного удовольствия и развлечений, в которой инфраструктуру для физической подготовки старослужащий использует для показательной демонстрации идеи отрицания, символом которой в данном случае выступает стакан с алкоголем на учебных

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

занятиях и сопутствующая ассоциация, фиксирующая отсутствие границ дозволенности у дембеля.

Рассмотрим перечень основных установок антиповедения, которые фиксируют в картине мира испанского военнослужащего по призыву идеологию противостояния официальным ценностям и идеалам. Ключевая анти-идея субкультуры военнослужащих по призыву, по мнению М. Л. Лурье, состоит в изначальной абсурдности официальных предписаний и приказов [Головин и др., 2003: 198].

Некоторые другие установки, зафиксированные в работах Р. Моранта [Morant et al., 1998: 349] и Ф. Р. Гонсалеса [González, 2005: 313], предлагаем разделить на две группы. В первую группу следует включить установки и убеждения, следование которым может привести испанского солдата-срочника к тяжелым дисциплинарным последствиям: идея скрытого неподчинения приказам командиров; установка на совершение актов дедовщины; интенции употребления алкоголя; совершение самовольных отлучек с территории воинской части. Во вторую группу включаются менее радикальные идеологемы, направленные на повседневное игнорирование уставных требований: нарушение регламентированных правил поведения; несоблюдение правил ношения военной формы одежды и требований к внешнему виду; нарушение распорядка дня (нарушение порядка приема пищи, несоблюдение режима сна и отдыха, опоздание на построения); недобросовестное выполнение хозяйственных работ; уклонение от занятий по боевой подготовке и так далее.

2.2. Образцы солдатского фольклора как феномены-подлинники военного социолекта

Согласно современным научным представлениям, внутригрупповое общение в армейской среде происходит в устном неофициальном (неформальном) регистре, который отражает аксиосферу и реалии военной службы. Общение военнослужащих в неформальной плоскости продуцирует феномены-подлинники профессионального подъязыка военной службы, среди которых нас в большей степени интересуют армейские клише и дискурсивные образования. По А. С. Романову, к дискурсивным образованиям разговорного субстандарта относятся строевые речевки, застольные благопожелания, армейские байки, анекдоты [Романов, 2020: 12–13].

Опираясь на мнение А. С. Романова, мы полагаем, что в качестве феноменов-подлинников солдатского языка уместно рассматривать некоторые произведения солдатского фольклора, которые могут выступать средством выражения системы ценностей срочника. Фольклорные тексты, как правило, несут эмоциональную нагрузку, выражают накопленный

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

опыт, чувства и переживания представителя военного социума, идентифицируют его принадлежность к казарменному сообществу. По Б. Л. Бойко, в жанровом разнообразии произведений солдатского фольклора от кратких прозаических или стихотворных максим-наставлений до достаточно пространных текстов находят выражение моральные ценности, этика отношений, стереотипные оценки [Бойко, 2009: 18].

Считаем, что солдатский фольклор играет существенную роль в понимании механизмов формирования антиценностей субкультуры. Этот жанр является уникальным способом сохранения памяти субкультуры и связей между солдатами разных призывов, а также средством передачи важных символов и кодов новому поколению новобранцев. Он является «отражением коллективного опыта, совокупность которого составляет тезаурус общества» [Головин и др., 2003: 218].

Согласно проведенным исследованиям, «в солдатских фольклорных текстах, <…> выражена идеология выживания в форме, агрессивной по отношению к вырванному из гражданской среды человеку» [Бойко, 2009: 5–6]. В этой связи считаем важным отметить, что «фольклорный пласт сознания чутко реагирует на негативные аспекты реальности» [Банников, 2002: 88].

Совокупность представленных мнений ученых позволяет сделать вывод о том, что произведения солдатского фольклора в состоянии продемонстрировать поведенческие штампы и подчеркнуть речевые проявления альтернативной солдатской реальности.

2.3. Роль смеха и юмора в солдатском субъязыке

Рассуждая об экспликации ценностных ориентаций с помощью речевых форм, можно добавить, что во многих случаях антиценности закодированы в порождаемых субкультурой текстах с помощью юмора. В существующей в армии системе жестких доминантных отношений юмор «позволяет выражать критику, недовольство и жаловаться на несправедливость, не нарушая при этом порядка, установленного уставом, и не внося раздор в коллективы» [Владимиров, 2024: 54]. С его помощью можно различать категории одобряемого (патриотизм, храбрость, волю солдата и т.д.) и порицаемого (слабость, лень, жалобы, мелкое воровство и т.д.).

Несмотря на то, что содержание армейского фольклора отодвигает на периферию официальную идеологию о важности военной службы и имплицитно отражает общее негативное отношение к службе, в нем присутствует немалое количество текстов позитивного содержания. Подобные произведения зачастую неразрывно связаны со смеховым анализом

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

окружающей солдата действительности. Например, К. Л. Банников утверждает, что «армейский фольклор представляет собой защитно-адаптивную реакцию, выраженную в ироничной саморефлексии армейского сознания <…>. И на этой самоиронии армейский фольклор становится общественным достоянием и составляет целый пласт национальной смеховой культуры в рассказах, байках, анекдотах» [Банников, 2001: 139]. Таким образом, использование смеха и юмора в армейской системе можно расценивать как важную отличительную черту социального взаимодействия и поведения ее участников.

2.4. Альтернативные ценностные ориентации в максимах-наставлениях

2.4.1. Carnet del wisa – «удостоверение дембеля»

Учитывая важнейшую роль смеха и юмора в жизни солдата, в качестве основы проводимого нами анализа рассмотрим типичное комическое казарменное произведение, отражающее альтернативные ценности субкультуры: “carnet del wisa” – «удостоверение дембеля». Примеры текстов, содержащихся в нем, продемонстрированы в работах целого ряда испанских филологов: С. Альварес [Álvarez et al., 1994: 70–72], Р. Моранта [Morant et al., 1998: 345–349], Ф. Р. Гонсалеса [González, 2005: 312–317], а также некоторых других.

Как отмечает Ф. Р. Гонсалес, в большинстве случаев такое удостоверение интегрирует несколько компонентов, среди которых можно выделить его основу – своеобразный неформальный «кодекс дембеля» – “las normas del wisa” (в других вариантах: los artículos del abuelo, los artículos del wissa, los leyes bisagrales). Кроме того, это произведение может содержать некоторые другие элементы, такие как календарь, в котором старослужащими ведется учет количества дней, оставшихся до увольнения, молитвы, переписанные в форме пародийных текстов, а также шутливые песни и наставления. Некоторые образцы включают шутливую краткую письменную анкету старослужащего [González, 2005: 312]. В рамках настоящего исследования мы остановимся только на неформальном «кодексе дембеля».

2.4.2. Las normas del wisa – «кодекс дембеля»

Неформальный кодекс представляет собой свод максим-наставлений (заповедей), которые в ироничной и пародийной формах противопоставляют военнослужащего требованиям военной службы (уставам, наставлениям, инструкциям), а также демонстрируют доминирующее положение страты старослужащих солдат в субкультуре казармы. Афористичные тексты, входящие в его состав, формируют особую армейскую атмосферу.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Основной причиной порождения субкультурой подобных текстов, как указывает Ф. Р. Гонсалес, становится попытка оживить монотонное пребывание в казарме, где время тянется для призванного юноши мучительно медленно [González, 2005: 312].

2.4.2.1. Abuelos y bisabuelos (деды и дембеля)

По К. Л. Банникову, социальная структура экстремальных групп выражена в речи оригинальной системой номинаций – понятий, выражающих спектр социальных состояний [Банников, 2001: 115]. В этой связи, прежде чем перейти к рассмотрению субкультурных установок, входящих в неформальный кодекс военнослужащего, мы предлагаем провести краткий социокультурный обзор социальных состояний испанских старослужащих солдат и проанализировать социолектизмы, отражающие в речи испанских военнослужащих внутригрупповую систему иерархии старослужащих.

Основу социальной группы старослужащих составляют военнослужащие, которые номинируются в социолекте лексемами abuelo 'букв. дед' и bisabuelo 'букв. прадед'. В работах испанских авторов существуют определенные разночтения в отношении того, каким срокам службы соответствуют приведенные номинации. В нашей работе мы руководствуемся мнением Е. С. Наварро, который полагает, что в страту, номинируемую лексемой abuelo, входят солдаты, которым осталось менее 150 дней при сроке службы один год. Группа, номинируемая лексемой bisabuelo, – это солдаты, которым осталось менее 100 дней военной службы по призыву. У каждой из номинаций в соответствии с законами субкультуры существует свой неформальный перечень прав и обязанностей. Вся казарменная жизнь лиц, достигших статуса старослужащего, заключается в уклонении от службы и ожидании момента увольнения. В этот период они стараются посвятить свое время различным видам праздной активности, перекладывая выполнение всех поставленных командованием задач на молодых солдат [Navarro, 1999: 93–94].

В основе подобных номинаций лежит метафорическое сравнение солдата, прослужившего значительный период обязательной службы, с пожилым человеком, прожившим значительную часть своей жизни. Подразумевается, что такой человек умудрен жизненным опытом (знает тонкости и нюансы жизни и быта в казарме), имеет детей и внуков, которых воспитывает, опекает и направляет на жизненном пути (выступает в качестве наставника для молодых солдат).

Анализируя казарменное сообщество испанских старослужащих, исследователь сталкивается с необходимостью поиска соответствий этим номинациям в родном языке.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Опираясь на стратификацию, предложенную К. Л. Банниковым, лексемы abuelo и bisabuelo, уместно, по нашему мнению, переводить с испанского языка на русский лексемами «дед» и «дембель» соответственно [Банников, 2001: 115–116]. При этом лексему bisabuelo следует рассматривать деривационной базой для жаргонных речевых единиц, обозначающих страту дембелей. Так, в качестве дериватов Ф. Р. Гонсалес выделяет следующие единицы:

- bisa – усечение от bisabuelo [González, 2005: 46];

- bisagra 'букв. шарнир, дверная или оконная петля, позволяющая им открываться и закрываться' – подобная номинация основывается на игре слов bisagra и bisabuelo и подразумевает, что дембель является связующим звеном для солдат нескольких призывов [Там же: 47].

- wisa, wissa – этот вариант употребляется на письме. Лексема образовалась вследствие произошедших фонетических изменений и влияния английского языка, в результате которого вместо слова bisa стали писать слово wisa [Там же: 301].

Для лексемы abuelo нам удалось обнаружить всего одно производное слово, образованное посредством добавления суффикса –aco, – abuelaco. Этот дериват, как и производящее слово, употребляется с юмористическим оттенком [Там же: 23].

Начальной ступенью в сообществе старослужащих являются военнослужащие, номинируемые лексемой padre 'букв. отец'. Им осталось 200 дней службы до увольнения. Такие военнослужащие еще не являются в полной мере ветеранами, они все еще обязаны участвовать во всех видах служебной активности, но уже проявляют определенную казарменную зрелость и могут выступать в качестве наставников для солдат нового призыва [Navarro, 1999: 93]. С нашей точки зрения, на сегодняшний день данная единица является языковой лакуной и не имеет точного соответствия в русском языке. Лексема padre является производящим словом для жаргонных единиц padrecito и padraco. В последней суффикс –aco придает значению уничижительный оттенок [González, 2005: 203].

Ф. Р. Гонсалес пишет, что номинация padre происходит от древнего обычая закреплять старослужащего солдата за каждым новобранцем, прибывающим в казарму, чтобы тот, подобно отцу, обучал его одеваться, обращаться с оружием и другим тонкостям солдатской профессии. Обязанности «отца» были прописаны в уставах, действовавших уже в 1835 году [González, 2005: 204].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

2.4.2.2. Максимы-наставления

Традиционно под максимой подразумевается моральное правило или краткое общезначимое изречение, имеющее морализаторский оттенок, которое выражается в речи в различных формах: иронической, констатирующей или поучительной (НФЭ, т.2, с.483).

Далее проиллюстрируем некоторые максимы, зафиксированные нами в работах испанских авторов [Álvarez et al., 1994: 71; Morant et al., 1998: 349; González, 2005: 313].

«Неподчинение»

Ключевые идеи субкультуры об изначальной абсурдности официальных предписаний и установку на неподчинение командирам можно проследить в следующей заповеди: “El Bisagra no cumple órdenes, hace favores” – «Дембель не выполняет приказы, он делает одолжения». Невыполнение приказа – наказуемое деяние, в какой бы стране солдат ни служил, но добровольное и добросовестное выполнение приказа противоречит альтернативному мировоззрению деда. Эта заповедь указывает на попытки старослужащих найти баланс между поддержанием своего реноме среди сослуживцев и необходимостью избежать, возможно, уголовного наказания за невыполнение приказов. Помимо этого, она закладывает в сознание молодых солдат миф о привилегированном положении казарменного сообщества дембелей.

«Лидерство страты старослужащих в казарме»

Считается, что деды и дембеля – это люди с особым статусом. Социологические исследования позволили установить, что деды в казарме всячески подчеркивают свое доминирующее положение по отношению к молодым солдатам [Molina Luque, 1996; Navarro, 2005]. Чувство превосходства становится важной составляющей их психологической самоидентификации.

Статусные стереотипы поведенческого комплекса деда и доминирующее положение сообщества старослужащих нашли свое отражение в следующих заповедях: “El Abuelo en todo es el primero” – «Дед во всем первый»; “El Bisagra pensará por todos” – «Дембель за всех подумает»; “El Wissa no nace, se hace” – «Дембелем не рождаются, им становятся».

В последней заповеди подчеркивается тяжесть обязательной военной службы, которая легла на плечи срочника в юном возрасте. Преодолевая сопутствующие трудности, к концу службы молодой неопытный солдат превращается в статусную по казарменным меркам фигуру, которой дозволено на дисциплинарном поле если не все, то очень многое, что при увольнении приводит к тому, что солдат обретает, по М. Л. Лурье, «специфическое ощущение “повышенной концентрации” своего мужского качества» [Лурье, 2001: 258].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

«Дедовщина»

Первостепенную роль в идеологии субкультуры срочников занимает насилие. Осмысленное в социальной парадигме насилие, по словам К. Л. Банникова, «представляет собой каркас системы ценностей в армии, а в апологии образа жизни превращается в идеологию» [Банников, 2001: 113]. В качестве примера, продемонстрируем заповедь, отражающую идеи дедовщины: “El Wissa no putea, educa a los bichos” – «Дембель не “гоняет” салаг, он их воспитывает».

Х. Ф. Молина Луке, подтверждая сказанное, пишет, что дембеля имеют тотальную власть над новичками и отвечают за скорейшую реализацию процессов их инкорпорации в субкультуру казармы. Свою власть они демонстрируют, в том числе, с помощью дедовщины, так как физическая сила в казарме имеет всепроникающий характер [Molina Luque, 1996: 104].

Идею воспитания молодых солдат с помощью дедовщины можно подкрепить частными примерами повседневной казарменной жизни. Например, заповедью, демонстрирующей такую разновидность дедовщины, как присваивание дедами принадлежащих новобранцам «ништяков». В это жаргонное понятие можно включить все блага, в которых солдат ограничен в период службы: продукты питания, сигареты, деньги и т.д. При этом неуставная суть поборов извращается и представляется как добровольное угощение со стороны новобранцев: “El Bisagra no pide tabaco, los virgos se lo ofrecen” – «Дед не выпрашивает табачок, салаги сами предлагают закурить». Несмотря на внешнюю жесткость, дедовщина воспринимается членами сообщества как оправданная практика.

«Уклонение»

Строгая регламентированность повседневного армейского уклада соблюдается, как правило, молодыми солдатами, старослужащие, наоборот, стремятся избегать рутинных обязанностей, создавая вокруг своего сообщества зону как можно более свободную от рестрикций.

Постоянные попытки солдата уклониться от повседневной, рутинной деятельности, как пишет Х. Г. Капуз, «превратились в основной вид спорта и в искусство» [Gómez Capuz, 2002: 272]. Схожего мнения придерживается Х. Сулайка: «Работа, которая заключается в том, чтобы не работать, поглощает большую часть времени службы солдата» [Zulaika, 1989: 53].

Бытует юмористический стереотип, что «армейский труд – это сочетание неприятного с бесполезным». Подобный стереотип сформировался, вероятно, под влиянием принципа абсурда, который заложен в избыточный армейский труд и придает ему, таким образом, репрессивное значение. А репрессивный труд, как известно, не может формировать у солдата

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

позитивной мотивации [Банников, 2002: 87–88]. Приведенные далее заповеди подтверждают негативное восприятие испаноязычным срочником армейского труда, что побуждает солдата искать любую возможность, чтобы уклониться от привлечения к хозяйственным и другим работам, ведь принцип «кого командир увидел первым, тому и поставил задачу» существует во многих армиях мира: “El Bisagra no se escaquea, se confunde con el terreno” – «Дед не “сачкует”, он сливается с местностью». Выражение «сливается с местностью» подразумевает использование любых помещений в инфраструктуре воинской части, чтобы временно укрыться и избежать получения приказов, требующих немедленного исполнения.

Еще одна манифестация рассмотренной выше идеи: “Si al Abuelo le entran ganas de trabajar se sienta y espera a que se le pasen” – «Если у деда возникает желание поработать, он садится и ждет, пока оно не пройдет».

Приведем слова М. А. Гарсии, которые в юмористической форме очень точно подчёркивают сказанное нами об отношении испаноязычного солдата к труду: «В общем, навыками идеального «косаря» можно считать: 1. Уметь исчезать из поля зрения командиров. Если тебя не увидят – не взвалят на тебя никакую работу. 2. Знать, как свои пять пальцев, казарму и прилегающую территорию, особенно все укромные места, в которых можно спрятаться…» [García, 1994: 160].

«Нарушение/не соблюдение»

Как утверждает Х. Ф. Молина Луке, пунктуальность в армии – это священная норма, в соответствии с которой распорядок определяет начало и окончание каждого мероприятия в течение всего дня: подъем, приемы пищи, передвижения подразделений, отбой. Начало каждого мероприятия предполагает обязательное построение личного состава (для проверки его наличия, убытия в столовую, проведения смотров и т.д.), что в какой-то мере закрепляет в коммунитарном восприятии солдата приоритет всего коллективного над индивидуальным [Molina Luque, 1996: 115].

Важным элементом распорядка является проведение смотров, которые, в зависимости от поставленных целей, подразумевают проверку множества составляющих (наличие личного состава, внешний вид, соблюдение формы одежды, чистоту оружия и т.д.). Но в картине мира старослужащих соблюдение формы одежды – это удел молодого солдата. Дембелю не пристало уделять чрезмерное внимание правильному размещению знаков различия и правилам ношения формы:“El Bisagra no pasa revista, se deja admirar por el oficial de servicio” – «Дембель выходит на строевой смотр только для того, чтобы дежурный офицер полюбовался им». Эта максима демонстрирует отвязанность старослужащего от элементарных армейских

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

устоев и наличие у него мнимого права в оставшийся до увольнения период службы создавать собственную манеру поведения и правила жизни, что можно расценивать как своеобразный отрыв от армейской реальности с присущей ей жесткой дисциплиной, а также раздутую самооценку.

В следующей заповеди дед противопоставляет себя установленному в армии режиму и одному из основных мероприятий распорядка, с которого начинается новый день, – подъему личного состава: “El Abuelo no se levanta a diana, sino que toca diana cuando el Abuelo se levanta” – «Дед не встаёт по сигналу «подъем», это сигнал «подъем» подается, когда дед просыпается».

Еще одно рутинное мероприятие – приемы пищи. Распорядок дня предполагает осуществление приемов пищи в установленное время, а передвижение военнослужащих в большинстве случаев должно быть в строю подразделения. Старослужащие, противопоставляя себя требованиям распорядка дня, стараются избегать передвижения в столовую в строю и часто пытаются проникнуть в нее самостоятельно. Этому препятствует дежурный офицер, осуществляющий контроль прибытия подразделений в столовую. Поэтому такие попытки сравниваются с тактическими занятиями в поле и скрытным выдвижением для наблюдения за местностью. Юмористический отклик на эту практику выглядит так: “El Bisagra no se cuela en el comedor, se adelanta a observar el terreno” – «Дембель не пробирается в столовую, он выдвигается для наблюдения за местностью». Подобным образом старослужащие демонстрируют молодым солдатам условную свободу в передвижении по территории воинской части, подчёркивающую грани казарменной иерархии.

«Самоволка»

Старослужащие солдаты, не признавая накладываемых на них ограничений, часто самовольно покидают часть в поисках развлечений, разнообразия в еде или знакомств с женщинами, т.е. уходят в так называемые «самоволки». К этому их побуждают, в том числе, существующие стереотипы, в которых армия сравнивается с тюрьмой. Продемонстрируем подобную идею субкультуры в дискурсе казармы: “Por un beso que di a la bandera me metieron 9 meses de prisión” – «За то, что я поцеловал знамя, мне дали 9 месяцев тюрьмы» [Navarro, 2005: 117]. Типовыми правилами дислокации на местности практически любой воинской части предусмотрено ограждение по ее периметру, которое во многих частях охраняется часовыми или патрулями. Поэтому, для того чтобы самовольно и незаметно убыть с территории части, дембелям приходится находить пути для скрытого преодоления этого препятствия к «свободе». Опыт подобных попыток закрепился в массовом сознании

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

субкультуры в еще одном ироничном догмате: “El Abuelo no salta la tapia, practica el salto de altura” – «Дед не просто перелезает через забор, он тренирует прыжки в высоту».

Завершим нашу интерпретацию неформального кодекса философской заповедью, подводящей итог всей военной службе: “El Bisagra no se licencia, cuando se harta de mili se va y punto” – «Дембель не увольняется из армии, когда он устает служить – он уходит и точка».

К. Л. Банников отмечает, что «дембеля отличаются символической грустью. <…> Всем своим видом они демонстрируют свое трансцендентное, отрешенное от общих проблем состояние, – они устали» [Банников, 2002: 195]. Приведенная заповедь акцентирует наше внимание на чувстве морального и физического переутомления дембеля военной службой и жизнью в казарме, и будто бы предоставляет ему ирреальное право самому принять решение в какой момент снять со своих плеч тяжелую ношу – военную службу.

Проанализируем общую формулу, по которой выстраивается содержание приведенных в нашей работе максим. Как правило, общим субъектом максим выступает солдат из сообщества старослужащих. Объектом часто выступают различные правила, способы регламентации или прописные истины военной службы. Смысл наставлений, содержащихся в максимах, формирует основные идеи альтернативных ценностных ориентаций, которые отсутствуют в плане содержания, но достаточно явно, по нашему мнению, проявляются в плане выражения. Афористичные изречения обладают достаточно высокой степенью эмоциональной окраски и прагматической направленностью. Синтаксическая простота подчеркивает доступность их понимания для широкой аудитории, в том числе не связанной с военной службой. Данные произведения являются ярким примером лаконичного, но вместе с тем, выразительного изложения мысли, которое использует минимальное количество слов для передачи максимального объема информации о субкультуре, сочетая в себе элементы комического и социальную критику.

3 | Заключение

Таким образом, в результате анализа некоторых юмористических манифестаций, принадлежащих репертуару солдатского фольклора, и интерпретации субкультурных норм поведения, задекларированных в них, можно сформулировать следующие выводы:

- социолект и его феномены являются инструментом передачи уникального опыта и ценностей субкультуры, а также играют значительную роль в формировании внутригруппового сознания военнослужащих;

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

- в контексте обязательной военной службы антиповедение – это совокупность субкультурных норм поведения, более присущих старослужащим солдатам, которую следует рассматривать как идеологическую основу субкультуры;

- рассмотренные нами речевые носители субкультурного кода, бытующие на уровне казармы и навязываемые старослужащими, вызывают у молодых солдат при переходе по ступеням иерархической лестницы существенное отклонение от регламентированных норм поведения, а существующие в солдатской среде стереотипы усиливают их эффект;

- формирование системы альтернативных ценностных ориентаций продиктовано природой существующих у испанских военнослужащих срочной службы эталонов мышления и поведения;

- прагматический потенциал приведенных в нашей работе фольклорных манифестаций состоит в том, чтобы вербально зафиксировать в солдатской субкультуре границы сообщества старослужащих и идентифицировать дембелей в качестве его участников;

- дальнейшее исследование можно продолжить изучением армейских анекдотов, баек, притч, загадок, афоризмов, шарад, воспоминаний о военной службе и других жанров, так как практически в каждом солдатском творении мы сможем найти необходимый для анализа и интерпретации материал.

ЛИТЕРАТУРА

Архипова Е. В. (2019) Лингвокраеведческий текст и прецедентные имена в аксиосфере языковой личности (лингвометодический аспект) // Наука и культура России. № 1. С. 69–73.

Банников К. Л. (2001) Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии // Этнографическое обозрение. № 1. С. 112–141.

Банников К. Л. (2002) Антропология экстремальных групп. М.: Наука. 399 с.

Бойко Б. Л. (2008) Основы теории социально-групповых диалектов: монография. М.: Военный университет. 184 с.

Бойко Б. Л. (2009) Основы теории социально-групповых диалектов: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М.: Военный университет. 57 с.

Владимиров Н. С. (2024) Солдатский жаргон: роль юмора в дискурсе казармы. Тематическая дифференциация юмористической лексики и фразеологии // Военно-филологический журнал. № 3. С. 51–63.

Головин В. В., *Лурье М. Л.*, *Кулешов Е. В.* (2003) Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор. М.: РГГУ. С. 186–230.

Каган М. С. (1997) Философская теория ценности. СПб.: Петрополис. 205 с.

Коровушкин В. П. (2008) Категориально-понятийная система контрастивной социолектологии как автономной отрасли языкознания (на материале английского и русского языков) // Вестник Череповецкого государственного университета. № 2 (17). С. 74–86.

Лупанова Е. В. (2018) Сленг военной субкультуры США // Вопросы психолингвистики. № 1 (35). С. 70–83. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-70-83.

Лурье М. Л. (2001) Служба в армии как воспитание чувств // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 2001. СПб.: Алетейя. С. 247–259.

Мацефук Е. А., *Разбегаев П. В.* (2017) Аксиосфера как элемент информационной среды // Мир науки, культуры, образования. № 6 (67). С. 57–59.

Новая философская энциклопедия (2010) / отв. ред. В. С. Степин, Г. Ю. Семигин; Институт философии РАН. Т. 2. М.: Мысль. 640 с.

Романов А. С. (2020) Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М.: Военный университет. 42 с.

Успенский Б. А. (1996) Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры. 605 с.

Álvarez S., *González P.*, *Vigara A. M.* (1994) Lenguaje (y vida) del recluta en el cuartel // Tabanque: Revista Pedagógica. Vol. 9. Pp. 65–84.

García M. A. (1994) La mili que te parió. Tratado práctico del escaqueo. Madrid: Temas de Hoy. 202 p.

Gómez Capuz J., *González F. R.* (2002) El lenguaje de los soldados // El lenguaje de los jóvenes. Valencia. Pp. 265–290.

Molina Luque J. F. (1996) Quintas y servicio militar: aspectos sociológicos y antropológicos de la conscripción: PhD diss. in Sociology. Universitat de Lleida. 229 p.

Morant R., *Peñarroya M.*, *López G.* (1997–1998) El lenguaje de los soldados // Pragmalingüística. Vol. 5–6. Pp. 343–359.

Rodríguez González F. (2005) Diccionario de terminología y argot militar. Madrid: Editorial Verbum S.L. 317 p.

Sánchez Navarro E. (1999) La mili en tres dimensiones // Revista de Antropología Social. Vol. 8. Pp. 81–108.

Sánchez Navarro E. (2005) Servicio militar: un problema de identidades: PhD diss. in Sociology. Universidad Complutense de Madrid. 552 p.

Zulaika J. (1989) Chivos y soldados: la mili como ritual de iniciación: ensayo antropológico. San Sebastián: Baroja. 132 p.

REFERENCES

Arhipova, E.V. (2019) Lingvokraevedcheskij tekst i precedentnye imena v aksiosfere yazykovoj lichnosti (lingvometodicheskij aspekt) [Linguistic and regional history text and precedent names in the axiosphere of linguistic personality (linguistic methodological aspect)]. *Nauka i kul'tura Rossii*, No. 1, pp. 69–73. (In Russian).

Bannikov, K.L. (2001) Antropologiya ekstremal'nykh grupp. Dominantnye otnosheniya sredi voennosluzhashchikh srochnoj sluzhby Rossijskoj armii [Anthropology of extreme groups. Dominant relationships among Russian army conscripts]. *Etnograficheskoye obozrenie*, No. 1, pp. 112–141. (In Russian).

Bannikov, K.L. (2002) Antropologiya ekstremal'nykh grupp [Anthropology of extreme groups]. Moscow: Nauka. 399 p. (In Russian).

Boyko, B.L. (2008) Osnovy teorii sotsial'no-gruppovykh dialektov: monografiya [Principles of the theory of social-group dialects: monograph]. Moscow: Voennyi universitet. 184 p. (In Russian).

Boyko, B.L. (2009) Osnovy teorii sotsial'no-gruppovykh dialektov [Principles of the theory of social-group dialects]. Avtoreferat dis. … d-ra philol. nauk. Moscow: Voennyi universitet. 57 p. (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Vladimirov, N.S. (2024) Soldatskij zhargon: rol' yumora v diskurse kazarmy. Tematicheskaya differentsiatsiya yumoristicheskoy leksiki i frazeologii [Soldier's jargon: the role of humour in barracks discourse. Thematic differentiation of humorous vocabulary and phraseology]. *Voenno-filologicheskij zhurnal*, No. 3, pp. 51–63. (In Russian).

Golovin, V.V., Lur'e, M.L. and Kuleshov, E.V. (2003) Subkul'tura soldat srochnoj sluzhby [The subculture of recruits]. In: *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* [Modern urban folklore]. Moscow: RGGU, pp. 186–230. (In Russian).

Kagan, M.S. (1997) Filosofskaya teoriya tsennosti [Philosophical theory of value]. St Petersburg: TOO TK Petropolis. 205 p. (In Russian).

Korovushkin, V.P. (2008) Kategorial'no-ponyatiynaya sistema kontrastivnoj sotsiolektologii kak avtonomnoj otrasli yazykoznaniya (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) [Categorical and conceptual system of contrastive sociolectology as an autonomous branch of linguistics (based on English and Russian languages)]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 2 (17), pp. 74–86. (In Russian).

Lupanova, E.V. (2018) Sleng voennoj subkul'tury [Slang of the military subculture]. Moscow: Voennyi universitet. 210 p. (In Russian).

Lur'e, M.L. (2001) Sluzhba v armii kak vospitanie chuvstv [Military service as the upbringing of feelings]. In: *Mifologiya i povsednevnost': Gendernyj podkhod v antropologicheskikh disciplinakh* [Mythology and daily life: Gender approach in anthropological disciplines]. St Petersburg: Aletejya, pp. 247–259. (In Russian).

Macefuk, E.A. and Razbegaev, P.V. (2017) Aksiosfera kak element informatsionnoj sredy [Axiosphere as an element of the information environment]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, No. 6 (67), pp. 57–59. (In Russian).

Novaya filosofskaya entsiklopediya [New philosophical encyclopedia] (2010) / ed. by V.S. Stepin and G.Yu. Semigin; Institut filosofii RAN. Vol. 2. Moscow: Mysl'. 640 p. (In Russian).

Romanov, A.S. (2020) Stereotipizatsiya subkul'turnykh konstant v aksiologii sotsial'no-gruppovogo dialekta (na materiale tsennostej i realij voennoj sluzhby v yazykovoj kul'ture SShA) [Stereotyping of subcultural constants in the axiology of a social-group dialect (based on values and realities of military service in U.S. linguistic culture)]. Avtoreferat dis. … d-ra philol. nauk. Moscow: Voennyi universitet. 42 p. (In Russian).

Uspenskiy, B.A. (1996) Izbrannye trudy. Tom 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury [Selected works. Vol. 1. Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. 605 p. (In Russian).

Álvarez, S., González, P. and Vigara, A.M. (1994) Lenguaje (y vida) del recluta en el cuartel [Language (and life) of the recruit in the barracks]. *Tabanque: Revista Pedagógica*, No. 9, pp. 65–84. (In Spanish).

García, M.A. (1994) La mili que te parió. Tratado práctico del escaqueo [The army that gave birth to you. Practical treatise of shirking]. Madrid: Ediciones Temas de Hoy (T.H.). 202 p. (In Spanish).

Gómez Capuz, J. and González, F.R. (2002) El lenguaje de los soldados [The language of soldiers]. In: *El lenguaje de los jóvenes* [The language of young people], pp. 265–290. (In Spanish).

González, F. Rodríguez (2005) Diccionario de terminología y argot militar [Dictionary of military terminology and jargon]. Madrid: Editorial Verbum S.L. 317 p. (In Spanish).

Molina Luque, J.F. (1996) Quintas y servicio militar: Aspectos sociológicos y antropológicos de la conscripción [Conscripts and military service: Sociological and anthropological aspects of conscription]. PhD diss. Universitat de Lleida. 229 p. (In Spanish).

Morant, R., Peñarroya, M. and López, G. (1996–1997) El lenguaje de los soldados [The language of soldiers]. *Pragmalingüística*, Vol. 5–6, pp. 343–359. (In Spanish).

Sánchez Navarro, E. (1999) La mili en tres dimensiones [Military service in three dimensions]. *Revista de Antropología Social*, Vol. 8, pp. 81–108. (In Spanish).

Sánchez Navarro, E. (2005) Servicio militar: un problema de identidades [Military service: a problem of identities]. PhD diss. Universidad Complutense de Madrid. 552 p. (In Spanish).

Zulaika, J. (1989) Chivos y soldados: La mili como ritual de iniciación: ensayo antropológico [Rookies and soldiers: Military service as an initiation ritual: Anthropological essay]. San Sebastián: Barokha. 132 p. (In Spanish).

Владимиров Николай Сергеевич – начальник управления лингвистического центра МО РФ Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.
Адрес: 123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14
Эл. адрес: head1dep@mail.ru
https://orcid.org/0009-0007-8297-021X

Nikolay S. Vladimirov – head of the Department of the Linguistic Center of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.
Address: Bolshaya Sadovaya Str. 14, Moscow, Russian Federation, 123001.
E-mail address: head1dep@mail.ru
https://orcid.org/0009-0007-8297-021X

Для цитирования: *Владимиров Н.С.* Максимы-наставления как средство выражения альтернативных (анти) ценностных ориентаций испанских военнослужащих // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 67–86. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-67-86

For citation: *Vladimirov N.S.* Maxims–guidance as a means of expressing alternative (anti) value orientations of Spanish military personnel // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 67–86. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-67-86

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.03.2025;
approved after reviewing 10.06.2025;
accepted for publication 30.09.2025.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-87-106

ПОНЯТИЯ «РУССКИЙ МИР» И «СТРАНА-ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 81`27

Ульяна В. Смирнова

Московский городской педагогический университет,

Российская Федерация

Аннотация
В статье анализируется процесс семиотического развития понятий «Русский мир» и «страна-цивилизация» в российском политическом дискурсе. Материалом исследования служат общественно-политические выступления В.В. Путина в период 2001-2024 гг. Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления семиотической природы знаков, связанных с механизмами национально-культурной и цивилизационной идентификации. В 2001 годом на I Конгрессе зарубежных соотечественников президент В.В. Путин объявил о задаче консолидации и структурирования «Русского мира» как важнейшего экономического, политического и интеллектуального ресурса России и предложил считать эту инициативу одним из приоритетов государственной политики. Далее прозвучала Мюнхенская речь, обращения президента в связи с событиями 2014 года и 2022 года, когда стало понятно, что концепция Русского мира лежит в основе внешнеполитических действий России, где Русский мир – это не только отождествление с Россией, но и культурный код, развернутый вовне. По мнению автора статьи, понятия «Русский мир» и «страна-цивилизация», ранее имевшие аморфное концептуальное состояние, постепенно приобретают более строгие определения и, возможно, начинают функционировать как прототермины. Исследование позволяет сделать вывод о том, что эти концептуальные понятия участвуют в формировании идеологических векторов «Россия – мы» и «Россия – другие».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, В.В. Путин, Мюнхенская речь, клуб «Валдай», национально-культурная идентичность, цивилизационная идентичность, Русский мир, страна-цивилизация.

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Ульяна В. Смирнова, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-87-106

THE CONCEPTS OF "RUSSIAN WORLD" AND "COUNTRY-CIVILIZATION" IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

UDC 81 27

Uliana V. Smirnova

Moscow City Pedagogical University,

Russian Federation

Abstract
This article examines the semiotic evolution of the concepts "Russian World" and "country-civilization" in contemporary Russian political discourse. The research material comprises socio-political speeches delivered by President Vladimir Putin between 2001 and 2024. The relevance of this study lies in the need to understand the semiotic nature of signs that underpin mechanisms of national and civilizational identification.
In 2001, at the First Congress of Compatriots Living Abroad, President Putin articulated the task of consolidating and structuring the Russian World as one of Russia's key economic, political, and intellectual resources, proposing to make it a priority of state policy. Subsequent speeches–most notably the Munich address and those linked to the events of 2014 and 2022–demonstrated that the Russian World concept has become a foundational element of Russia's foreign policy. In this framework, the Russian World represents not only a form of identification with Russia but also a cultural code projected beyond its borders.
According to the author, the concepts "Russian World" and "country-civilization," previously marked by conceptual amorphousness, are gradually acquiring more defined contours and may be emerging as proto-terms. The findings suggest that these conceptual categories contribute to shaping the ideological vectors of "Russia–We" and "Russia–Others."

KEYWORDS: political discourse, V.V. Putin, Munich speech, Valdai Discussion Club, national identity, civilization identity, Russian World, country-civilization.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Uliana U. Smirnova, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

В современных геополитических реалиях формирование национально-культурной идентичности является серьезной задачей. Так, сегодня можно констатировать, что эта проблематика основательно разработана в теории гуманитарных наук – психологии, политологии, культурологии, педагогике. Стоит отметить диссертационные исследования, описывающие уровни, компоненты и аспекты, характеризующие современное состояние интерпретации понятия «национально-культурная идентичность» [Галмагова 2024; Гальченко 2021; Корниенко 2024; Малютина 2022], однако исследований практической направленности в этой области бъективно мало.

Формирование аксиологических и поведенческих ориентиров, которые могут выступать в роли факторов национально-культурной идентификации, происходит в двух типах дискурса – в политическом и педагогическом. В педагогике и методике обучения сложности реализации теоретических концептуальных моделей обусловлены поиском механизмов «перевода» идеального образа национально-культурной идентичности в область технологических решений и возможного измерения результата, а в лингвистике – недостаточной разработанностью вопроса языковых механизмов воплощения национально-культурной идентичности в дискурсе. Более того, в российском контексте национальная идентичность является частью цивилизационной идентичности, которая формирует основу для интеграции полиэтничного и многоконфессионального общества. Российская цивилизационная идентичность – это объединение всех народов России в рамках единой цивилизации.

Данная статья является попыткой выявить семиотическую динамику понятий «Русский мир» и «страна-цивилизация» в российском политическом дискурсе и определить свзанные с ними структуры знания. В основу анализа положены два лингвистических направления – социолингвистика и лингвистика дискурса в контексте исследований идентичности и политической коммуникации. С позиции социолингвистических исследований возможно говорить о влиянии языка на самосознание народа. В отечественной лингвистики эти вопросы обсуждались Л.Б. Никольским в рамках изучения языка как средства политической и идеологической борьбы [Никольский, 1986]. В теории дискурса такой проблематикой эффективно действует группа ученых, разрабатывающая социокогнитивные модели и социоисторические подходы к изучению дискурса и выделяющая три уровня дискурсивного анализа национально-культурной идентичности – тематический, стратегический и уровень

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

языковых средств реализации национально-культурной идентичности [Cillia et al., 1999; Wodak, 2009]. При этом исследование национально-культурной идентичности опирается на примеры из политического дискурса, в котором реализуется государственная национальная политика.

В отношении исследований политического дискурса следует отметить, что в отечественной науке существует большой пласт исследований, осуществляемых в рамках политической лингвистики [Баранов и др., 1994; Демьянков, 2002; Паршин, 2002; Чудинов, 2003; Будаев, 2020; Будаев, 2025] и политической науки [Ильин и др., 2019; Гаман-Голутвина и др., 2020]. Одной из наиболее часто цитируемых монографий по вопросу исследования политического дискурса является работа Е.И. Шейгал [Шейгал, 2000], в которой были описаны характеристики языка политики. Вместе с тем, некоторые выводы автора, особенно относительно того, что семиотика англоязычного политического дискурса, в основе которого лежат идеологемы демократических ценностей, лишена фантомных и семантически размытых языковых единиц, как представляется, могут быть серьезно скорректированы исследованиями о принципиальной симулятивности таких знаков [Смирнова, 2008].

Выявляя семиотическую природу знаков «Русский мир» и «страна-цивилизация» в российском политическом дискурсе, мы предполагаем, что их можно назвать прототерминами в отечественном гуманитарном знании на том основании, что они, появляясь в российском политическом дискурсе как концепты, характеризуемые разнообразием интерпретаций, постепенно приобретают более строгие формулировки, которые начинают фиксировать правила функционирования и границы значения знака. Представляется, что последовательная работа с этими понятиями в российском политическом дискурсе является сознательной деятельности по отбору лексических единиц для наименования опыта восприятия родной страны и фиксации границ опыта интерпретации происходящего в современной России с целью четкой идентификации не просто по национально-культурным, но цивилизационным параметрам. Другими словами, они связываются с более высоким уровнем коллективного самоопределения, объединяющим различные национальные и культурные компоненты в рамках одной цивилизации.

В ходе системного анализа общественно-политических выступления В.В. Путина в период с 2001 года при опоре на теоретико-методологические основания исследования, удалось проследить появление терминов «Русский мир» и «страна-цивилизация», определяющих идеологические ориентиры российского политического дискурса в диахронии. Также был выявлен объем их содержания, который обусловливает особенности

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

функционирования терминов в данный момент. Необходимо отметить, что за последние два года было выполнено диссертационное исследование по философскому анализу концепта «Русский мир» [Теплых, 2023], в котором в самом определении концепта и постановке проблемы два понятия – «Русский мир» и «страна-цивилизация» – охарактеризованы как взаимно определяющие. «Русский мир сегодня расценивается как актуальная масштабная модель развития на основе собственных сущностных характеристик, забвение и утрата которых повлечет уничтожение духовного и культурного облика государства-цивилизации» [Теплых, 2023: 3]. Здесь важно подчеркнуть, что, безусловно, необходимо разделять понятия «страна-цивилизация» и «государство-цивилизация», что требует продолжения исследования.

Таким образом, в статье предпринята попытка проследить языковые механизмы формирования семантических признаков понятий «Русский мир» и «страна-цивилизация», которые в российском политическом дискурсе начали обретать границы в последние несколько десятилетий, хотя сама концепция, как показывают философские и политологические исследования, имеет историю формирования. Это даёт возможность сделать вывод о важных дискурсивных структурах воплощения гуманитарного знания, которые в данный момент представлены в нашем символическом языковом опыте и являются неотъемлимыми составляющими национально-культурной и цивилизационной идентичности.

2 | Теоретико-методологические основы исследования

Выбор в качестве основы исследования политического дискурса приводит к необходимости уточнения того факта, что современную лингвистику когнитивно-дискурсивной парадигмы отличает большое разнообразие взглядов на природу и определение дискурса. Однако наиболее релевантным для целей проводимого исследования является философское понимание дискурса как архива высказываний М. Фуко [Фуко, 1977]. Согласно точке зрения М.Фуко, дискурс определяет позицию, взгляд и функцию субъекта [Фуко, 1977]. Дискурсивные практики обусловливают знание, которым пользуется общество, и наделяют его значимостью. Особенно важно для данного исследования то, что М. Фуко выделяет вид дискурса, который генерирует высказывания, рассеиваемые, трансформируемые и интерпретируемые в последующей речевой деятельности [Фуко, 1977]. Этот подход представляется релевантным для проводимого исследования, т.к. высказывания президента в рамках политического дискурса претендуют на статус порождающих другие речевые акты и могут служить основой для повторения, толкования и комментирования.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Не менее значимым для исследования является положение об анализе дискурса как об особой социально-когнитивной практике [Handbook of discourse…, 2015], изучение которой предполагает вскрытие микро- и макроструктур дискурса, определяющих как процесс производства, так и процесс восприятия текста. При этом велика роль контекста, который, с одной стороны, конституирует текст и обусловливает его интерпретацию тем или иным образом, с другой стороны, является своеобразным конституируемым, т.е. создается говорящим в процессе производства дискурса [Dejk, 1985]. Эта мысль актуальна для проводимого исследования, т.к. в текущем историческом моменте мы становимся свидетелями физического и идеологического формирования Русского мира и России как страны-цивилизации. Закрепление этот процесса сопровождается формированием терминов, составляющих и идентификатор, и основу идентификации национально-культурной и цивилизационной идентичности.

С позиции социолингвистики рассматриваемая в исследовании проблема соотносится с обширным блоком работ по функционированию языка в политике и идеологии. Основоположником данного направления в отечественной лингвистике является Л.Б. Никольский [Никольский 1986], в работах которого были выделены основные социальные функции языка в социально-этнических общностях и территориально-политических объединениях – консолидирующая, интегрирующая и символическая.

Ввиду того, что анализируемые знаки закладывают ценностную основу национально-культурной идентичности, что влечет формирование моделей поведения и горизонты отношений к другим событиям, связываемых кругом интерпретации с понятиями «Русский мир» и «страна-цивилизация», необходимо учитывать положения и разработки лингвоаксиологии [Карасик, 2002; Карасик, 2007; Карасик, 2013]. Анализируемые в работе знаки коррелируются с положением о влиянии на общую тональность дискурса аксиологической семантики отдельных лексических единиц. Не вызывает сомнений, что исследуемые знаки в определенной степени связаны с разными видами ценностей – терминальными, цивилизационными, витальными – и являются ведущими ориентирами в осмыслении мира с позиции ценностной базы национально-культурной и цивилизационной идентичности.

Для проводимого исследования релевантны также работы по публичной дипломатии и медиабренду страны, широкая проблематика которых регулярно исследуется в журнале «Place Branding and Public Diplomacy» под редакцией С. Анхольта, представившего в научном академическом дискурсе термин «национальный бренд» [Anhalt, 2007]. Предмет данной

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

работы – знаки «Русский мир и «страна-цивилизация» – становятся своеобразной меткой образа России, проецируемого как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию.

Одним из последних исследований о национальном медиабренде России является исследование Н.Л. Грейдиной [Грейдина, 2022; Грейдина, 2023], принципиальное отличие данной работы от проводимого нами исследования заключается в том, что автор анализирует конструирурование образа России медиасредствами, в то время как в фокусе данной работы находится сам образ России, который сегодня формирует политический лидер нашей страны. Это образ имеет значение для России и соощает многое о России представлителям других народов и культур.

Обобщение результатов анализа практического материала выявляет семантические механизмы приобретения знаками характера терминов, поэтому в теоретическую основу исследования необходимо включить работы по терминотворчеству С.В. Гринева-Гриневича [Гринев-Гриневич и др., 2012; Гринев-Гриневич и др., 2021; Гринев-Гриневич и др., 2022] и идею терминологической градуальности С.Д. Шелова [Шелов, 2003]. В своих работах С. Д. Шелов предпринимает попытку преодолеть прескриптивные установки при выделении термина и признает за термином семантический, понятийный характер. Исследователь предлагает истолковывать сущностные характеристики термина как относительные, признавая большую или меньшую степень терминологичности той или иной единицы. Близкую точку зрения формулирует В.М. Лейчик, указывающий на то, что «термин – это единица, не столько обладающая дефиницией, сколько требующая таковую» [Лейчик, 2009: 24].

В этом отношении необходимо также упомянуть малоизвестную работу А.М. Каплуненко, в которой исследователь рассматривает термин как эволюцию развития знака от концепта, суть которого в множестве различий интерпретаций, к упорядочиванию семантических признаков в понятии и фиксации правил функционирования и границ значения в термине [Каплуненко, 2007].

3 | «Русский мир» и «страна-цивилизация» как стратегическая сверхзадача

Концепт «Русский мир», по общепринятому мнению, начал обретать дискурсивный статус еще в 90-е годы благодаря публичным интеллектуалам из Московского методологического кружка [Щедровицкий, 2000]. В обзоре методологических подходов к интерпретации концепта «Русский мир» В.В. Кривопусков подчеркивает, что «Русский мир» в 2016 году сложно было считать понятием, он оставался именно концептом, т.е. сложным и объемным когнитивным образованием с нечеткими границами [Кривопусков, 2016]. Однако в

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

данном исследовании будет показано, что семантические признаки знака «Русский мир» приобретают все более упорядоченный вид, что позволяет говорить о его семиотическом развитии и постепенном переходе в состояние прототермина.

Анализ практического материала выявляет хронологию появления знаков «Русский мир» и «страна-цивилизация» в российском политическом дискурсе. Встраивание «Русского мира» в дискурсивное поле можно связать с 2001 годом, когда на I Конгрессе зарубежных соотечественников в Москве президент В.В. Путин, во-первых, заявил о стремлении определить юридически, т.е. как раз терминологически, «кого считать соотечественником» [Путин, 2001], а во-вторых, использовал понятие «русский мир». Президент России связывает это понятие с личностным «духовным самоопределением», в том числе относительно личного решения субъекта о своей принадлежности к духовному объединению «русского мира», которое «испокон века выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса» [Путин, 2001].

Следующей своеобразной точкой отсчета формирования нового образа России с привлечением понятий «Русский мир» и «страна-цивилизация» является так называемая «Мюнхенская речь» В.В. Путина, т.е. общественно-политическое выступление президента в ходе дискуссии на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года [Путин, 2007]. Именно тогда были заявлены ключевые знаки российского политического дискурса, которые до сих пор его определяют, рассеиваясь по поверхности дискурса и составляя его эпистемологическую основу. Другими словами, ключевые высказывания этой речи определили и до сих пор определяют познавательные установки и модальность высказываний российского политического дискурса. Следует говорить о том, что почти двадцать лет назад не просто была заложена основа интерпретации знаков «Русский мир» и «страна-цивилизация» сегодня, но активированы механизмы дискурсивного производства, которые привели к появлению и рассеиванию указанных знаков в современном дискурсе.

Анализ показывает, что эти термины связаны с понятием «миропорядок» и появляются на поверхности дискурса в единых контекстах. Немаловажным будет отметить значимость понятия «мир». Так, на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 в выступлении В.В. Путина можно выявить 82 случая употребления слова «мир» и однокоренных слов «миропорядок», «мировоззрение», «мироздание», «мировой» [Путин, 2024], что указывает на значимость мира как пространства жизни, как особого мироустройства и как компонента, участвующего в «жизни» других слов, например, мировая война..

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

В Мюнхенской речи В.В. Путина особенный интерес вызывает трихотомия «однополярный – двуполярный – многополярный мир», которая по сути является семиотической основой организации идеологической модели мира. Двуполярный мир – это модель мира эпохи противостояния США и Советского Союза в период Холодной войны. Семиотика этого мира основана на симметрии знаков: ценностным знакам одного полюса соответствуют противоположно аксиологически нагруженные знаки другого плюса. «Однополярность», по мнению В.В. Путина, есть модель, которую стремятся навязать США в то время, как «многополярность» может быть представлена как единственная историческая перспектива развития: «Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. …сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [Путин, 2007].

Как можно убедиться, термин «цивилизация» является одним из компонентов атрибутивной группой «морально-нравственная база цивилизации», связывающей многополярную модель организации мира с определенной ценностной основой. Ценности, в свою очередь, определяются через принадлежность к базе современной цивилизации. Очевидно, что термин «страна-цивилизация», который появляется в дискурсе президента позднее, преемственно связан с анализируемым высказыванием с позиции морально-нравственных основ обсуждаемого государственно-политического единства.

Обратим внимание на определение «современной» в словосочетании «современной цивилизации». Оно демонстрирует отличия в российском и западном понимании цивилизации, которые были сформулированы в выступлении В.В. Путина в рамках заседания клуба «Валдай» в 2023 году: цивилизация в «колониальной интерпретации» не может быть и не является основой России как «самобытного государства-цивилизации» [Путин, 2023а]: «Основные качества государства-цивилизации – многообразие и самодостаточность. ... В основе его – культура и традиции, укреплённые в географии, историческом опыте, как давнем, так и современном, и в ценностях народа. Это сложный синтез, в процессе которого и возникает самобытная цивилизационная общность. ...Россия на протяжении столетий формировалась как страна разных культур, религий, национальностей. Российскую цивилизацию невозможно свести к одному общему знаменателю, но её нельзя и разделить, потому что она существует только в своей целостности, в духовном и культурном богатстве» [Путин, 2023а].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

В более поздних примерах связь миропорядка, Русского мира и страны-цивилизации становится более очевидной. В определении России как самобытного государства-цивилизации «точно и ёмко отражено то, как мы понимаем не только наше собственное развитие, в ней – основные принципы мирового устройства, на победу которых мы надеемся» [Путин, 2023a]. «Уважаемые друзья, наша битва за суверенитет, за справедливость носит без всякого преувеличения национально-освободительный характер, потому что мы отстаиваем безопасность и благополучие нашего народа, высшее, историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией. Именно наша страна, Русский мир, как не раз бывало в истории, преградили путь тем, кто претендует на мировое господство, на свою исключительность» [Путин, 2023b].

Последний пример также показывает, каким образом осуществляется установление референциальной связи и привлечение структур знания, накопленных в опыте интерпретации адресата дискурса. В объем значения интересующего нас понятия «Русский мир» вводятся компоненты «наша страна», «Россия», «держава», «страна-цивилизация», «наш народ», которые можно признать взаимно определяющими друг друга. Прагматика термина «Русский мир» обусловлена ценностями «сильное государство» и «независимость» и связанными с ними отношениями. При этом ценности могут быть определены как дескрипторы, определяющие отнесение объектов к понятию «держава», «Россия», «страна-цивилизация», а их экспликация (ведь держава – это и есть по определению сильное и независимое государство) обеспечивает семантическую насыщенность высказывания и усиливает его иллокутивную силу. Помимо силы и независимости ценностной основой «Русского мира» является суверенитет, справедливость, безопасность, благополучие.

Модальность высказываний с термином «Русский мир» обусловлена отсылкой к историческому праву быть Россией и прецедентным ситуациям «преграждения пути тем, кто претендует на мировое господство», организующим особую мировую линию во внутреннем времени ego адресата дискурса. Можно утверждать, что имеются в виду исторические события противостояния татаро-монгольскому игу, немецко-фашистской Германии, периоду польско-литовской оккупации. Опора на исторический опыт отстаивания Русского мира, которая дискурсивно организуется посредством высказывания «битва за суверенитет», «национально-освободительный характер», не случайна. В текущей геополитической ситуации интерпретация исторических событий становится ключевой характеристикой национально-культурной и цивилизационной идентичности и маркером принадлежности к Русскому миру.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Приводимое ниже высказывание устанавливает связь Русского мира с миропорядком и подтверждает значимость компонентов «суверенитет» и «сила»: «…без суверенной, сильной России никакой прочный, стабильный миропорядок невозможен» [Путин, 2023b]. Данное высказывание также выявляет ключевую структуру знания, которые лежит в основе «Русского мира»: «Россия обеспечивает миропорядок». Система закономерностей, связанная с этой пропозицией, также включает структуры «Россия есть сильная и суверенная» и «миропорядок есть прочный и стабильный», где первая является условием второй.

По результатам анализа, которые прямо коррелируют с описанной в «Словаре русских политических метафор» [Баранов и др., 1994] антропоморфной метафорической моделью, активной используемой в российском политическом дискурсе, когнитивной основой Русского мира является метафора единого тела. «Слышали также, что Россию, оказывается, нужно сегодня «деколонизировать». А на самом деле что им нужно? На самом деле нужно расчленить и разграбить Россию. Не получается силой – тогда посеять смуту» [Путин, 2023]. Здесь когнитивная метафора России как тела включает исторически важный для знания об истории России прецедентный феномен «смута». Стремление «расчленить» Россию как единое тело входит в опыт интерпретации адресата действий враждебно настроенных в отношении России сил. «Смута» не только осуществляет референцию к историческим событиям Смутного времени как одного из самых сложных и трагических периодов в истории России, охвативший примерно 1598-1613 годы, но к существующему в опыте интерпретации адресата дискурса когнитивному сценарию, который характеризует ситуацию, когда в раздираемой внутренними противоречиями России конфликт между «своими» используется внешними враждебными силами.

Преемственность контекстов и единый идеологический источник их формирования могут быть обоснованы тем фактом, что та же самая когнитивная метафора, включающая прецедентные отсылки к «междоусобице», концептуализировала действительность в обращении В.В. Путина после трагедии в Беслане: «Те, кто послал бандитов на это ужасное преступление – ставили своей целью стравить наши народы, запугать граждан России, развязать кровавую междоусобицу на Северном Кавказе» [Путин, 2004]. Сходным с предыдущим примером образом междоусобицы в истории России отсылают к княжеским войнам за власть в X-XII веках и актуализируют знания о том, как длительные внутренние конфликты приводят к ослаблению государства.

Называя Россию страной-цивилизацией и вводя определение нового миропорядка, зависимого от Русского мира, президент не дает определение Русскому миру. В отношении

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

дефиниции Русского мира стоит отметить, что изначально в нее в большей степени вводятся признаки объединения вдоль границ, превосходящих географическое положение России и русского этноса. Следует отметить, что основания выбора принадлежности этому миру еще с 2001 года признаются духовными, основанными на признании родными русского языка и русской культуры [Путин, 2001].

2014 год может быть обозначен как веха, когда стало понятно, что концепция Русского мира лежит в основе внешнеполитических действий России. Русский мир – это не только всё, что отождествляется с Россией, но и культурный код, развернутый вовне. В Крымской речи В.В. Путина [Путин, 2014] звучит формулировка «восточнославянский мир», когда президент говорит о том, что в формировании единой русской нации и образовании общей государственности участвовали «самые разные по крови племена и племенные союзы всего обширного восточнославянского мира» [Путин, 2014].

Долгое время атрибутив «русский» пишется с маленькой буквы, что свидетельствует о том, что понятие «русский мир» еще несколько размыто. «Решительная поддержка соотечественников, которые твердо выразили свою волю быть с Россией, помогла сплотить общество и стала важным фактором консолидации русского мира» [Путин, 2015]. Приведенный пример выявляет формирующуюся в дискурсе модальность: Русский мир конструируется согласно модусу волеизъявления «воля быть с Россией», который соединяет модальность необходимости и императивности.

В 2018 год ключевыми семантическими признаками понятия «русский мир» становятся не этническая, национальная или религиозная принадлежность, а русский язык, общая культура и единая история, т.е. такая история, которая характеризуется едиными горизонтами интерпретации исторических событий. «Этот мир объединяет всех, кто чувствует себя духовно связанным с Россией, кто считает себя носителями русского языка, культуры, русской истории» [Путин, 2018].

По-видимому, значимость событий 2022 года заставляет начать процесс семиотической фиксации внешней формы термина, когда в указе президента закрепляется написание «Русский мир» с большой буквы: «Защита, сохранение и продвижение традиций и идеалов, присущих Русскому миру» [Указ 2022]. Таким образом, консолидация и структурирование «единого Русского мира» объявляется одним из приоритетов государственной политики и важнейшим экономическим, политическим и интеллектуальным ресурсом России.

Своеобразной квинтэссенцией всех смыслов, которые при анализе были выявлены, начиная с 2001 года, становится совокупность референциальных отсылок, которыми

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

В.В. Путин наделяет термин в 2023 году. «Русский мир – это все поколения наших предков и наши потомки, которые будут жить после нас. Русский мир – это Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, это современная Россия, которая возвращает, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава. Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности» [Путин, 2023].

4 | Заключение

Подводя промежуточные итоги исследования, необходимо подчеркнуть, что мы становимся свидетелями реализации символической практики, устанавливающей идеологические ориентиры российской цивилизационной идентичности. Практический анализ демонстрирует, как именно происходит формирование и закрепление границ прототерминов «многополярный мир», «Русский мир», «страна-цивилизация», входящих в отечественное гуманитарное знание.

Следует отметить, что по результатам анализа аксиологической семантики рассматриваемых знаков в политическом дискурсе конструируются два вектора: «Россия → Мы» и «Россия → другие». Символико-интегрирующая функция языка, которая для целей этого исследования можно сузить до символико-интегрирующей функции знака, заключается в том, что знаки воплощают идею о необходимости консолидации субъектов по двум траекториям. Первая траектория в большей степени опирается на аксиологические ориентиры «справедливость» и «суверенитет», знание о «цивилизацию формирующих» исторических событиях и задает поведенческие и эмотивные ориентиры «сотрудничество», территориальное и духовное «единение». В то же самое время вторая траектория направлена вовне и формируется согласно модальности «нельзя допустить «кровавой междоусобицы», «смуты», «кровопролития», обусловленной архетипическим знанием о том, к чему такие события приводят.

Анализируемые знаки связаны с областью опыта, который очень важен с точки зрения ценностной основы «Русского мира». «Русский мир» и «страна-цивилизация», с одной стороны, связаны с индивидуальным опытом интерпретации, а с другой стороны, объем их значения все в большей степени определяется экспертом, который фиксирует функционирование терминов в заданных границах интерпретации.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Можно предположить, что термин «Русский мир» формируется для аудитории за территориальными границами России, и, хотя «страна-цивилизация» используется синонимически, можно предполагать, что последний знак более ориентирован на национальную аудиторию. Представляется, что знаки «Русский мир» и «страна-цивилизация» описывают цивилизационнные ценности, т.е. устойчивые, глубоко укорененные в культуре и сознании общества ценности, которые определяют смысловое и духовное единство большой культурной общности (цивилизации) и формируют её идентичность.

Когнитивным принципом в основе терминов является идея объединения не в национальное единство, но единство, в основе которого лежат опыт интерпретации исторических событий сопротивления силам, ставящим цель разрушить Россию, и духовное, ценностное единство народов. Результирующая модальность дискурса обусловливает необходимость и долженствование волевого решения признать себя частью этого духовного государственно-политического объединения.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. (1994) Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнёры. 330 с.

Богинская О. А. (2020) Теория дискурсивного взаимодействия в условиях асимметрии знания и власти: дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп: Адыгейский государственный университет. 383 с.

Будаев Э. В. (2020) Введение в политическую лингвистику: учебное пособие. СПб.: Наукоёмкие технологии. 167 с.

Будаев Э. В. (2025) Политическая лингвистика: учебное пособие. СПб.: Наукоёмкие технологии. 167 с.

Галмагова Г. М. (2024) Культурная идентичность как основной механизм формирования современного поликультурного мира: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул: Алтайский государственный университет. 173 с.

Гальченко А. С. (2021) Психологические детерминанты формирования гражданской идентичности у старшеклассников: дис. ... канд. психол. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 196 с.

Гаман-Голутвина О. В., Ильин М. В. (2020) Сравнительная политология в системе знания о политике // Политическая компаративистика. М.: Аспект Пресс. С. 17–36.

Грейдина Н. Л. (2022) Коммуникативное пространство культуры. Ессентуки: Издательский дом. 458 с.

Грейдина Н. Л. (2023) Национальный медиабренд России: концептуальный и прагматический подходы (на материале английского языка) // Новый мир. Новый язык. Новое мышление (Москва, 3 февраля 2023 г.). М.: Дипломатическая академия МИД РФ. С. 17–22.

Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. (2012) Основы семиотики. М.: Флинта. 256 с.

Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. (2022) Ещё раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 3. С. 710–729.

Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Викулова Л. Г. (2021) Теория языка: антрополингвистика: учебное пособие. М.: Издательский дом ВКН. 256 с.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Демьянков В. З. (2002) Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. № 3. С. 32–43.

Ильин М. В., Пахалюк К. А., Фомин И. В. (2019) Дискурс-анализ // Современная политическая наука: методология. М.: Аспект Пресс. С. 464–483.

Каплуненко А. М. (2007) Концепт – понятие – термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-тихоокеанский регион: диалог языков и культур: сб. науч. докл. междунар. конф. (20–31 января 2007 г.) / сост. О. М. Готлиб. Иркутск. С. 115–120.

Карасик В. И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 476 с.

Карасик В. И. (2007) Языковые ключи. Волгоград: Парадигма. 520 с.

Карасик В. И. (2013) Языковая матрица культуры. М.: Гнозис. 318 с.

Корниенко О. Ю. (2024) Национальная идентичность в политической системе государства: на примере России и Великобритании: дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 459 с.

Кривопусков В. В. (2016) «Русский мир» как ориентир цивилизационной идентификации и социальной интеграции россиян: дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. 196 с.

Лейчик В. М. (2009) Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: URSS. 255 с.

Малютина Е. А. (2022) Развитие российской культурной идентичности взрослых при обучении говорению на иностранном языке в дополнительном образовании: дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 184 с.

Никольский Л. Б. (1986) Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М.: Наука. 194 с.

Паршин П. Б. (2002) Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // *Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики*. Вып. 1. М.: Азбуковник. С. 181–208.

Путин, В.В. (2001). Выступление на открытии Конгресса соотечественников. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21359. Дата обращения: 30.06.2025.

Путин, В.В. (2004). Обращение Владимира Путина к населению в связи с трагедией в Беслане. Режим доступа: https://www.nakanune.ru/news/2004/9/6/obrashhenie_vladimira_putina_k. Дата обращения: 29.04.2025.

Путин, В.В. (2007) Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034. Дата обращения: 29.04.2025.

Путин, В.В. (2014). Послание Президента Российской Федерации от 04.12.2014 г. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443. Дата обращения: 29.04.2025.

Путин, В.В. (2015). Всемирный конгресс соотечественников. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/50639. Дата обращения: 29.04.2025.

Путин, В.В. (2018). Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59003. Дата обращения: 29.04.2025.

Путин, В.В. (2023a). Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/72444. Дата обращения: 13.07.2025.

Путин, В.В. (2023b). Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/72863. Дата обращения: 29.04.2025.

Путин, В.В. (2024). Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521. Дата обращения: 29.04.2025.

Смирнова У. В. (2008) Опыт лингвосемиотического анализа симулякра в контексте времени культуры (на материале англо-американского массмедийного дискурса): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет. 203 с.

Теплых Н. В. (2023) Концепт «Русский мир» в социальной и политической философии России: этапы, принципы формирования, перспективы: дис. ... канд. филос. наук. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. 216 с.

Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. (2022) Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280. Дата обращения: 29.04.2025.

Фуко М. (1977) Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М.: Прогресс. 488 с.

Чудинов А. П. (2003) Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 21–33.

Шейгал Е. И. (2000) Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена. 368 с.

Шелов С. Д. (2018) Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М.: ПринтПро. 472 с.

Щедровицкий П. Г. (2000) Русский мир и транснациональное русское // Антология русской философии. М.: Сенсор. С. 374–388.

Anholt S. (2007) Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. New York: Palgrave Macmillan. 109 p.

Cillia R. de, Reisigl M., Wodak R. (1999) The Discursive Construction of National Identities // Discourse & Society. Vol. 10, No. 2. P. 149–173.

Dijk T. A. van (1985) Discourse and Context. New York: Cambridge University Press. 302 p.

Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D. (eds.) (2015) The Handbook of Discourse Analysis. Chichester: Blackwell Publishers. 302 p.

Wodak R. (2009) The Discursive Construction of National Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press. 276 p.

REFERENCES

Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Slovar russkih politicheskih metaphor* [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow: Pomovskij i partnery. 330 pp. (In Russian).

Boginskaya, O.A. (2020) *Teoriya diskursivnogo vzaimodejstviya v usloviyax asimmetrii znaniya i vlasti* [Theory of Discursive Interaction in the Context of Power/Knowledge Asymmetry]. PhD thesis, Adyghe State University, Maykop. 383 pp. (In Russian).

Budaev, E.V. (2020) *Vvedenie v politicheskuyu lingvistiku: uchebnoe posobie* [Introduction to Political Linguistics: Textbook]. Saint Petersburg: Naukoyemkie tekhnologii. 167 pp. (In Russian).

Budaev, E.V. (2025) *Politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie* [Political Linguistics: Textbook]. Saint Petersburg: Naukoyemkie tekhnologii. 167 pp. (In Russian).

Galmagova, G.M. (2024) *Kulturnaya identichnost kak osnovnoj mexanizm formirovaniya sovremennogo polikulturnogo mira* [Cultural Identity: Primary Mechanism for Shaping the Contemporary Multicultural World]. PhD thesis, Altai State University, Barnaul. 173 pp. (In Russian).

Galchenko, A.S. (2021) *Psixologicheskie determinanty formirovaniya grazhdanskoj identichnosti u starsheklassnikov* [Psychological Determinants of the Formation of Civic Identity in High School Students]. PhD thesis, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg. 196 pp. (In Russian).

Gaman-Golutvina, O.V. & Ilyin, M.V. (2020) *Sravnitelnaya politologiya v sisteme znaniya o politike* [Comparative Political Science in the System of Knowledge about Politics]. *Political Comparative Studies*, Moscow: Aspekt Press, pp. 17–36. (In Russian).

Grejdina, N.L. (2022) *Kommunikativnoe prostranstvo kultury* [The Communicative Space of Culture]. Essentuki: Izdatelskij dom. 458 pp. (In Russian).

Grejdina, N.L. (2023) *Nacionalnyj mediabrend Rossii: konceptualnyj i pragmaticheskij podxody (na materiale anglijskogo yazyka)* [National Media Brand of Russia: Conceptual and Pragmatic Approaches (Based on English-Language Material)]. *New World. New Language. New Thinking*, Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 3 February 2023, pp. 17–22. (In Russian).

Grinev-Grinevich, S.V. & Sorokina, E.A. (2012) *Osnovy semiotiki* [Fundamentals of Semiotics]. Moscow: Flinta. 256 pp. (In Russian).

Grinev-Grinevich, S.V., Sorokina, E.A. & Molchanova, M.A. (2022) *Eshhe raz k voprosu ob opredelenii termina* [Once Again on the Question of Defining the Term]. *Vestnik of the Peoples Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, 13(3), pp. 710–729. (In Russian).

Grinev-Grinevich, S.V., Sorokina, E.A. & Vikulova, L.G. (2021) *Teoriya yazyka: antropolingvistika: uchebnoe posobie* [Theory of Language: Anthropolinguistics. Textbook]. Moscow: Izdatel`skij dom VKN. 256 pp. (In Russian).

Demyankov, V.Z. (2002) *Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii* [Political Discourse as the Subject of Political Philology]. *Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Studies*, 3, pp. 32–43. (In Russian).

Ilyin, M.V., Pakhalyuk, K.A. & Fomin, I.V. (2019) *Diskurs-analiz* [Discourse Analysis]. *Contemporary Political Science. Methodology*. Moscow: Aspekt Press, pp. 464–483. (In Russian).

Kaplunenko, A.M. (2007) *Koncept – Ponyatie – Termin: Evolyuciya semioticheskix sushhnostej v kontekste diskursivnoj praktiki* [Concept – Notion – Term: Evolution of Semiotic Entities in the Context of Discursive Practice]. In: *Asia-Pacific Region: Dialogue of Languages and Cultures: Collection of Scientific Papers from the International Conference (20–31 January 2007)*. Compiled by O.M. Gotlib. Irkutsk, pp. 115–120. (In Russian).

Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoj krug: lichnost, koncepty, diskurs* [The Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena. 476 pp. (In Russian).

Karasik, V.I. (2007) *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Volgograd: Paradigma. 520 pp. (In Russian).

Karasik, V.I. (2013) *Yazykovaya matricza kultury* [Language Matrix of Culture]. Moscow: Gnozis. 318 pp. (In Russian).

Kornienko, O.Yu. (2024) *Nacionalnaya identichnost v politicheskoj sisteme gosudarstva: na primere Rossii i Velikobritanii* [National Identity in the Political System of the State: The Case of Russia and the United Kingdom]. PhD thesis, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg. 459 pp. (In Russian).

Krivopuskov, V.V. (2016) *"Russkiy mir" kak orientir tsivilizatsionnoy identifikatsii i sotsialnoy integratsii rossiyan* [The "Russian World" as a Guideline for Civilizational Identification and Social Integration of Russians]. PhD thesis, Southern Federal University, Rostov-on-Don. 196 pp. (In Russian).

Lejchik, V.M. (2009) *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology Studies: Subject, Methods, Structure]. Moscow: URSS. 255 pp. (In Russian).

Malyutina, E.A. (2022) *Razvitie rossijskoj kulturnoj identichnosti vzroslyx pri obuchenii govoreniyu na inostrannom yazyke v dopolnitelnom obrazovanii* [Development of Russian Cultural Identity of Adults in Foreign Language Speaking Training in Continuing Education]. PhD

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

thesis, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod. 184 pp. (In Russian).

Nikolskij, L.B. (1986) *Yazyk v politike i ideologii stran zarubezhnogo Vostoka* [Language in the Politics and Ideology of the Countries of the Foreign East]. Moscow: Nauka. 194 pp. (In Russian).

Parshin, P.B. (2002) *Issledovatelskie praktiki, predmet i metody politicheskoy lingvistiki* [Research Practices, Subject and Methods of Political Linguistics]. *Scripta Linguisticae Applicatae. Problems of Applied Linguistics*, 1, pp. 181–208. Moscow: Azbukovnik. (In Russian).

Putin, V.V. (2001) *Vystuplenie na otkrytii Kongressa sootechestvennikov* [Speech at the Opening of the Congress of Compatriots]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21359 (Accessed: 29 April 2025). (In Russian).

Putin, V.V. (2004) *Obrashhenie Vladimira Putina k naseleniyu v svyazi s tragediej v Beslane* [Address by Vladimir Putin to the Nation Regarding the Tragedy in Beslan]. Available at: https://www.nakanune.ru/news/2004/9/6/obrashhenie_vladimira_putina_k (Accessed: 29 April 2025). (In Russian).

Putin, V.V. (2007) *Vystuplenie i diskussiya na Myunxenskoj konferencii* [Speech and Discussion at the Munich Conference]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (Accessed: 29 April 2025). (In Russian).

Putin, V.V. (2014) *Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 04.12.2014* [Presidential Address of the Russian Federation, 4 December 2014]. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443 (Accessed: 29 April 2025). (In Russian).

Putin, V.V. (2015) *Vsemirnyj kongress sootechestvennikov* [World Congress of Compatriots]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/50639 (Accessed: 29 April 2025). (In Russian).

Putin, V.V. (2018) *Vsemirnyj kongress sootechestvennikov, prozhivayushhix za rubezhom* [World Congress of Compatriots Living Abroad]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59003 (Accessed: 29 April 2025). (In Russian).

Putin, V.V. (2023a) *Zasedanie diskussionnogo kluba "Valday"* [Meeting of the Valdai Discussion Club]. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/72444 (Accessed: 13 July 2025). (In Russian).

Putin, V.V. (2023b) *Plenarnoe zasedanie Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora* [Plenary Session of the World Russian Peoples Council]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/72863 (Accessed: 29 April 2025). (In Russian).

Putin, V.V. (2024) *Zasedanie diskussionnogo kluba Valdaj* [Meeting of the Valdai Discussion Club]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521 (Accessed: 29 April 2025). (In Russian).

Smirnova, U.V. (n.d.) *Opyt lingvosemioticheskogo analiza simulyakra v kontekste vremeni kultury (na materiale anglo-amerikanskogo massmediynogo diskursa)* [The Experience of Linguosemiotic Analysis of the Simulacrum in the Context of Cultural Time (Based on Anglo-American Mass Media Discourse)]. PhD thesis, Irkutsk State Linguistic University, Irkutsk. 203 pp. (In Russian).

Teply`x, N.V. (2023) *Koncept Russkij mir v socialnoj i politicheskoj filosofii Rossii: etapy, principy formirovaniya, perspektivy* [The Concept of the Russian World in the Social and Political Philosophy of Russia: Stages, Principles of Formation, Perspectives]. PhD thesis, National Research Mordovian State University named after N.P. Ogaryov, Saransk. 216 pp. (In Russian).

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.09.2022 (2022) [Decree of the President of the Russian Federation dated 5 September 2022]. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280 (Accessed: 29 April 2025). (In Russian).

Foucault, M. (1977) *Slova i veshhi: Arxeologiya gumanitarnyx nauk* [Words and Things: The Archaeology of the Human Sciences]. Moscow: Progress. 488 pp. (In Russian).

Chudinov, A.P. (2003) *Rossiyskaya politicheskaya lingvistika: etapy stanovleniya i vedushchie napravleniya* [Russian Political Linguistics: Stages of Formation and Leading Directions]. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, pp. 21–33. (In Russian).

Shelov, S.D. (2018) *Ocherk teorii terminologii: sostav, ponyatijnaya organizaciya, prakticheskie prilozheniya* [Outline of Terminology Theory: Composition, Conceptual Organization, Practical Applications]. Moscow: PrintPro. 472 pp. (In Russian).

Shchedrovitskiy, P.G. (2000) *Russkiy mir i transnatsionalnoe russkoe* [The Russian World and the Transnational Russian]. In: *Antologiya russkoy filosofii* [Anthology of Russian Philosophy]. Moscow: Sensor, pp. 374–388. (In Russian).

Anholt, S. (2007) *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. New York: Palgrave Macmillan. 109 pp.

Cilllia, de R., Reisigl, M. & Wodak, R. (1999) The Discursive Construction of National Identities. *Discourse & Society*, 10(2), pp. 149–173.

van Dijk, T. (1985) *Discourse and Context*. New York: Cambridge University Press. 302 pp.

Tannen, D., Hamilton, H.E. & Schiffrin, D. (eds.) (2015) *Handbook of Discourse Analysis*. Chichester: Blackwell Publishers. 302 pp.

Wodak, R. (2009) *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 276 pp.

Смирнова Ульяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингводидактики, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация.
Адрес: 143085, Россия, МО, рп Заречье, ул. Каштановая, дом 8.
Эл. адрес: yanasmirnova@hotmail.com
https://orcid.org/0000-0002-7970-7441

Uliana V. Smirnova – Candidate of Philology, Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University, Russian Federation.
Address: Kahtanovaya St. 8, Zarechye, Moscow Oblast, Russia, 143085.
E-mail: yanasmirnova@hotmail.com
https://orcid.org/0000-0002-7970-7441

Для цитирования: *Смирнова У.В.* Понятия «Русский мир» и «страна-цивилизация» в российском политическом дискурсе // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 87–106. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-87-106

For citation: *Smirnova U.V.* The concepts of “Russian World” and “country-civilization” in Russian political discourse // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 87–106. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-87-106

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 18.12.2024;
approved after reviewing 11.07.2025;
accepted for publication 05.09.2025.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ В МНОГОЯЗЫЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ

LANGUAGE POLICY AND IDEOLOGY IN MULTILINGUAL SOCIETIES

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-107-134

ЯЗЫК И ИДЕОЛОГИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

УДК 81 272

Светлана В. Кириленко

Институт языкознания
Российской Академии Наук,

Российская Федерация

Аннотация
Статья посвящена исследованию роли языка и акцента в Великобритании как инструментов социальной стратификации и носителей идеологических установок. Рассматривается историческое развитие языкового ландшафта начиная с кельтских языков и периода становления английского; а также анализируется современное положение миноритарных (кельтских) языков и языков мигрантских сообществ. Особое внимание уделено акцентам как социальным маркерам: стандартный вариант (Received Pronunciation) традиционно ассоциируется с высоким социальным статусом и элитарностью, в то время как региональные и этнические акценты могут вызывать предвзятое отношение и служить индикаторами принадлежности к определенным социальным слоям. В статье отмечается, что образовательная система, а также и СМИ поддерживают иерархию престижности акцентов, что напрямую влияет на социальную мобильность. Отдельно анализируется дискурс по отношению к языкам мигрантов и роли английского языка как средства интеграции и контроля. Делается вывод о том, что язык в британском обществе функционирует не только как средство коммуникации, он напрямую связан с существующими идеологиями: языковые нормы, акценты, социальные варианты языка отражают и воспроизводят существующие иерархии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая идеология, стандартный английский язык, акценты английского языка, социолингвистика, социальная стратификация

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Светлана В. Кириленко, 2025

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-107-134

LANGUAGE AND IDEOLOGY IN GREAT BRITAIN

UDC 81 27

Svetlana V. Kirilenko

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,

Russian Federation

Abstract
The article investigates the role of language and accent in the United Kingdom as instruments of social stratification and as carriers of ideological constructs. It traces the historical development of the linguistic landscape, from the Celtic languages and the formative period of English to the contemporary situation of minority (Celtic) languages and the languages of migrant communities. Particular attention is devoted to accents as powerful social markers: the standard variety, Received Pronunciation, has traditionally been associated with high social status and elitism, whereas regional and ethnic accents may be subject to prejudice and function as indicators of class and group affiliation. The study highlights how the education system and the media reinforce the hierarchy of accent prestige, thereby shaping opportunities for social mobility. It also examines the discourse surrounding migrant languages and the role of English as both a vehicle of integration and a tool of social control. The article concludes that language in British society operates not only as a medium of communication but also as a mechanism intrinsically linked to ideology: linguistic norms, accents, and social varieties both reflect and reproduce existing hierarchies.

KEYWORDS: language ideology, standard English, English accents, sociolinguistics, social stratification

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Svetlana V. Kirilenko, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Британские острова исторически населяли различные этнокультурные группы. Первые кельтские племена появились на этой территории в период приблизительно с VIII по V века до н. э. Спустя почти тысячу лет, в V–VI веках н. э., началась миграция германских племен, сформировавших основу англосаксонских королевств. В дальнейшем, с конца VIII века, значительное воздействие на этнокультурный состав населения оказали скандинавские (в основном датские и норвежские) поселения, а с XI века началось нормандское завоевание [Crystal, 2003].

Английский язык начал формироваться около 500 года н. э., когда англы, саксы и юты прибыли в Британию, принеся с собой западногерманские диалекты [Baugh et al., 1993; Crystal, 2003; Hogg, 1992]. Эти ранние формы английского языка трансформировались в древнеанглийский (англосаксонский) язык, который какое-то время сосуществовал с кельтскими языками, а к концу англосаксонского периода (XI в.) кельтские языки почти исчезли на территории Англии, сохранившись главным образом в западных и северных регионах Британских островов [Fennell, 2001; Millar, 2016]. Исследователями отмечается, что слово “English” старше слова “England”, и оба они берут свое начало в словах “Angli” и “Anglia”, которые известны из римских текстов около 6 г. н.э. [Baugh, 1993: 5].

В ходе становления британской государственности английский язык последовательно утверждался как основное средство общения и постепенно приобрел статус символа национального единства. В современном британском обществе английский язык выполняет не только коммуникативную функцию: он стал частью государственной идеологии и воспринимается как символ культурного и социального единства. Более того, английский язык нередко рассматривается как идеологема, т.е. средство выражения и закрепления власти, культуры и социальной нормы. Как отмечает П. Керсвилл: носители рассматривают его как «правильный» и «хороший» язык в абсолютном смысле: “this is the language through which they are (almost) all educated, and which, many of them are persuaded, is both correct and, in an absolute sense, good” [Kerswill, 2003: 34].

Цель настоящей работы – проанализировать, каким образом в Великобритании язык и акцент как особенность произношения выступают маркерами социальной стратификации, отражая существующие идеологии. В центре внимания статьи как исторические и этнополитические аспекты (например, положение кельтских языков), так и современные вопросы миграции, образовательной политики и восприятия акцентов в общественном

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

дискурсе. Исследование базируется на материалах официальных источников, переписей населения, законодательных актов, а также на корпусе лингвистических и социокультурных исследований последних лет.

2 | Языковое многообразие и языковая политика в Великобритании: кельтские языки и языки мигрантов

2.1. Кельтские языки Великобритании: витальность и перспективы

Доминирование английского языка на протяжении многих столетий последовательно приводило к вытеснению кельтских языков: валлийского, ирландского и шотландского гэльского, и в наши дни они сохраняются преимущественно в западных периферических территориях страны, имея ограниченное число носителей. Лишь в последние десятилетия государство начало предпринимать шаги по официальному признанию этих языков. Так, валлийский язык получил официальный статус в 2011 году, ирландский – в 2022 году. Шотландский гэльский, однако, до настоящего времени не имеет официального статуса. Сравнительно недавно, в 2014 году, возрожденный корнуолльский язык получил статус миноритарного языка.

Наиболее высокий уровень витальности среди кельтских языков Великобритании имеет валлийский язык. Это обусловлено несколькими факторами, главным из которых является его демографическая мощность: около 27 % населения Уэльса говорит по-валлийски, что составляет примерно 850 тыс. человек [Welsh language data]. История валлийского языка сопровождалась серьезными трудностями, особенно в сфере образования, где долгое время доминировал английский. Одной из наиболее негативных практик была “Welsh Not”[17], сохранявшаяся в отдельных школах до 40-х годов XX века [Wrexham.com] и направленная на вытеснение валлийского из школьной среды. С середины прошлого века функции этого языка постепенно расширялись, чему во многом способствовала деятельность общественных организаций, таких как Cymdeithas yr Iaith Gymraeg (Общество валлийского языка), выступавших за его внедрение в формальные и официальные сферы. В 1920-х валлийский преподавался в отдельных школах [Great Britain. Board of Education], первые школы с

[17] “The Welsh Not or Welsh Note was a punishment system used in some Welsh schools in the late 19th and early 20th century to dissuade children from speaking Welsh. It was represented as a piece of wood, inscribed with the letters “WN”, that was hung around the necks of children who spoke Welsh during the school day. The “not” was given to any child overheard speaking Welsh, who would pass it to a different child if they were overheard speaking Welsh. By the end of the day, the wearer of the “not” would be given a lashing. The idea of the “not” was to discourage pupils from speaking Welsh, at a time when English was considered by some to be the only suitable medium of instruction” [Wrexham.com].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

обучением на валлийском начали появляться с 1950-х годов [Johnes, 2025]. В 1980-х годах преподавание на валлийском языке стало более массовым: “In September 1985, there were approximately 29,400 primary pupils receiving education where Welsh was the sole or main medium (about 12%), and 28,400 secondary pupils receiving instruction in five or more subjects through Welsh (almost 13%)” [Roberts, 1986]. Принятый в 1993 году закон о языке *Welsh Language Act*[18] закрепил позиции валлийского, придав ему институциональный статус. Результаты принятия закона положительны: растет количество людей, не только говорящих на валлийском, но и обучающихся на этом языке в школах: “the percentage of pupils taught in designated Welsh-medium schools has increased from 16% in 2012-2013 to 17% in 2022-2023” [Welsh Government, 2023]. Таким образом, в последние десятилетия значительно расширилась сфера использования валлийского языка.

Шотландский гэльский язык, напротив, в начале 2000-х находился в критическом состоянии: “the position of the language is extremely fragile and the declining numbers of those speaking Gaelic fluently or as a mother tongue in the language’s traditional heartlands threatens the survival of Gaelic as a living language in Scotland” [The Gaelic Language (Scotland) Act 2005]. Данные переписей фиксировали снижение количества носителей: “the decline from 65,978 speakers in 1991 to 58,652 in 2001” [MacKinnon, 2003], в 2001 году около 1,16 % населения Шотландии владели гэльским языком [Scotland’s Census 2001]. История гэльского языка связана с рядом исторических событий, таких как англификация, образовательная политика и Highland Clearances («Расчистками горных территорий») в период с XVIII по XX век. Значительное сокращение числа носителей шотландского гэльского языка произошло в период Highland Clearances (1750–1860), когда людей выселяли с традиционных земель с целью замещения сельскохозяйственных общин коммерческим овцеводством, что коренным образом изменило образ жизни и языковой ландшафт: “people were moved from land that had been inhabited by generations before them, often with brute force, changing the way of life and landscape irrevocably” [Scottish History: The Highland Clearances]. Это привело к массовой эмиграции, главным образом в Северную Америку и Австралию, и к постепенной утрате языка переселенными общинами, которые переходили на английский [MacKinnon, 2011; Withers, 1984]. Многие источники истории Шотландии, посвященные описанию событий периода Highland Clearances, сходятся в одном – в результате «расчисток» гэльский язык значительно пострадал: “the Clearances destroying Gaelic-speaking communities, lead to a low point for Gaelic

[18] Welsh Language Act 1993. Available at: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents (accessed 16 August 2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

from which the language is arguably still trying to recover" [Historic Environment Scotland]. В этот же период происходили социально-экономические изменения: традиционный клановый уклад, где сохранялась языковая среда, был утрачен [Withers, 1984; Richards, 2004; MacKinnon, 1991], это ускорило языковой сдвиг и переход к английскому [Durkacz, 1983; MacKinnon, 2019]. Одновременно укреплялось доминирование английского языка и проводились образовательные реформы. В контексте политики англификации шотландский гэльский язык стал ассоциироваться с бедностью и отсталостью, в то время как английский рассматривался как язык прогресса: "English was considered the language of progress, education and commerce, while Gaelic was associated with poverty, backwardness and the remoteness of the Highlands" [Withers, 1984, p. 215]. Образовательная политика конца XIX века усиливала этот процесс: школы почти повсеместно вели преподавание на английском, исключая гэльский из учебного процесса [Withers, 1984; MacKinnon, 1991]. После принятия *Education (Scotland) Act 1872*[19] обучение на гэльском фактически было запрещено, а в ряде случаев ученики подвергались наказаниям за использование родного языка: "After the Act the use of Gaelic was 'discouraged and punished', and one way to punish the children speaking it was by using the 'maide-crochaidh' … a 'stick on a cord', which was used to physically hurt children who spoke Gaelic" [MacKinnon, 1991: 130]. Эти процессы привели к снижению числа носителей гэльского языка в долгосрочной исторической перспективе, но в последние десятилетия вследствие мер по ревитализации языка наблюдается положительная динамика: "Scotland's 2022 Census shows that the proportion of people aged 3 and over with some Gaelic skills increased from 1.7% in 2011 to 2.5% in 2022" [Scottish Census 2011, 2022]. В настоящее время число носителей гэльского языка оценивается примерно в 1,5-2% от общего количества населения Шотландии и составляет около 130 тысяч человек [Scottish Census 2022].

Ирландский язык в Северной Ирландии после образования региона в 1921 году постепенно сужал свою функциональность вследствие преобладания английского языка в социальной и политической сфере [McKendry, 2014]. В 1970–1990-е годы, во время конфликта в Северной Ирландии, язык стал символом сопротивления[20]: "Irish as a Tool in the Northern Struggle" [Pritchard, 2014: 231-245], что не способствовало его развитию, так как власти рассматривали его как маркер политической угрозы [Mac Giolla Chríost, 2005]. Юнионистские общины ассоциировали ирландский язык с республиканской идентичностью (имеется в виду

[19] Education (Scotland) Act 1872 Available at: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/35-36/62/enacted (accessed 16 August 2025).
[20] O'Leary, J. (2014) 'Why is Irish Language divisive issue in Northern Ireland?' BBC News, 17 December. Available at: https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-30517834 (accessed 16 August 2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

с Республикой Ирландия) и нередко воспринимали его как «язык предателя»: “Irish was, in a very real sense, the language of the oppressor at the gate and the traitor within” [Project MUSE]. Эта метафора демонстрирует контекст отношения к ирландскому языку в тот период, и ту угрозу, которую ирландский язык представлял в глазах юнионистов (выступавших за сохранение союза с Великобританией): с одной стороны, как «угнетатель у ворот» – символ внешнего влияния со стороны Республики Ирландия; с другой стороны, как «предатель внутри» – в отношении тех, кто изучал или использовал ирландский язык, проявляя симпатию к националистическим идеям. В Северной Ирландии, согласно переписи 2021 г., родным языком ирландский назвали около 6 тысяч человек, при том, что общее количество населения Северной Ирландии – около двух миллионов [NISRA, 2021]. Согласно опросам, 12,4% (около 72 тысяч человек) имеют некоторые навыки владения языком: “census defines ‘some ability’ as possessing basic skills in understanding, speaking, reading, or writing Irish, even at an elementary level” [NISRA, 2011]. В 2022 году вышел указ об «Идентичности и языке в Северной Ирландии» (Identity and Language (Northern Ireland) Act)[21], в котором ирландский язык официально признан одним из официальных языков региона.

Корнуолльский язык (Kernowek) сформировался примерно к 600 году н.э. [McDowall, 2006], достигнув наибольшего расцвета в Средние века, но с XVI века стал постепенно вытесняться английским: “Cornish remained the daily language for most of the Cornish population for about a thousand years, when it was gradually replaced by English” [Ferdinand, 2013: 199]. Одним из значимых исторических событий, которые привели к снижению демографической мощности корнуолльского языка, стало восстание 1549 года “The Prayer Book Rebellion”. Он было жестоко подавлено англичанами и привело к гибели от 4 000 человек[22] до 5 500[23] человек, что составляло примерно 10–11% населения Корнуолла и ускорило процесс вытеснения корнуолльского языка английским [Ferdinand, 2013: 199–227]. К XVIII веку корнуолльский язык практически исчез; последние носители умерли примерно два столетия назад: “The last Cornish speaker who knew no English was said to be Dolly Pentreath: she died in 1777” [Dalby, 2006: 113]. Возрождение корнуолльского языка началось в XX веке и сопровождалось

[21] Identity and Language (Northern Ireland) Act 2022. Available at: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/45/contents (accessed 05.08.2025).
[22] Hawley, E. (2021) Cornish history: the Prayerbook Rebellion, Notes from the U.K. Available at: https://notesfromtheuk.com/2021/02/12/cornish-history-the-prayerbook-rebellion/ (accessed 16 August 2025).
[23] Unam Sanctam Catholicam (2022) ‘The Prayer Book Rebellion of 1549’. Available at: https://unamsanctamcatholicam.com/2022/08/11/the-prayer-book-rebellion-of-1549/ (accessed 16 August 2025).

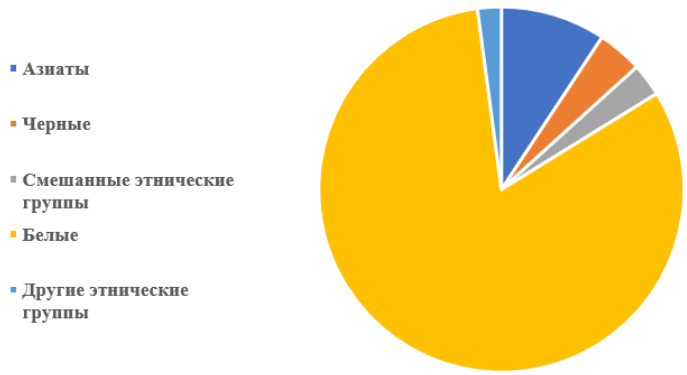
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

целенаправленной систематизацией языкового корпуса и развитием преподавания на языке, в частности, создавались словари, учебные пособия, организовывалось обучение на это языке. В 2008 году был утвержден письменный стандарт языка [Sayers et al., 2019]. В 2014 году корнуолльский язык получил статус регионального миноритарного языка согласно Европейской хартии региональных или миноритарных языков [HM Treasury & MHCLG, 2014]. В 2021 году 563 человека назвали корнуолльский своим родным языком [ONS Census 2021], число говорящих на корнуолльском языке оценивается в 2–3 тысячи человек с различным уровнем владения, при этом продолжается активная работа по популяризации языка и обучению на нём, особенно среди молодежи [Cornish Language Fellowship, 2025].

2.2 Языки мигрантов и языковая политика

На протяжении последних десятилетий иммиграция существенно трансформировала языковой ландшафт Великобритании: на сегодняшний день население отличается значительным этническим разнообразием, которое усиливается с течением времени. Согласно переписи 2001 года, около 7,9% населения принадлежало к этническим меньшинствам, среди которых преобладали азиатские и африканские группы. По данным 2005 года, доля этнических меньшинств составляла уже 8%. Согласно результатам переписи 2021 года, почти 20% населения Англии и Уэльса считают себя представителями этнических меньшинств (см. диаграмму 1). [Office for National Statistics, 2001, 2005, 2021].

Диаграмма 1. Этнический состав Англии и Уэльса, 2021

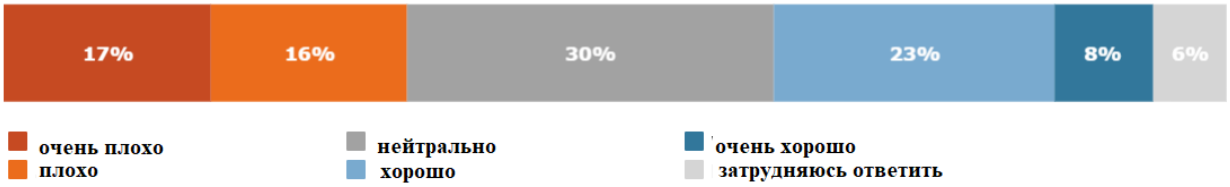


Лондон – наиболее разнообразный в языковом отношении город, в нем говорят на более чем 300 языках [We are London]. Однако официальные данные об использовании языков мигрантов не содержат точных цифр, поскольку перепись не включает вопросы, связанные с этими языками, хотя, вероятно, в будущем это положение изменится [Gibson, 1991:260-261].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Этническое многообразие приводит к необходимости уделять особое внимание языковой политике в отношении мигрантов. Английский язык в этом контексте выступает не только средством интеграции, но и инструментом интеграционного принуждения, задающим параметры «приемлемого» гражданства. Одним из ярких проявлений такого подхода является риторика «говорите по-английски» – политическое и медийное требование, направленное на укрепление единого национального языка как символа принадлежности к британскому обществу, что немаловажно, так как значительная часть общества (33%) отрицательно относится к иммиграции (см. диаграмму 2).

Таблица 2. Как Вы считаете, иммиграция – это хорошо или плохо для Британии? [Richards, et al., 2025]



В современной английской прессе встречаются заголовки: «Иммигранты должны свободно говорить по-английски, если они хотят остаться в Великобритании»[24], «Враждебность к языкам иммигрантов в Великобритании»[25] или даже «Если вам лень выучить [английский], вам не может быть позволено поселиться здесь»[26]. Подобные статьи содержат критику в адрес иммигрантских сообществ, особенно если те стараются сохранить родные языки в неформальном или полуформальном общении. В 2025 году премьер-министр Кир Стармер выступил с инициативой ужесточить требования к уровню владения английским языком среди мигрантов, а именно повысить требования к их языковой компетенции до уровня “A-level standard” (уровень C1+) [UK Government, 2025]. В настоящее время требуемый уровень владения английским – GCSE standard (или уровни B1-B). Необходимо отметить, что речь идет о тех, кто иммигрирует по рабочей визе, а не о членах их семей. Ранее государство выделяло значительные средства на программы изучения английского языка “English for

[24] The Independent, 8 May – Bancroft, H. (2025) Migrants ‘must speak fluent English’ to work in UK under Labour’s latest immigration crackdown, Available at: https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/migrants-uk-english-immigration-residency-b2747139.html (accessed 15 August 2025).
[25] Journal of Language and Politics – Musolff, A. (2025) Hostility towards immigrants’ languages in Britain: a backlash against ‘super-diversity’?. Journal of Language and Politics, University of East Anglia.
[26] The Sun (2025) A million people can’t speak English in Britain – if you can’t be bothered to learn, you shouldn’t be allowed to settle. The Sun, 10 March. Available at: The Sun (accessed 15 August 2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

speakers of other languages (ESOL)", но с 2008 года финансирование начало сокращаться, и уже в 2014 году ощущалась его острая нехватка: «в 2014 году 80% респондентов заявили, что в их учебных заведениях были "…огромные листы ожидания, насчитывающие до 1000 студентов"» [House of Commons Library]. По разным оценкам к 2017 году финансирование сократилось на 60% и его объёмы продолжают снижаться [House of Commons Library].

В мигрантской среде, тем временем, появляются новые и укрепляются имеющиеся языковые формы, одновременно символизирующие идентичность и культурную принадлежность. Рассмотрим наиболее многочисленные из них:

- британско-азиатский просторечный английский – British Asian Vernacular English (BAVE) – языковая форма, в которой элементы английского языка сочетаются с лексикой и интонационными паттернами южноазиатских языков. Для представителей этнических групп, проживающих в Великобритании, этот акцент важен, как часть их идентичности: "a reminder of who I am" [Sharma et al., 2011:13]. В СМИ, тем не менее, этот акцент вызывает стереотипические оценки: иногда этот вариант языка используется как комедийный прием в телешоу, сериалах, Тик-Токе [Ahmad, 2017; Malik, 2010; Shukla, 2018].

- мультикультурный лондонский английский – Multicultural London English (MLE) – социолект, распространенный не только в Лондоне, но и других крупных городах; появился в начале 1980-х годов [Cheshire et al., 2011: 32]. Эту языковую форму преимущественно используют молодые представители рабочего класса, проживающего в предместьях Лондона [University of York, 2019; The Guardian, 2022]. Отношение к MLE, как правило, крайне негативное; согласно опросу 2019 года, «респонденты оценили его в среднем на 2,2 балла по шкале от 1 до 5» [Kircher et al., 2019: 859]. Социальные стереотипы, связанные с MLE, изображают его как «совокупность негативных характеристик – агрессии, отсутствия образования и интеллекта, а также неспособности перейти на стандартный язык» [Martínez, 2023: 122].

- афро-карибский английский / лондонский ямайский – Afro-Caribbean English / London Jamaican – вариант, основанный на языках карибского бассейна в сочетании с элементами непрестижных вариантов английского языка. Вследствие этого он считается «нестандартным» и «неправильным» в формальных сферах общения [Sankaran et al, 2022]. Этот языковой вариант зачастую ассоциируется в СМИ с криминальностью и девиантным поведением: "The negative association of black Britons and criminality is reinforced by the limited portrayal of black British speech" [Anderson, 2021: 18].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

3 | Акцент, социальная стратификация и языковая идеология в Великобритании

Языковая идеология современной Великобритании во многом формируется вокруг концепта стандартного английского языка (Standard English) в его фонетическом воплощении – Received Pronunciation (RP) [Milroy, 2000; Milroy, et al 2012; Trudgill, 2003]. Акцент RP воспринимается не только как фонетическая особенность, но и как социальный маркер, позволяющий слушателю мгновенно оценить происхождение, уровень образования и социальный статус говорящего [Trudgill, 2003]. В иерархии британского общества RP вызывает ассоциации с элитарностью, в тоже время региональные и этноязыковые акценты чаще воспринимаются с предубеждением: говорящие на нестандартном английском или с региональными или социальными акцентами воспринимаются как малообразованные, принадлежащие к низким слоям общества, а в некоторых случаях и к криминальной среде, что вызывает резко негативные ассоциации. [Cole, 2021; Grierson, 2025; Levon et al, 2020; Levon et al, 2022].

3.1 Роль акцента в британской языковой идеологии

Современные исследования подтверждают, что акцент является одним из наиболее устойчивых индикаторов социального происхождения в Великобритании:

- акцент является основным сигналом социально-экономического статуса. Он также является главным показателем многих других аспектов социального происхождения человека.
- иерархия престижа акцента укоренялась в Соединенном Королевстве на протяжении столетий, она выработалась на основе акцента RP, доминирующего у лиц на руководящих должностях в СМИ, политике, на государственной службе, в судах и корпоративном секторе.
- отношение к различным акцентам является устоявшимся и не меняется в течение достаточно долгого времени. При этом стандартный акцент RP, французский акцент и «национальные» стандартные разновидности английского языка (шотландский, южно-ирландский) имеют высокие рейтинги, в то время как акценты, связанные с промышленными городами Англии, такими как Манчестер, Ливерпуль и Бирмингем (обычно считающиеся «акцентами рабочего класса»), и акценты этнических меньшинств (афро-карибский, индийский) имеют самые низкие рейтинги [The Sutton Trust, 2022].

Несмотря на тот факт, что акцент Received Pronunciation (RP) традиционно доминировал в институциональных сферах, сохраняя значительную символическую ценность и был в общественном сознании связан с высоким социальным статусом говорящего: “it is actually used among young elite speakers in Britain today” [Holmes-Elliott et al., 2024], лишь

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

небольшая часть английского населения исторически использовала чистый акцент RP в речи, а в настоящее время на RP говорят лишь 2% населения: “for most of the 20th century, it was the uncontested prestige accent of Britain; estimates are uncertain, but traditional RP, never spoken by more than about 5% of the population of England, has now fallen to around 2%” [Crystal, 2022].

В современных условиях RP в некоторых ситуациях может восприниматься как чрезмерно формальный или слишком элитарный – ‘too posh’, поэтому медийные личности стремятся включать в свою речь элементы более нейтральных акцентов, таких как Estuary English или General Northern English [Accent Bias Britain; Levon et al. 2021]. Так, Тони Блэр, бывший премьер-министр Великобритании, сознательно адаптировал свою речь, добавляя черты Estuary English, чтобы звучать привлекательнее для широкой аудитории. Известный политик Борис Джонсон сочетает в речи элементы RP с разговорной интонацией и экспрессией, временами намеренно включая фразеологию и нестандартные ударения. Схожее речевое поведение демонстрирует и Кир Стармер: премьер-министр вырос в среде рабочих в отделенном от Лондона юго-восточном регионе Англии, однако его современный акцент описывается как промежуточный между RP и Estuary English. Интересно, что недавно его акцент привлек внимание на международной арене: во время совместной пресс-конференции Дональд Трамп похвалил акцент К. Стармера, назвав его «прекрасным» и пошутив, что с таким акцентом он сам стал бы президентом США на 20 лет раньше: “What a beautiful accent; I would have been president 20 years ago if I had that accent.” [The Independent, 2024], что доказывает, что социальная значимость правильного произношения не ограничивается территорией Великобритании.

3.2. Социальная стратификация и иерархия акцентов

По уровню престижности акценты в Великобритании можно условно разделить на три группы: высокопрестижные акценты, нейтрально воспринимаемые акценты и акценты, воспринимаемые негативно или умеренно негативно.

Высокопрестижные акценты: RP, национальные стандартные разновидности (шотландский стандарт (Scottish Standard English) и южно-ирландский акцент английского языка (Southern Irish English), ассоциируемые с образованностью и высоким социальным статусом. Эти акценты выполняют функцию символического капитала, т.е. обладают авторитетом и пользуются доверием: владение ими повышает шансы на успех в карьере и продвижение в официальных сферах. Языковые установки жителей Великобритании по отношению к RP связаны с распространенным представлением о нем как о «нейтральном» или

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

«универсальном» варианте, несмотря на тот факт, что он является продуктом социального происхождения и условий получения образования. Вопреки декларируемой тенденции к языковой инклюзивности, RP продолжает играть роль языкового фильтра в британском обществе. Его использование обозначает принадлежность к социальному слою, обладающему высоким статусом, а отсутствие компетенции в RP может ограничивать социальную мобильность. [University of Manchester; The Sutton Trust; Accent Bias Britain; Donnelly et al, 2019; Adams, 2022].

Нейтрально воспринимаемые акценты: Estuary English, General Northern English.

Estuary English (Эстуарный английский) – образовался на основе RP и Cockney в конце XX века. В основном используется представителями среднего класса в юго-восточной Англии, преимущественно вдоль устья Темзы. Лингвисты в начале XXI века предполагали, что со временем он заменит RP: “Estuary English is going to replace RP as a standard English accent” [Wells, 1997: 45], однако этого пока не произошло. Отдельные его элементы сразу вошли в речь представителей образованной молодежи, стремящейся снискать большую популярность в общении и сократить социальную дистанцию: “upper- and middle-class young people often feel that a flavour of Estuary identifies them as being more ordinary and less privileged than they really are" [Coogle, 1993: 86]. Подобный тренд сохраняется и сейчас, однако Estuary English не способен заменить RP, и дело не только в том, что RP получает существенную институциональную поддержку. RP постоянно развивается, в него включаются новые элементы, это уже не ‘Queens English’ 1950-х годов.

General Northern English (Общий северный английский акцент) – это скорее собирательное обозначение североанглийских акцентов среднего слоя общества, прошедших через процесс диалектного выравнивания, и таким образом, выработавших единый узнаваемый профиль: “General Northern English is a pan-regional standard accent associated with middle-class speakers” [Strycharczuk et al., 2020: 1]. Говорящие с этим акцентом воспринимаются как более практичные, прагматичные люди по сравнению с теми, кто говорит на RP: “speakers of Northern English accents are often perceived as more down-to-earth compared to those who use the stereotypically posher or more formal Southern English accents, particularly Received Pronunciation” [McKenzie et al., 2021].

Нейтрально воспринимаемые акценты занимают промежуточное положение в иерархии и делают возможным определенный социальный компромисс: с одной стороны, они сигнализируют об образованности и принадлежности к среднему классу, а с другой – создают впечатление доступности в общении [Leemann et al, 2020; Ishmael, 2023].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Негативно или умеренно негативно воспринимаемые акценты: в Великобритании по разным оценкам их насчитывается от 40 до 50, которые, в свою очередь подразделяются на сотни местных вариантов [Voice Crafters, 2024]; это также этноязыковые формы, описанные в части 2.2 (Afro-Caribbean English, Multicultural London English).

Для более детального рассмотрения и в качестве иллюстрации диапазона восприятия региональных акцентов были выбраны три акцента, отличающиеся по географическому положению и социальным ассоциациям: Geordie, Scouse и West Country.

Geordie (Джорди) – акцент жителей Ньюкасла и северо-восточной Англии, обладает устойчивой локальной идентичностью и воспринимается скорее позитивно: “the Geordie accent is generally perceived in the UK as friendly and warm” [Cihat et al., 2020]. Тем не менее, подобно многим другим северным акцентам, он вызывает ассоциации с рабочим классом, людьми стойкими и суровыми, соответственно, в отношении него распространены стереотипические оценки с оттенком предубеждения: “as with many Northern accents, Geordie has historically been associated with the working class, which has contributed to its reputation for resilience and toughness; however, these perceptions often reflect a class-based bias, leading to the accent being regarded as less refined” [Fehringer et al., 2015].

Scouse (Скауз) – ливерпульский акцент, известный своим характерным интонационным рисунком вследствие влияния ирландской и уэльской речи. В связи с тем, что Scouse используют преимущественно представители рабочего класса, он подвергается критике в самом негативном ключе: “The most commonly used words to describe Liverpudlians were negative words such as ‘chav’, ‘criminal’, ‘thief’” [Attitudes Towards Accents, 2018]. При этом сами говорящие придерживаются противоположного мнения о престиже собственного акцента: “Despite the considerable stigma attached to it, many people in Liverpool have the impression that Scouse, the local accent, is getting stronger” [Juskan, 2015: 1].

West Country распространен в юго-западной Англии (Девон и Корнуолл), имеет черты староанглийского произношения. В целом восприятие этого акцента достаточно дружелюбное. Он ассоциируется с сельской жизнью, с людьми, живущими простой жизнью: “West Country speakers are perceived as simple and humble people” [Santika, 2016: 35]. В сфере СМИ люди, говорящие с этим акцентом, обычно представлены комедийно: “West Country English is frequently employed to evoke humorous stereotypes, as characters who speak with this accent are often depicted as lovable yet bumbling or naïve; a well-known example is Hagrid from the Harry Potter series, who speaks with a West Country accent” [Santika, 2016: 31].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Негативно или умеренно негативно воспринимаемые акценты занимают нижний уровень в иерархии престижности, хотя внутри сообществ эти нестандартные акценты являются средством выражения идентичности. Их носители при проведении опросов или интервью в СМИ, как правило, всячески подчеркивают, что гордятся своими языковыми особенностями, которые выражаются не только в акцентах, но и в лексико-грамматических отклонениях от стандартного языка, а в официальных ситуациях такие варианты речи могут вызывать предубеждения и негативные стереотипные оценки.

3.3. Образовательная система как механизм закрепления стандарта

В системе образования Великобритании особое внимание уделется корректной грамматике и стандартному произношению, что формирует и укрепляет установки учащихся о существовании «правильных» и «неправильных» форм языка. Особенно ярко это проявляется в отношении учеников, использующих региональные диалекты или этноязыковые формы, отличающиеся от норм стандартного английского. Использование «неправильных» форм английского языка часто интерпретируются как проявления неграмотности или недостаточной образованности [The Sutton Trust; Accent Bias Britain].

Языковая идеология «правильной речи» в Великобритании начала формироваться уже в XVI–XVII вв., когда происходила кодификация английского языка, заложившая основу Standard English [KU Libraries]; и получила систематизированное оформление в XVIII веке [Tieken-Boon van Ostade, 2006]. К XIX веку идеология «правильной речи» стала ассоциироваться с социальным статусом, поскольку Received Pronunciation утвердился как престижный акцент элиты [Encyclopaedia Britannica]. Если не рассматривать подробно исторические процессы, приведшие к образованию современного языкового стандарта, а ограничиться лишь последним столетием, то самым значимым для укрепления стандарта событием было то, что в 1920-х годах British Broadcasting Corporation (BBC) официально установила акцент RP в качестве стандарта произношения, сделав его «голосом нации», и в течении нескольких десятилетий это был единственный приемлемый акцент для использования в СМИ. Также принятый в 1944 году закон об образовании утвердил стандартный английский в сочетании с произношением RP как единственный допустимый вариант, необходимый для успешной карьеры.

Акцент и особенности произношения представляют собой одну из самых сложных составляющих в освоении английского языка в том числе и среди носителей. В отличие от грамматики или словарного запаса, их невозможно выучить по учебнику или просто заучить

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

наизусть. Овладение «правильным» акцентом, в частности, Received Pronunciation (RP) или приближенным к нему вариантом, требует не только времени, но и длительного погружения в определенную языковую среду. Наиболее естественным образом такой акцент формируется, если человек с раннего возраста воспитывается в семье, где его используют, т.е. среди элиты или высокообразованных слоев общества. Соответственно для того, чтобы научиться «правильно» разговаривать, нужно вырасти в окружении, где этот вариант произношения считается нормой и частью символической культуры.

Кроме того, в формировании «правильной» речи важнейшую роль играют образовательные учреждения – элитные школы и университеты, где не только преподавание ведется на стандартизированном английском, но и сама социальная среда поощряет соответствующее языковое поведение. Важно отметить, что в Великобритании нет бесплатного высшего образования, а достойное среднее образование можно получить только в частных школах, тоже весьма дорогостоящих и сохранивших в программе специальные уроки красноречия ‘eloquent classes’, где обучают «правильно» говорить. В таких условиях акцент становится не просто условием эффективной коммуникации, а культурной и социальной ценностью, которая влияет на карьерные и жизненные перспективы.

Безусловно, когда речь идет о социальных и региональных вариантах английского языка, их особенности не ограничиваются произношением, каждый из языковых вариантов имеет многочисленные лексико-грамматические характеристики. Вместе с тем, акцент – это то, что в англоязычной коммуникации проявляется в первые моменты общения, и в Великобритании особенности произношения – важная социолингвистическая информация. В английской культуре является невежливым молча находиться рядом с незнакомым человеком; имеется в виду, что если люди оказываются вдвоем или в небольшой группе, молчать не принято. Поэтому так распространены рассуждения о погоде, вошедшие уже в мифы об англичанах. В культурном коде Великобритании заложена характерная особенность – это ‘indirectness’, т.е. иносказание: считается неприемлемым задавать прямые вопросы, в особенности незнакомым людям. При этом в ходе англоязычного общения необходимо обладать социокультурной информацией, чтобы понимать, как правильно выстроить коммуникацию с незнакомыми людьми, и каналом передачи необходимой информации является акцент, отражающий социальную позицию собеседника: the accent performs the ‘clue-bearing’ role of the language [Trudgill, 2006: 2].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

3.4. Акцент, социальная мобильность и современный дискурс

В британском обществе «правильный» акцент играет роль индикатора социальной принадлежности, способного открывать или ограничивать доступ к ресурсам. В языковом сознании жителей Великобритании он является значимым фактором, что позволяет рассматривать его как форму социального капитала, тесно связанную с культурным и образовательным капиталом, рассуждая в терминах П. Бурдье [Bourdieu, 1991]. Высокопрестижные акценты (RP и национальные стандарты) создают основу для символического превосходства тех, кто получил элитное образование, и представляют собой своеобразный языковой фильтр, возводящий социальные барьеры, преодолеть которые затруднительно, поскольку овладение престижным акцентом требует длительного погружения в соответствующую социальную и образовательную среду. Нейтральные акценты, в свою очередь, формируют пространство для компромисса, позволяя сохранить престижную в определённых ситуациях социальную связь со средним классом и одновременно предоставляя возможность создать имидж доступности в коммуникации. Низкопрестижные акценты, хотя и служат средством локальной идентичности и гордости, являются ограничивающим фактором в официальных коммуникативных ситуациях.

Современный дискурс демонстрирует постепенные изменения: в СМИ и культурной индустрии все чаще появляются нестандартные акценты, усиливается внимание к языковому разнообразию, а исследования в области социолингвистики и общественные инициативы позволяют поднять вопрос о дискриминации по акценту [Accent bias]. Тем не менее, укоренившиеся предубеждения и институциональные механизмы стандартизации сохраняют значимость иерархии акцентов. В этом контексте языковая идеология Великобритании сохраняет роль инструмента поддержания социальной стратификации.

4 | Заключение

Анализ исторического и современного языкового ландшафта Великобритании показывает, что английский язык, наряду с региональными кельтскими языками, выполняет не только коммуникативную, но и символическую функцию. Доминирование английского во многом связано с политическими, социальными и образовательными процессами, в то время как кельтские языки, хотя и получают определенную государственную поддержку, выполняют символическую функцию языков культурного и исторического наследия.

Иммиграция существенно трансформировала языковой ландшафт Великобритании, особенно в крупных городах, таких как Лондон, где говорят на сотнях языков. Усиление

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

этнического разнообразия сопровождается активной языковой политикой, направленной на продвижение английского как средства интеграции и контроля за «приемлемым» гражданством. Одновременно в мигрантских сообществах формируются новые языковые варианты – BAVE, MLE, Afro-Caribbean English, служащие символами идентичности, хотя они нередко сталкиваются с негативными оценками со стороны общества и СМИ. Сокращение государственной поддержки программ изучения английского языка усугубляет напряженность между требованиями интеграции и сохранением культурной и языковой самобытности мигрантов.

В условиях современной языковой ситуации английский язык играет двойную роль: выступает инструментом социальной интеграции и одновременно средством языкового регулирования, при этом язык и акцент являются важными социальными маркерами. Несмотря на наблюдаемые сдвиги в сторону большей языковой инклюзивности, в частности, усиливающееся присутствие региональных акцентов в СМИ и культуре, стереотипы, связанные с произношением, по-прежнему ограничивают возможности социальной мобильности для носителей нестандартных форм речи. Языковая политика в системе британского образования, декларируя «нейтральность» и «стандартизацию», фактически закрепляет культурное превосходство носителей определенных акцентных форм.

Таким образом, язык в Великобритании напрямую связан с существующими идеологиями: языковые нормы, акценты, социальные варианты языка отражают и воспроизводят реально существующие социальные иерархии. Язык – не просто средство общения, а маркер принадлежности к определенным социальным группам. В этом смысле языковые практики Великобритании являются прямым выражением идеологических процессов, формирующих восприятие «правильного» и «неправильного» языка в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Accent Bias Britain. (n.d.). *Accents in Britain.* Available at: https://accentbiasbritain.org/accents-in-britain/ (accessed 15 August 2025).

Ahmad, K. (2017) Renegotiating British Identity Through Comedy Television. Media, Culture & Society, 39(7), pp. 1010–1025.

Adams, R. (2022). Bias against working-class and regional accents has not gone away, report finds. The Guardian. Available at: https://www.theguardian.com/inequality/2022/nov/03/bias-against-working-class-and-regional-accents-has-not-gone-away-report-finds (accessed 16 August 2025).

Anderson, P. (2021) The social status of Jamaican Patwa: Systematic invalidation of the language spoken by Jamaican immigrants in the United Kingdom. *Wiener Linguistische Gazette*, 88, pp. 11–19. Available at: https://www.academia.edu/45605338 (accessed 14 May 2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Attitudes Towards Accents: The Scouse Accent (2018). Available at: https://www.ukessays.com/essays/languages/liverpool-accent.php?vref=1 (accessed 7 October 2024).

Baugh, A.C. and Cable, T. (1993) A History of the English Language. London: Taylor & Francis.

Bourdieu, P. (1991) Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press.

Cheshire, J., Kerswill, P., Fox, S. and Torgersen, E.N. (2011) Contact, the feature pool and the speech community: The emergence of Multicultural London English. Journal of Sociolinguistics, 15, pp. 151–196.

Cihat, A. and Cahit, E. (2020) The attitudes towards Geordie regional variety of English among Turkish L2 speakers of English. I-manager's Journal on English Language Teaching, 10(2), pp. 1–12.

Cole, A. (2021) Disambiguating language attitudes held towards sociodemographic groups and geographic areas in South East England, Journal of Linguistic Geography, 9(1), pp. 13–27. doi:10.1017/jlg.2021.2.

Coggle, P. (1993) Do You Speak Estuary? The New Standard English – How to Spot It and Speak It. London: Bloomsbury.

Cornish Language Fellowship (2025) Available at: http://www.cornish-language.org/ (accessed 15 May 2025).

Crystal, D. (2022) Received Pronunciation old and new. Available at: https://www.cambridge.org/elt/blog/2022/05/25/received-pronunciation-old-new/ (accessed 7 October 2024).

Crystal, D. (2003) *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dalby, A. 2006. Dictionary of Languages. London: A & C Black.

Devine, T. M. (1994) The Scottish Nation: 1700–2000.

Donnelly, M., Baratta, A. & Gamsu, S. (2019). A sociolinguistic perspective on accent and social mobility in the UK teaching profession. Sociological Research Online, 24(4), pp.496–513. Available at: https://doi.org/10.1177/1360780418816335 (accessed 16 August 2025).

Durkacz, V. E. (1983) The Decline of the Celtic Languages: A Study of Linguistic and Cultural Conflict in Scotland, Wales and Ireland from the Reformation to the Twentieth Century. Edinburgh: John Donald.

Encyclopaedia Britannica (n.d.) *Received Pronunciation*. Available at: https://www.britannica.com/topic/Received-Pronunciation (accessed 28 August 2025).

Fehringer, C. and Corrigan, K.P. (2015) The Geordie accent has a bit of a bad reputation: Internal and external constraints on stative possession in the Tyneside English of the 21st century, English Today, 31(2), pp. 38–50. DOI: 10.1017/S0266078415000097.

Fennell, B. (2001) *A History of English: A Sociolinguistic Approach*. Oxford: Blackwell.

Ferdinand, S. (2013) A Brief History of the Cornish Language, its Revival and its Current Status, e-Keltoi: Journal of Interdisciplinary Celtic Studies, 2, pp. 199–227.

Gibson, M. (1991) Multilingualism, in Language in the British Isles, pp. 257–275.

Great Britain. Board of Education. *Welsh in Education and Life: Being the Report of the Departmental Committee Appointed by the President of the Board of Education to Inquire into the Position of the Welsh Language and to Advise as to Its Promotion in the Educational System of Wales. London: His Majesty's Stationery Office, 1927.* Available at: https://education-uk.org/documents/wales1927/index.html (accessed 10.08.2025).

Grierson, J. (2025) People with working-class accents more likely to be suspected of committing crimes. The Guardian, 17 January. Available at: https://www.theguardian.com/law/2025/jan/17/working-class-accents-crime-uk-stereotypes (accessed 15 August 2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Historic Environment Scotland. *The Highland Clearances. 2025*. Available at: https://blog.historicenvironment.scot/2025/04/the-highland-clearances/ (accessed 15 August 2025).

Hogg, R.M. (ed.) (1992) *The Cambridge History of the English Language*, Vol. 1: The Beginnings to 1066. Cambridge: Cambridge University Press.

Holmes-Elliott, S. and Levon, E. (2024) The jet set: Modern RP and the (re)creation of social distinction. Language Variation and Change36(2), pp. 149–170. DOI: 10.1017/S0954394524000097.

House of Commons Library. (n.d.) Available at: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7905/ (accessed 14 May 2025).

HM Treasury & MHCLG, 2014 – HM Treasury and Ministry of Housing, Communities & Local Government, 2014. *Cornish granted minority status within the UK*. GOV.UK, published 24 April 2014. Available at: GOV.UK (accessed 17 August 2025).

Ishmael, M.A.I. (2023) Estuary Accent of English. Journal of Language and Linguistics in Society, 3(05), pp.26–35. doi:10.55529/jlls.35.26.35.

Johnes, M. (n.d.) Wales since 1939. The Library of Unconventional Lives. Available at: https://thelul.org/library/martin-johnes-wales-since-1939 (accessed 28 August 2025).

Juskan, M. (2015) Selective accent revival in Liverpool, JournaLIPP, 4, pp. 1–12.

Kerswill, P. (2007) RP, Standard and non-standard English, in Britain, D. (ed.) Language in the British Isles. 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 34–51.

Kircher, R. and Fox, S. (2019) Attitudes towards Multicultural London English: implications for attitude theory and language planning. Journal of Multilingual and Multicultural Development, 40(10), pp. 847–864. DOI: 10.1080/01434632.2019.1577869.

KU Libraries (n.d.) *Codifying English.* University of Kansas Libraries. Available at: https://exhibits.lib.ku.edu/exhibits/show/english-language/codifying-english (accessed 28 August 2025).

Leemann, A., Kolly, M.-J. & Britain, D. (2020) General Northern English: Exploring Regional Variation in the North of England with Machine Learning. Frontiers in Artificial Intelligence, 3, p.48. doi:10.3389/frai.2020.00048.

Levon, E., Sharma, D. & Ilbury, C. (2022) Speaking Up: Accents and Social Mobility. The Sutton Trust. Available at: https://www.suttontrust.com/our-research/speaking-up-accents-social-mobility/ (accessed 15 August 2025).

Levon, E., Sharma, D., Watt, D. J. L., Cardoso, A., & Ye, Y. (2021) Accent Bias and Perceptions of Professional Competence in England. Journal of English Linguistics, 49(4), 355-388. https://doi.org/10.1177/00754242211046316

Levon, E., Sharma, D., Watt, D., Perry, C., Ye, Y., Cardoso, A., Ilbury, C., Barmes, L., Bloor, L., Cheshire, J., Wilkinson, C. (2020) Accent Bias in Britain Report. Queen Mary University of London & University of York. Available at: https://accentbiasbritain.org/wp-content/uploads/2020/03/Accent-Bias-Britain-Report-2020.pdf (accessed 15 August 2025).

Mac Giolla Chríost, D. (2005) The Irish Language in Northern Ireland: The Politics of Culture and Identity. Belfast: Ulster Historical Foundation.

Mac Giolla Chríost, D. (2005) The Irish Language in Northern Ireland: The Politics of Culture and Identity. Belfast: Ulster Historical Foundation.

MacKinnon, I. (2019). Education and the colonisation of the Gàidhlig mind … 2. Bella Caledonia. Available at: https://bellacaledonia.org.uk/2019/12/04/education-and-the-colonisation-of-the-gaidhlig-mind-2/ (accessed 15 August 2025).

MacKinnon, K. (1991) Gaelic: A Past & Future Prospect. Edinburgh: Saltire Society.

MacKinnon, K. (2003) Census 2001 Scotland: Gaelic Language – First Results. Bòrd Gàidhlig na h-Alba. Available at: https://www.poileasaidh.celtscot.ed.ac.uk/newthinking/firstresults.html (accessed: 15 August 2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Malik, S. (2010) The Empire Tickles Back: Hybrid Humour (and Its Problems) in Contemporary Asian-British Comedy. In: Gilroy, P. and Brah, A. (eds.) Postcolonial British Culture. Leiden: Brill, pp. 123–142.

Martínez, I.M.P. (2023) Multicultural London English (MLE) as perceived by the press, on social media, and speakers themselves. Research in Corpus Linguistics, 11(1), pp. 116–146. DOI: 10.32714/ricl.11.01.05.

McDowall, D. (2006) A Brief History of the Cornish Language, its Revival and its Current Status, ResearchGate. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329525331_A_Brief_History_of_the_Cornish_Language_its_Revival_and_its_Current_Status (accessed: 15 August 2025).

McKendry, E. (2014) At the Linguistic Margins in Northern Ireland: Legislation and Education. Historical Overview. in J Busquets, S Platon & A Viaut (eds), Identifier et catégoriser les langues minoritaires en Europe occidentale. Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, Pessac, pp. 391-410.

McKenzie, R.M., McNeill, A. and Huang, M. (2021) Speaking of Prejudice: The Implicit and Explicit Effects of Regional Accent Bias in the UK. Northumbria University. Available at: https://www.northumbria.ac.uk/research/research-impact-at-northumbria/cultural-impact/research-reveals-hidden-prejudice-against-northern-english-accents/ (accessed 14 May 2025).

Millar, R.M.C. (2016) *Sociolinguistic History of Early English*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Milroy, J. & Milroy, L. (2012). Authority in Language: Investigating Standard English. 1st ed. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203124666

Milroy, L. (2000). Britain and the United States: Two Nations Divided by the Same Language (and Different Language Ideologies). Journal of Linguistic Anthropology, 10(1), 56–89. https://doi.org/10.1525/jlin.2000.10.1.56

NISRA (2021) – Northern Ireland Statistics and Research Agency Census 2021 Results. Available at: https://www.nisra.gov.uk/statistics/census-2021/census-2021-results (accessed 28 May 2025).

Office for National Statistics (ONS). (2001) 2001 Census data. [online] Available at: https://www.ons.gov.uk/census/2001censusandearlier (accessed 28 May 2025).

Office for National Statistics (ONS). (2005) Census area statistics for 2005 wards in England and Wales. [online] Available at: https://www.ons.gov.uk/census/2001censusandearlier/dataandproducts/correctionstotableanddproducts/censusareastatisticsfor2005wardsinenglandandwales (accessed 28 May 2025).

ONS Census 2021 – Office for National Statistics. Cornish identity, England and Wales: Census 2021. London: ONS. Available at: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/ethnicity/articles/cornishidentityenglandandwales/census2021 (accessed 15 August 2025).

Pritchard, R. (2010) Protestants and the Irish Language: Historical Heritage and Current Attitudes in Northern Ireland, Journal of Multilingual and Multicultural Development, 31(3), pp. 231–245.

Project MUSE (n.d.) Politics of Language in a (Dis)United Ireland. Available at: https://muse.jhu.edu/article/846817 (accessed: 16 August 2025).

Richards, E. (2004). The Highland Clearances: People, Landlords and Rural Turmoil. Edinburgh: Birlinn.

Richards, L., Fernández-Reino, M. and Blinder, S. (2025) UK public opinion toward immigration: overall attitudes and level of concern, The Migration Observatory. Available at: https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/uk-public-opinion-toward-immigration-overall-attitudes-and-level-of-concern/ (accessed 28 May 2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Santika, R. (2016) An Analysis of West Country Dialect Used by Hagrid in J.K. Rowling's Harry Potter. Journal of Literature and Language Teaching, 7(1), pp. 25–35. DOI: 10.15642/NOBEL.2016.7.1.25-35.

Sayers, D., Davies-Deacon, M. and Croome, S. (2019) Cornish: The Cornish language in education in the UK. 2nd edn. Leeuwarden/Ljouwert: Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning.

Sankaran, S., & MacDonald, M. (2022). Comparing attitudes toward Caribbean, British, and American English varieties. World Englishes, 41(4), 541–561. https://doi.org/10.1111/weng.12618

Scotland's Census 2001 – *General Register Office for Scotland (2003) Scotland's Census 2001*: Key Statistics for Scotland, Part 1. Edinburgh: General Register Office for Scotland. Available at: https://www.scotlandscensus.gov.uk/ (accessed 15 August 2025).

Scottish Census 2022. Available at: https://www.scotlandscensus.gov.uk/search-the-census#/ (accessed 16 August 2025).

Scottish History: The Highland Clearances. Available at: https://www.wildernessscotland.com/blog/highland-clearances/ (accessed 28 May 2025).

Shukla, R. (2018) Down to Brown: A Footnote on British Asian and South Asian American Comedy. Journal of Popular Culture, 51(3), pp. 678–695.

Sharma, S. and Sankaran, L. (2011) 'My language, my people': Language and ethnic identity among British-born South Asians. Journal of Pragmatics, 43(5), pp. 1224–1236. Available at: https://www.researchgate.net/publication/233245252 (accessed 28 May 2025).

Strycharczuk, P., López-Ibáñez, M., Brown, G. and Leemann, A. (2020) General Northern English. Exploring regional variation in the North of England with machine learning. Frontiers in Artificial Intelligence, 3, Article 48, pp. 1–18. DOI: 10.3389/frai.2020.00048.

Tieken-Boon van Ostade, I. (2006) Towards a standard English, 1600–1800. Berlin: Mouton de Gruyter. Available at: https://bayanebartar.org/file-dl/library/Linguistic/Towards-a-Standard-English-1600-1800.pdf (accessed 28 August 2025).

The Independent (2024). Trump tells Starmer he 'loves his British accent' during meeting: 'I would've been king with that accent'. Available at: https://www.independent.co.uk/tv/news/trump-stamer-meeting-british-accent-king-b2706242.html (accessed 28 May 2025).

The Gaelic Language (Scotland) Act 2005: Scottish Government Gaelic Language Plan 2015–2020 (Draft Consultation). Available at: https://www.gov.scot/publications/scottish-government-gaelic-language-plan-2015-2020-draft-consultation/pages/4/ (accessed: 15 August 2025).

The Guardian (2022): The Guardian. (2022, June 14). Wagwan? Why are more and more Britons speaking Multicultural London English. Available at: https://www.theguardian.com/science/2022/jun/14/wagwan-why-are-more-and-more-britons-speaking-multicultural-london-english (accessed 15 August 2025).

The Sutton Trust (2022) Speaking up: Accents and social mobility. Available at: https://www.suttontrust.com/wp-content/uploads/2022/11/Accents-and-social-mobility.pdf (accessed 28 May 2025).

Trudgill, P. (2000) Sociolinguistics: an introduction to language and society. London; New York: Penguin.

Trudgill, P. (2003). The Sociolinguistics of Modern RP. In: B. Collins & I. Mees, eds. The Sociolinguistics of Pronunciation. London: Continuum, pp. 171–190.

UK Government. (2025). *Prime Minister unveils new plan to end years of uncontrolled migration.* Available at: https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-unveils-new-plan-to-end-years-of-uncontrolled-migration (accessed 15 August 2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

University of Manchester (n.d.) *A sociolinguistic approach to social mobility.* Available at: https://research.manchester.ac.uk/files/81347288/sociolinguistic_approach_to_social_mobility.pdf (accessed 16 August 2025).

University of York. (2019). *MLE, race and class*. Available at: https://www.york.ac.uk/language-linguistic-science/research/projects/mle/mle-race-class/ (accessed 15 August 2025).

Voice Crafters, 2024. *British Accents – A Comprehensive Guide.* Available at: https://www.voicecrafters.com/blog/british-accents-a-comprehensive-guide/?utm (accessed 11 August 2025).

We are London. Available at: https://www.london.gov.uk/ (accessed 28 May 2025).

Wells, J.C. (1997) What Is Estuary English? English Teaching Professional, 3, pp. 45–47.

Welsh Government (2023) Available at: https://statswales.gov.wales/Catalogue/Education-and-Skills/Schools-and-Teachers/Schools-Census/Pupil-Level-Annual-School-Census/Welsh-Language/Schools-by-LocalAuthorityRegion-WelshMediumType (accessed 28 May 2025).

Welsh language data from the Annual Population Survey: October 2023 to September 2024. Available at: https://www.gov.wales/welsh-language-data-annual-population-survey-october-2023-september-2024-html (accessed 16 August 2025).

Withers, Ch. W. J. (1984). Gaelic in Scotland, 1698–1981: The Geographical History of a Language. Edinburgh: John Donald.

Wrexham.com. (2014) *The History of the Welsh Not or Welsh Note*. May 13, 2014. Available at: https://wrexham.com/news/the-history-of-the-welsh-not-or-welsh-note-43748.html. (accessed 10.08.2025).

Wyn R., Secretary of State for Wales (1986) Written Answers, House of Commons, 30 June 1986. Available at: https://hansard.parliament.uk/Commons (accessed 15 August 2025)

REFERENCES

Accent Bias Britain. (n.d.) *Accents in Britain*. Available at: https://accentbiasbritain.org/accents-in-britain/ (Accessed: 15 August 2025).

Ahmad, K. (2017) *Renegotiating British Identity Through Comedy Television*. *Media, Culture & Society*, 39(7), pp. 1010–1025.

Adams, R. (2022) *Bias against working-class and regional accents has not gone away, report finds*. *The Guardian*. Available at: https://www.theguardian.com/inequality/2022/nov/03/bias-against-working-class-and-regional-accents-has-not-gone-away-report-finds (Accessed: 16 August 2025).

Anderson, P. (2021) *The social status of Jamaican Patwa: Systematic invalidation of the language spoken by Jamaican immigrants in the United Kingdom*. *Wiener Linguistische Gazette*, 88, pp. 11–19. Available at: https://www.academia.edu/45605338 (Accessed: 14 May 2025).

Attitudes Towards Accents: The Scouse Accent. (2018) Available at: https://www.ukessays.com/essays/languages/liverpool-accent.php?vref=1 (Accessed: 7 October 2024).

Baugh, A.C. & Cable, T. (1993) *A History of the English Language*. London: Taylor & Francis.

Bourdieu, P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press.

Cheshire, J., Kerswill, P., Fox, S. & Torgersen, E.N. (2011) *Contact, the feature pool and the speech community: The emergence of Multicultural London English*. *Journal of Sociolinguistics*, 15, pp. 151–196.

Cihat, A. & Cahit, E. (2020) *The attitudes towards Geordie regional variety of English among Turkish L2 speakers of English*. *I-manager's Journal on English Language Teaching*, 10(2), pp. 1–12.

Cole, A. (2021) *Disambiguating language attitudes held towards sociodemographic groups and geographic areas in South East England*. *Journal of Linguistic Geography*, 9(1), pp. 13–27. doi:10.1017/jlg.2021.2.

Coggle, P. (1993) *Do You Speak Estuary? The New Standard English – How to Spot It and Speak It*. London: Bloomsbury.

Cornish Language Fellowship. (2025) Available at: http://www.cornish-language.org/ (Accessed: 15 May 2025).

Crystal, D. (2022) *Received Pronunciation old and new*. Available at: https://www.cambridge.org/elt/blog/2022/05/25/received-pronunciation-old-new/ (Accessed: 7 October 2024).

Crystal, D. (2003) *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dalby, A. (2006) *Dictionary of Languages*. London: A & C Black.

Devine, T.M. (1994) *The Scottish Nation: 1700–2000*.

Donnelly, M., Baratta, A. & Gamsu, S. (2019) *A sociolinguistic perspective on accent and social mobility in the UK teaching profession*. *Sociological Research Online*, 24(4), pp. 496–513. Available at: https://doi.org/10.1177/1360780418816335 (Accessed: 16 August 2025).

Durkacz, V.E. (1983) *The Decline of the Celtic Languages: A Study of Linguistic and Cultural Conflict in Scotland, Wales and Ireland from the Reformation to the Twentieth Century*. Edinburgh: John Donald.

Encyclopaedia Britannica. (n.d.) *Received Pronunciation*. Available at: https://www.britannica.com/topic/Received-Pronunciation (Accessed: 28 August 2025).

Fehringer, C. & Corrigan, K.P. (2015) *The Geordie accent has a bit of a bad reputation: Internal and external constraints on stative possession in the Tyneside English of the 21st century*. *English Today*, 31(2), pp. 38–50. doi:10.1017/S0266078415000097.

Fennell, B. (2001) *A History of English: A Sociolinguistic Approach*. Oxford: Blackwell.

Ferdinand, S. (2013) *A Brief History of the Cornish Language, its Revival and its Current Status*. *e-Keltoi: Journal of Interdisciplinary Celtic Studies*, 2, pp. 199–227.

Gibson, M. (1991) *Multilingualism*, in *Language in the British Isles*, pp. 257–275.

Great Britain. Board of Education. (1927) *Welsh in Education and Life: Being the Report of the Departmental Committee Appointed by the President of the Board of Education to Inquire into the Position of the Welsh Language and to Advise as to Its Promotion in the Educational System of Wales*. London: His Majesty's Stationery Office. Available at: https://education-uk.org/documents/wales1927/index.html (Accessed: 10 August 2025).

Grierson, J. (2025) *People with working-class accents more likely to be suspected of committing crimes*. *The Guardian*, 17 January. Available at: https://www.theguardian.com/law/2025/jan/17/working-class-accents-crime-uk-stereotypes (Accessed: 15 August 2025).

Historic Environment Scotland. (2025) *The Highland Clearances*. Available at: https://blog.historicenvironment.scot/2025/04/the-highland-clearances/ (Accessed: 15 August 2025).

Hogg, R.M. (ed.) (1992) *The Cambridge History of the English Language, Vol. 1: The Beginnings to 1066*. Cambridge: Cambridge University Press.

Holmes-Elliott, S. & Levon, E. (2024) *The jet set: Modern RP and the (re)creation of social distinction*. *Language Variation and Change*, 36(2), pp. 149–170. doi:10.1017/S0954394524000097.

House of Commons Library. (n.d.) Available at: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7905/ (Accessed: 14 May 2025).

HM Treasury & MHCLG. (2014) *Cornish granted minority status within the UK*. GOV.UK, published 24 April 2014. Available at: https://www.gov.uk/government/news/cornish-granted-minority-status-within-the-uk (Accessed: 17 August 2025).

Ishmael, M.A.I. (2023) *Estuary Accent of English*. *Journal of Language and Linguistics in Society*, 3(05), pp. 26–35. doi:10.55529/jlls.35.26.35.

Johnes, M. (n.d.) *Wales since 1939*. *The Library of Unconventional Lives*. Available at: https://thelul.org/library/martin-johnes-wales-since-1939 (Accessed: 28 August 2025).

Juskan, M. (2015) *Selective accent revival in Liverpool*. *JournaLIPP*, 4, pp. 1–12.

Kerswill, P. (2007) *RP, Standard and Non-Standard English*, in Britain, D. (ed.) *Language in the British Isles*, 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 34–51.

Kircher, R. & Fox, S. (2019) *Attitudes towards Multicultural London English: Implications for attitude theory and language planning*. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 40(10), pp. 847–864. doi:10.1080/01434632.2019.1577869.

KU Libraries. (n.d.) *Codifying English*. University of Kansas Libraries. Available at: https://exhibits.lib.ku.edu/exhibits/show/english-language/codifying-english (Accessed: 28 August 2025).

Leemann, A., Kolly, M.-J. & Britain, D. (2020) *General Northern English: Exploring Regional Variation in the North of England with Machine Learning*. *Frontiers in Artificial Intelligence*, 3, p. 48. doi:10.3389/frai.2020.00048.

Levon, E., Sharma, D. & Ilbury, C. (2022) *Speaking Up: Accents and Social Mobility*. The Sutton Trust. Available at: https://www.suttontrust.com/our-research/speaking-up-accents-social-mobility/ (Accessed: 15 August 2025).

Levon, E., Sharma, D., Watt, D.J.L., Cardoso, A. & Ye, Y. (2021) *Accent Bias and Perceptions of Professional Competence in England*. *Journal of English Linguistics*, 49(4), pp. 355–388. doi:10.1177/00754242211046316.

Levon, E. et al. (2020) *Accent Bias in Britain Report*. Queen Mary University of London & University of York. Available at: https://accentbiasbritain.org/wp-content/uploads/2020/03/Accent-Bias-Britain-Report-2020.pdf (Accessed: 15 August 2025).

Mac Giolla Chríost, D. (2005) *The Irish Language in Northern Ireland: The Politics of Culture and Identity*. Belfast: Ulster Historical Foundation.

MacKinnon, I. (2019) *Education and the colonisation of the Gàidhlig mind … 2*. Bella Caledonia. Available at: https://bellacaledonia.org.uk/2019/12/04/education-and-the-colonisation-of-the-gaidhlig-mind-2/ (Accessed: 15 August 2025).

MacKinnon, K. (1991) *Gaelic: A Past & Future Prospect*. Edinburgh: Saltire Society.

MacKinnon, K. (2003) *Census 2001 Scotland: Gaelic Language – First Results*. Bòrd Gàidhlig na h-Alba. Available at: https://www.poileasaidh.celtscot.ed.ac.uk/newthinking/firstresults.html (Accessed: 15 August 2025).

Malik, S. (2010) *The Empire Tickles Back: Hybrid Humour (and Its Problems) in Contemporary Asian-British Comedy*. In: Gilroy, P. & Brah, A. (eds.) *Postcolonial British Culture*. Leiden: Brill, pp. 123–142.

Martínez, I.M.P. (2023) *Multicultural London English (MLE) as perceived by the press, on social media, and speakers themselves*. *Research in Corpus Linguistics*, 11(1), pp. 116–146. doi:10.32714/ricl.11.01.05.

McDowall, D. (2006) *A Brief History of the Cornish Language, its Revival and its Current Status*. ResearchGate. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329525331_A_Brief_History_of_the_Cornish_Language_its_Revival_and_its_Current_Status (Accessed: 15 August 2025).

McKendry, E. (2014) *At the Linguistic Margins in Northern Ireland: Legislation and Education. Historical Overview*. In: Busquets, J., Platon, S. & Viaut, A. (eds.) *Identifier et catégoriser les langues minoritaires en Europe occidentale*. Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, pp. 391–410.

McKenzie, R.M., McNeill, A. & Huang, M. (2021) *Speaking of Prejudice: The Implicit and Explicit Effects of Regional Accent Bias in the UK*. Northumbria University. Available at:

https://www.northumbria.ac.uk/research/research-impact-at-northumbria/cultural-impact/research-reveals-hidden-prejudice-against-northern-english-accents/ (Accessed: 14 May 2025).

Millar, R.M.C. (2016) *Sociolinguistic History of Early English*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Milroy, J. & Milroy, L. (2012) *Authority in Language: Investigating Standard English*. 1st edn. London: Routledge. doi:10.4324/9780203124666.

Milroy, L. (2000) *Britain and the United States: Two Nations Divided by the Same Language (and Different Language Ideologies)*. *Journal of Linguistic Anthropology*, 10(1), pp. 56–89. doi:10.1525/jlin.2000.10.1.56.

NISRA. (2021) *Northern Ireland Statistics and Research Agency Census 2021 Results*. Available at: https://www.nisra.gov.uk/statistics/census-2021/census-2021-results (Accessed: 28 May 2025).

Office for National Statistics (ONS). (2001) *2001 Census data*. Available at: https://www.ons.gov.uk/census/2001censusandearlier (Accessed: 28 May 2025).

Office for National Statistics (ONS). (2005) *Census area statistics for 2005 wards in England and Wales*. Available at: https://www.ons.gov.uk/census/2001censusandearlier/dataandproducts/correctionstotableandproducts/censusareastatisticsfor2005wardsinenglandandwales (Accessed: 28 May 2025).

ONS Census 2021 – Office for National Statistics. (2021) *Cornish identity, England and Wales: Census 2021*. London: ONS. Available at: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/ethnicity/articles/cornishidentityenglandandwales/census2021 (Accessed: 15 August 2025).

Pritchard, R. (2010) *Protestants and the Irish Language: Historical Heritage and Current Attitudes in Northern Ireland*. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 31(3), pp. 231–245.

Project MUSE. (n.d.) *Politics of Language in a (Dis)United Ireland*. Available at: https://muse.jhu.edu/article/846817 (Accessed: 16 August 2025).

Richards, E. (2004) *The Highland Clearances: People, Landlords and Rural Turmoil*. Edinburgh: Birlinn.

Richards, L., Fernández-Reino, M. & Blinder, S. (2025) *UK public opinion toward immigration: overall attitudes and level of concern*. The Migration Observatory. Available at: https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/uk-public-opinion-toward-immigration-overall-attitudes-and-level-of-concern/ (Accessed: 28 May 2025).

Santika, R. (2016) *An Analysis of West Country Dialect Used by Hagrid in J.K. Rowling's Harry Potter*. *Journal of Literature and Language Teaching*, 7(1), pp. 25–35. doi:10.15642/NOBEL.2016.7.1.25-35.

Sayers, D., Davies-Deacon, M. & Croome, S. (2019) *Cornish: The Cornish language in education in the UK*. 2nd edn. Leeuwarden/Ljouwert: Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning.

Sankaran, S. & MacDonald, M. (2022) *Comparing attitudes toward Caribbean, British, and American English varieties*. *World Englishes*, 41(4), pp. 541–561. doi:10.1111/weng.12618.

Scotland's Census 2001 – General Register Office for Scotland. (2003) *Scotland's Census 2001: Key Statistics for Scotland, Part 1*. Edinburgh: General Register Office for Scotland. Available at: https://www.scotlandscensus.gov.uk/ (Accessed: 15 August 2025).

Scottish Census 2022. (2022) Available at: https://www.scotlandscensus.gov.uk/search-the-census#/ (Accessed: 16 August 2025).

Scottish History: The Highland Clearances. (n.d.) Available at: https://www.wildernessscotland.com/blog/highland-clearances/ (Accessed: 28 May 2025).

Shukla, R. (2018) *Down to Brown: A Footnote on British Asian and South Asian American Comedy*. *Journal of Popular Culture*, 51(3), pp. 678–695.

Sharma, S. & Sankaran, L. (2011) *'My language, my people': Language and ethnic identity among British-born South Asians*. *Journal of Pragmatics*, 43(5), pp. 1224–1236. Available at: https://www.researchgate.net/publication/233245252 (Accessed: 28 May 2025).

Strycharczuk, P., López-Ibáñez, M., Brown, G. & Leemann, A. (2020) *General Northern English: Exploring regional variation in the North of England with machine learning*. *Frontiers in Artificial Intelligence*, 3, Article 48, pp. 1–18. doi:10.3389/frai.2020.00048.

Tieken-Boon van Ostade, I. (2006) *Towards a standard English, 1600–1800*. Berlin: Mouton de Gruyter. Available at: https://bayanebartar.org/file-dl/library/Linguistic/Towards-a-Standard-English-1600-1800.pdf (Accessed: 28 August 2025).

The Independent. (2024) *Trump tells Starmer he 'loves his British accent' during meeting: 'I would've been king with that accent'*. Available at: https://www.independent.co.uk/tv/news/trump-stamer-meeting-british-accent-king-b2706242.html (Accessed: 28 May 2025).

The Gaelic Language (Scotland) Act 2005: Scottish Government Gaelic Language Plan 2015–2020 (Draft Consultation). (n.d.) Available at: https://www.gov.scot/publications/scottish-government-gaelic-language-plan-2015-2020-draft-consultation/pages/4/ (Accessed: 15 August 2025).

The Guardian. (2022) *Wagwan? Why are more and more Britons speaking Multicultural London English*. 14 June. Available at: https://www.theguardian.com/science/2022/jun/14/wagwan-why-are-more-and-more-britons-speaking-multicultural-london-english (Accessed: 15 August 2025).

The Sutton Trust. (2022) *Speaking up: Accents and social mobility*. Available at: https://www.suttontrust.com/wp-content/uploads/2022/11/Accents-and-social-mobility.pdf (Accessed: 28 May 2025).

Trudgill, P. (2000) *Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. London; New York: Penguin.

Trudgill, P. (2003) *The Sociolinguistics of Modern RP*, in Collins, B. & Mees, I. (eds.) *The Sociolinguistics of Pronunciation*. London: Continuum, pp. 171–190.

UK Government. (2025) *Prime Minister unveils new plan to end years of uncontrolled migration*. Available at: https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-unveils-new-plan-to-end-years-of-uncontrolled-migration (Accessed: 15 August 2025).

University of Manchester. (n.d.) *A sociolinguistic approach to social mobility*. Available at: https://research.manchester.ac.uk/files/81347288/sociolinguistic_approach_to_social_mobility.pdf (Accessed: 16 August 2025).

University of York. (2019) *MLE, race and class*. Available at: https://www.york.ac.uk/language-linguistic-science/research/projects/mle/mle-race-class/ (Accessed: 15 August 2025).

Voice Crafters. (2024) *British Accents – A Comprehensive Guide*. Available at: https://www.voicecrafters.com/blog/british-accents-a-comprehensive-guide/?utm (Accessed: 11 August 2025).

We are London. (n.d.) Available at: https://www.london.gov.uk/ (Accessed: 28 May 2025).

Wells, J.C. (1997) *What Is Estuary English? English Teaching Professional*, 3, pp. 45–47.

Welsh Government. (2023) Available at: https://statswales.gov.wales/Catalogue/Education-and-Skills/Schools-and-Teachers/Schools-Census/Pupil-Level-Annual-School-Census/Welsh-Language/Schools-by-LocalAuthorityRegion-WelshMediumType (Accessed: 28 May 2025).

Welsh language data from the Annual Population Survey: October 2023 to September 2024. (n.d.) Available at: https://www.gov.wales/welsh-language-data-annual-population-survey-october-2023-september-2024-html (Accessed: 16 August 2025).

Withers, Ch.W.J. (1984) *Gaelic in Scotland, 1698–1981: The Geographical History of a Language*. Edinburgh: John Donald.

Wrexham.com. (2014) *The History of the Welsh Not or Welsh Note*. 13 May. Available at: https://wrexham.com/news/the-history-of-the-welsh-not-or-welsh-note-43748.html (Accessed: 10 August 2025).

Wyn, R., Secretary of State for Wales. (1986) *Written Answers, House of Commons, 30 June 1986*. Available at: https://hansard.parliament.uk/Commons (Accessed: 15 August 2025).

Кириленко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Российская Федерация
Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1
Эл. адрес: svetlana.kirilenko@iling-ran.ru
https://orcid.org/0000-0001-7902-6032

Svetlana V. Kirilenko – Candidate of philological sciences, associate professor, researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.
Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow, Russia, 125009.
Email address: svetlanavk@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0001-7902-6032

Для цитирования: *Кириленко С. В.* Язык и идеология в Великобритании // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 107–134. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-107-134

For citation: *Kirilenko S.V.* Language and ideology in Great Britain // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 107–134. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-107-134

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 04.12.2024;
approved after reviewing 30.04.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-135-155

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ВЕЛИКОМ ГЕРЦОГСТВЕ ЛЮКСЕМБУРГ

УДК 81'272

Валентина А. Кожемякина

Институт языкознания
Российской Академии Наук,

Российская Федерация

Аннотация
В статье рассматриваются языковая ситуация и языковое законодательство в Люксембурге. Проведен анализ лингвистических и социолингвистических работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных Люксембургу и его официальным языкам. Также представлен демолингвистический портрет страны на основе данных последних переписей населения и проведенных в последние годы исследований функционирования языков на территории страны. На основании законодательных актов был определен статус трех официальных языков Люксембурга. Особое внимание уделяется использованию этих языков в различных социально–коммуникативных сферах на современном этапе, включая деятельность законодательных и исполнительных органов власти, образовательную сферу, третичный сектор экономики, а также средства массовой информации. Анализ функционирования языков населения Люксембурга в разных сферах коммуникации позволил составить комплексное представление о текущей языковой ситуации в стране. Исследованию данной ситуации на современном этапе в статье предшествует краткий исторический экскурс, который позволяет выявить ключевые факторы, повлиявшие на развитие этноязыкового сообщества Люксембурга в течение последних столетий. Актуальность статьи обусловлена растущим интересом российской и международной общественности к изучению языковой ситуации и поиску решений проблем, связанных с использованием языков, в полиэтнических государствах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая ситуация, языковая политика, языковое законодательство, официальное многоязычие, законы о языках, Великое Герцогство Люксембург.

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Валентина А. Кожемякина, 2025

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-135-155

LANGUAGE SITUATION AND LANGUAGE LEGISLATION IN THE GRAND DUCHY OF LUXEMBOURG

UDC 81'272

Valentina A. Kozhemyakina

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,

Russian Federation

Abstract
This article investigates the linguistic landscape and language legislation of Luxembourg. It critically examines linguistic and sociolinguistic studies by both domestic and international scholars concerning Luxembourg and its official languages. A demolinguistic profile of the country is presented, drawing on recent population censuses and contemporary research on language use within Luxembourg. The legal status of Luxembourg's three official languages is analyzed based on relevant legislative acts. Particular attention is given to the use of these languages across various social and communicative domains, including legislative and executive institutions, education, the tertiary economic sector, and the media. An analysis of language practices among Luxembourg's population across different communicative spheres provides a comprehensive overview of the current linguistic situation. The article situates this contemporary analysis within a brief historical context, highlighting key factors that have shaped the development of Luxembourg's ethno-linguistic community over the past centuries. The study is particularly relevant in light of growing interest, both in Russia and internationally, in understanding language dynamics and addressing linguistic challenges in multiethnic states.

KEYWORDS: language situation, language policy, language legislation, official multilingualism, language laws, Grand Duchy of Luxembourg.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Valentina A. Kozhemyakina, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

В Великом герцогстве Люксембург наблюдается уникальная языковая ситуация, не имеющая аналогов в мире. В отличие от большинства стран, где один или два языка доминируют, Люксембург демонстрирует впечатляющее многоязычие, функционирующее во всех сферах жизни – от официальных государственных документов до частных бесед, от деловых переговоров до культурных мероприятий. Это не просто сосуществование нескольких языков, а их активное использование населением. Официальными языками страны являются люксембургский, немецкий и французский, каждый из которых играет важную роль в жизни общества. Официальные языки в Люксембурге соседствуют с языками представителей более 170 национальностей, зарегистрированных в Великом герцогстве [Statistiques, 2021], включая итальянский, португальский, английский и многие другие. Это удивительное многоязычие является неотъемлемой частью национальной самобытности страны, важным фактором, способствующим формированию уникальной культуры толерантности и взаимопонимания.

Целью данного исследования является анализ языковой ситуации и развития языкового законодательства в этом многонациональном государстве. В работе рассматриваются история формирования многоязычной среды Люксембурга, эволюция языковых процессов, которые сформировали его сложную гармоничную языковую экосистему.

Особенная языковая ситуация в Люксембурге привлекает внимание российских ученых, в работах которых рассматривается в основном история развития многоязычия в стране: [Дмитриева, 2016]; [Хорошева, 2017]; [Соколова, 2023] и другие.

Зарубежные ученые предлагают более широкий спектр исследований, затрагивающих социологические и лингвистические аспекты. Их работы послужили теоретической основой данного исследования: [Fehlen, 2015], [Martin, 2023], [Lefrançois, 2016], [Garcia, 2014], [Reisdoerfer, 2009], [Beacco, 2007] и другие.

В работе были использованы данные переписей населения, проводимых Национальным институтом статистики и экономических исследований Люксембурга (Institut national de la statistique et des études économiques du Grand-Duché de Luxembourg), официальные доклады министерств страны, а также результаты последних исследований функционирования различных языков в стране. Это позволило получить объективную картину языковой ситуации в настоящее время.

Методологическая база исследования включает библиометрический анализ, основные подходы социолингвистического изучения языковых процессов, включающие сбор и анализ

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

данных из различных источников. Такой комплексный подход позволяет создать представление о функционировании языков в Люксембурге и выявить факторы, способствующие успешному сосуществованию и развитию нескольких языков в рамках одного государства.

2 | Результаты и обсуждение

2.1. Основные вехи истории Люксембурга

Великое герцогство Люксембург представляет собой небольшое государство, занимающее площадь в 2586 км². На северо–западе оно граничит с Бельгией, на востоке – с Германией, а на юге – с Францией. Благодаря своему географическому расположению территория Люксембурга исторически стала местом пересечения влияний различных стран и культур.

В прошлом герцогство неоднократно находилось под господством таких государств, как Испания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Австрия, Пруссия, каждое из которых оставило свой след в культуре, политике и социальной структуре страны. На современном этапе Великое герцогство Люксембург сохранило лишь ограниченную часть своих исторических территорий.

В XIX столетии страна представляла собой небольшое и достаточно бедное сельскохозяйственное государство. Однако развитие сталелитейной промышленности стало ключевым экономическим фактором, который обусловил значительную потребность в рабочей силе. В результате в Люксембург начали прибывать молодые работники из Германии, Франции и Бельгии. Позже к ним присоединились мигранты из Польши, Италии и других стран. Эта волна иммиграции оказала существенное влияние на демографию и культурное многообразие Люксембурга, заложив основу современного многонационального общества.

С 1868 года Люксембург существует как конституционная наследственная монархия. Великий герцог, глава государства, обладает значительными полномочиями в исполнительной и судебной ветвях власти, он также формирует правительство. Однако законодательный контроль принадлежит Палате депутатов – парламенту, состоящему из 60 представителей, избираемых прямым всеобщим голосованием на пять лет по пропорциональной системе. Это сочетание монархических традиций и демократических принципов является одной из характерных черт люксембургской политической системы.

Важным этапом в истории Люксембурга стало его признание в качестве суверенного государства в 1867 году, его независимость была гарантирована договором, подписанным в Лондоне представителями Франции и Пруссии. Лондонский договор, помимо гарантии

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

независимости страны, накладывал ограничения, такие как обязательство о разоружении и вечном нейтралитете.

Однако нейтралитет Люксембурга был дважды нарушен Германией – в 1914 году и 1940 году, когда страна была оккупирована и присоединена к Рейху. Этот опыт оказал серьёзное влияние на мировоззрение люксембуржцев и их отношение к международной политике. После Второй мировой войны Люксембург активно интегрировался в европейскую политическую и экономическую систему. Вместе с Бельгией и Нидерландами он образовал Бенилюкс – экономическое и политическое сообщество, ставшее предшественником Европейского Союза. В настоящее время Люксембург является полноправным членом ЕС и НАТО, активно участвуя в международном сотрудничестве. Более того, Люксембург стал местом расположения штаб–квартир множества европейских и международных организаций и учреждений, что ещё больше укрепило его позицию на мировой арене. С конца 1960–х годов Люксембург превратился в один из крупнейших финансовых и банковских центров Европейского Союза. Его экономика демонстрирует впечатляющие показатели, характеризующиеся профицитом бюджета и одним из самых высоких в мире ВВП на душу населения (с учётом паритета покупательной способности). Этот экономический успех, основанный на развитии финансового сектора и инновационных технологий, стал результатом проводимой экономической политики и привлечения высококвалифицированных специалистов.

2.3. Языковая ситуация в Люксембурге

Языковая ситуация в Люксембурге остается уникальной и многогранной. На 1 января 2024 года население Великого герцогства составило 672 050 человек [Le STATEC]. Потребность в рабочей силе превышает возможности коренного населения, что делает страну зависимой от трудовой миграции. Более 45 % жителей имеют иностранное гражданство, что формирует значительный мультикультурный контекст. Среди крупнейших диаспор выделяются португальцы, французы и бельгийцы, говорящие по–французски, а также итальянцы, фламандцы, немцы и сербы. Помимо этих групп, представлены многочисленные небольшие общины из разных стран мира, включая арабские, англоязычные, испанские, датские и многие другие.

Несмотря на высокий уровень иммиграции, люксембуржцы составляют большинство населения страны – 54,2 %. Однако в столице ситуация иная: среди жителей города Люксембург доля коренных жителей составляет лишь 40 %. В столице и ее предместьях проживает около 77 000 иммигрантов, что составляет 60 % от численности населения города

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

(128 097 чел.), тогда как в остальной части страны насчитывается примерно 17 000 иммигрантов [Le STATEC]. В Люксембурге историческое наследие переплетается с современными миграционными процессами, формируя уникальную культурную среду. В итоге, небольшой по площади Люксембург представляет собой живой пример успешного сочетания экономического процветания, политической стабильности и благополучного поликультурного сосуществования. Такая языковая ситуация способствует интенсивному смешению культур и национальностей, что оказывает влияние на все аспекты общественной жизни. Особенность многоязычного населения Люксембурга заключается в отсутствии территориально разграниченных языковых общностей. Это отличает герцогство от таких стран, как Бельгия и Швейцария, где различные языковые группы сосуществуют на исторически сложившихся территориях.

Люксембург официально является трехъязычным государством: люксембургский, французский и немецкий языки имеют официальный статус. Однако это трехъязычие находится в постоянной динамике, что объясняет сложность функционирующей системы языков.

Большинство жителей Люксембурга (54 %) используют люксембургский язык как родной. Люксембургский язык представляет собой западносредненемецкий диалект, который был официально признан государственным языком страны. В отличие от других языков германской группы, люксембургский обладает сравнительно короткой письменной традицией, начавшейся лишь в 1825 году. Официальные нормы орфографии были разработаны и утверждены в 1850 году. Существовавший в качестве устного языка на протяжении большей части своей истории, с этого момента люксембургский утвердился в качестве письменного языка и является первым языком интеграции для прибывающих в страну иммигрантов.

Впервые обучение люксембургскому языку в школах было введено в 1912 году, однако основное преподавание в начальных образовательных учреждениях велось на французском и немецком языках. На тот момент люксембургский воспринимался как «смешанный» язык, объединяющий элементы своих двух основных соседей – французского и немецкого, что объясняется значительным количеством заимствований из этих языков. На сегодняшний день люксембургский язык занимает важное место в процессе формирования национальной идентичности страны. Активно развивается его письменная форма: выходят словари, издаются поэтические произведения, песни и прозаические тексты на люксембургском языке, что способствует его культурному и функциональному укреплению.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Официально люксембургский был признан национальным языком Люксембурга только в 1984 году. В настоящее время процесс получения гражданства Люксембурга требует успешного прохождения экзамена на знание люксембургского языка, что подчеркивает его важность в культурной и социальной интеграции [Men.lu].

В контексте укрепления позиций люксембургского языка властями страны проводится политика, направленная на повышение роли родного языка люксембуржцев в общественной жизни. В рамках этих усилий в 2018 году был принят закон, призванный содействовать дальнейшему развитию и популяризации люксембургского языка:

«Ст.1

Языковая политика правительства в отношении люксембургского языка направлена на:

1. укрепление важности люксембургского языка;
2. поддержку использования и изучения люксембургского языка;
3. поощрение изучения люксембургского языка и культуры;
4. продвижение культуры на люксембургском языке»[27] [Loi du 20 juillet 2018].

Несмотря на все усилия, предпринимаемые для сохранения и развития люксембургского языка, власти отмечают в последнее время, что «люксембургский язык, на котором говорят все меньше и меньше, постепенно разрушается» [Le Quotidien…].

Было проведено исследование, посвященное функционированию языков в стране в период с 2011 по 2021 гг. За это десятилетие количество говорящих на люксембургском языке сократилось с 71 % до 61 %. Исследование показало, что четверо из десяти жителей страны не используют люксембургский ни в быту, ни на работе. При этом отмечается, что люксембургский язык является основным языком общения на большой части территории страны, в основном в средних и малых коммунах. В столице и вокруг нее, а также в крупных коммунах отмечается снижение употребления национального языка [Le Quotidien…].

Что касается французского языка, он имеет в Люксембурге глубокие исторические корни, уходящие в XIV век. Ещё в Средневековье канцелярии герцогов Люксембурга постепенно переходили с латыни на французский и немецкий языки, что привело к установлению письменного двуязычия. Этот процесс начался с момента, когда Люксембург получил статус герцогства в 1354 году.

Оккупация Люксембурга Францией в 1684 году, проходившая во времена правления Людовика XIV, а также оккупация революционными французскими войсками в 1795 году, способствовали внедрению французского языка в качестве языка администрации и

[27] Перевод этой и последующих цитат выполнен автором.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

законодательства. Принятие кодекса Наполеона в 1804 году окончательно закрепило в стране статус французского как основного языка в области законодательства и юриспруденции.

С целью уменьшения влияния своих двух крупных соседей, Франции и Германии, Люксембург продолжал развивать политику двуязычия, поддерживая как французский, так и немецкий языки, отказавшись от чередования политики французизации и германизации в зависимости от политической ситуации. В Конституции 1848 года, в статье 30, было закреплено официальное двуязычие в стране [Constitution du 9 juillet 1848].

Французский язык занимает центральное место в коммуникации внутри страны, за ним по значимости следуют люксембургский, немецкий, английский и португальский языки. Как уже упоминалось, французский является языком администрации и судебной системы, а также активно используется в коммерческих, гостиничных и ресторанных услугах, особенно в столице и ее окрестностях. В прошлом французский язык, на котором говорят жители Люксембурга, испытывал значительное влияние французского языка валлонов Бельгии, в настоящее время превалируют нормы стандартного французского языка Франции.

Активное использование немецкого языка в Люксембурге началось с вступления страны в Германский Таможенный союз в 1842 году. Это сыграло важную роль в привлечении немецкого капитала и созданию предприятий на территории Люксембурга, а также обеспечило приток квалифицированных немецких рабочих. Со временем немецкий язык стал предпочитаемым в экономической и производственной сферах.

Серьезное влияние на распространение немецкого языка оказала немецкая оккупация Люксембурга в XX веке, сначала в годы Первой мировой войны (с 1914 года по 1918 год), а затем во время Второй мировой войны (с 1940 года по 1945 год), когда было запрещено употребление франкоязычной лексики. При этом запрет на использование французского языка способствовал более активному функционированию люксембургского языка среди населения, что помогло его дальнейшему развитию и сохранению.

Особенно примечательным моментом оккупации стал референдум, проведенный Германией 10 октября 1941 года. Этот референдум был замаскирован под перепись населения, причем вопросы были сформулированы таким образом, чтобы подтолкнуть люксембуржцев к признанию своей этнической принадлежности к немецкому народу и к согласию на добровольное присоединение к Третьему Рейху. Несмотря на то, что люксембургский язык является диалектом германской группы языков, граждане Люксембурга решительно отказались признавать себя немцами. На референдуме, состоявшемся 10 октября 1941 года,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

абсолютно все люксембуржцы ответили, что они люксембуржцы и по национальности, и по этнической принадлежности, и их родной язык - люксембургский [Lefrançois, 2016].

В настоящее время немецкий язык по-прежнему применяется в ряде профессиональных областей: здравоохранении, социальной сфере, в средствах массовой информации, промышленности и торговле [Langues au Luxembourg…].

В последние несколько десятилетий наблюдается повышение значимости английского языка, что напрямую связано с присутствием многочисленных международных организаций на территории страны, для которых данный язык служит основным инструментом коммуникации. Кроме того, английский получил широкое распространение в таких областях, как банковская деятельность, международная торговля, промышленность и страхование. Это обусловлено тем, что английский язык способен обеспечить эффективный обмен мнениями между представителями разных национальностей на профессиональных встречах и укрепить их сотрудничество.

По данным переписи населения, проведенной в 2023 году, были выделены языковые общности страны [Le STATEC]:

Таблица 1. Количество родных языков жителей Люксембурга по переписи населения в 2023 году.

Родной язык	Количество говорящих	Количество говорящих в %
Люксембургский	344 000	54, 2 %
Португальский	102 000	16 %
Французский	41 000	6, 4 %
Итальянский	21 000	3, 3 %
Фламандский	20 000	3, 1 %
Сербский	16 000	2, 5 %
Немецкий	14 000	2, 2 %
Арабский	7 600	1, 1 %
Английский	7 900	1, 0 %
Испанский	5 400	0, 8 %
Креольский	4 000	0, 6 %
Датский	2 700	0, 4 %
Голландский	1 900	0, 2 %
Шведский	1 700	0, 2 %

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Хинди	1 300	0, 2 %
Турецкий	900	0, 1 %
Греческий	600	0, 0 %
Другие языковые общности	43 000	7,7 %
Итого	635 000	100 %

В Великом Герцогстве Люксембург проживает значительное количество иностранных граждан. Крупнейшую группу среди них составляют португальцы – их численность достигает 102 000 человек. Многие из них сохраняют родной язык, однако вынуждены изучать в школе люксембургский, немецкий, французский и английский языки. Вторую позицию по численности занимают французы (41 000 человек), затем идут итальянцы (21 000 человек), бельгийцы (20 000 человек), сербы (16 000 человек) и немцы (14 000 человек). Кроме того, среди населения Люксеммбурга также можно встретить голландцев, русских, испанцев, поляков, датчан, китайцев, ирландцев, канадцев, австралийцев и представителей других национальностей. С увеличением числа жителей, прибывающих из различных уголков мира, растёт и количество языков, используемых в Люксембурге.

Люксембург выделяется своим языковым многообразием во всех сферах общения: в повседневной жизни, на политическом уровне, в рабочей среде, в образовательных учреждениях и в средствах массовой информации.

В 2021 году в Люксембурге было проведено исследование, направленное на выяснение того, каким языком население владеет лучше всего, и результаты этого опроса были сопоставлены с данными аналогичного исследования 2011 года [Statistiques 2021]:

Таблица 2. Население страны по владению основным языком [28] в 2011 и в 2021 годах.

Основной язык	Кол-во людей в 2011 году	Кол-во людей, владеющих языком в %	Кол-во людей в 2021 году	Кол-во людей, владеющих языком в %
Люксембургский	265 731	55,8 %	275 361	48,9 %
Португальский	74 636	15,7 %	86 598	15,4 %
Французский	57 633	12,1 %	83 802	14,9 %
Английский	10 018	2,1 %	20 316	3,6 %
Итальянский	13 896	2, 9 %	20 021	3,6 %

[28] В данном случае «основной язык» – это язык, которым человек владеет лучше всего.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Немецкий	14 658	3,1 %	16 412	2,9 %
Другие языки	40 042	8,4 %	60 582	10,8 %
ИТОГО	476 614	100 %	563 092	100 %

2.4. Функционирование языков в разных коммуникативных сферах

В Люксембурге, как уже упоминалось, три языка – французский, немецкий и люксембургский – имеют официальный статус. Законодательно многоязычие закреплено законом от 24 февраля 1984 года, регулирующим использование языков в стране. Люксембургский язык объявлен национальным, что отражено в статье 1 данного закона:

«Статья 1. Национальный язык

Национальный язык люксембуржцев – люксембургский».

При этом законом предусматривается и использование других языков в различных сферах. Так, законодательные акты и соответствующие нормативные документы составляются на французском языке:

«Статья 2. Язык законодательства

Законодательные акты и правила их применения составляются на французском языке. Когда законодательные и нормативные акты сопровождаются переводом, аутентичным является только текст на французском языке» [Loi du 24 février 1984].

Административные и судебные дела допускают использование всех трёх языков – люксембургского, немецкого и французского:

«Статья 3. Административные и судебные языки

Для административных, спорных или бесспорных производств, а также для судебных дел допускается использование французского, немецкого или люксембургского языка, если иное не предусмотрено специальными нормативными положениями» [Loi du 24 février 1984].

Практика отправления правосудия показывает, что чаще всего устное производство осуществляется на люксембургском языке. Тем не менее протоколы и решения, как правило, составляются на французском, что обусловлено его функцией языка законодательства. Важно отметить, что любой гражданин, выступающий перед судом, вправе выражаться на любом языке по своему усмотрению. Если же человек не владеет ни одним из трёх языков страны, ему предоставляется переводчик.

В парламенте использование языков не регламентируется. Тем не менее, в последнее время дебаты и отчеты открытых заседаний Палаты депутатов в большинстве случаев

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

проводятся на люксембургском языке. Все заседания органов исполнительной власти, то есть совета министров, проводятся исключительно на люксембургском языке, а протоколы этих заседаний переводятся и оформляются на французском [A PROPOS…, 2022: 7].

Основным правовым актом, регулирующим языковую политику в Люксембурге, является Закон о языках от 24 февраля 1984 года. Этот закон дополняется рядом нормативных актов, регламентирующих использование языков в различных сферах, таких как управление, порядок проверки знаний трех языков для административных служащих, образовательная система, маркировка продукции и многое другое.

Принятие Закона о языках от 24 февраля 1984 года, закрепившего статус люксембургского языка как государственного, стало важным этапом в развитии его политического и языкового статуса. Этот законодательный акт официально институционализировал и формализовал использование родного языка люксембуржцев, повысив статус люксембургского до статуса национального языка.

В конституции 2023 года люксембургский язык также официально закреплен как национальный язык страны:

«Статья 4

Язык Великого герцогства Люксембург – люксембургский. Закон регулирует использование люксембургского, французского и немецкого языков» [Constitution 2023].

В деловой сфере Люксембурга царит многоязычие: в зависимости от организации, направления деятельности, роли администрации или типа сервиса допукается использование разных языков. Люксембургский, французский, немецкий и английский – наиболее распространенные языки общения с коллегами в офисе или на совещаниях. Нередко на рабочем месте используется более одного языка [A PROPOS …, 2022: 7–8].

Кроме этих языков, в стране широко распространены итальянский, португальский, а также скандинавские и славянские языки, которые активно используются приезжими иммигрантами. Помимо этого, следует учитывать около 175 000 трансграничных работников из Франции, Бельгии и Германии, которые ежедневно приезжают в Люксембург на работу. Также примерно 10 000 служащих трудятся в международных европейских учреждениях, расположенных на территории страны [Le STATEC].

Система образования Люксембурга является многоязычной: в традиционное базовое обучение включены немецкий, французский и люксембургский языки. Образовательная структура страны предусматривает освоение трёх официальных языков. Регламентация языков

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

обучения и преподаваемых языков установлена статьями Закона от 6 февраля 2009 года об обязательном образовании:

«Статья 6

Языки обучения в школе – люксембургский, немецкий и французский. Использование этих языков определяется постановлением. Преподавание других языков, а также обучение на языке, отличном от люксембургского, немецкого или французского, регулируется законами, определяющими различные уровни образования» [Loi du 6 février 2009].

Дошкольный этап образования составляет важную часть школьной системы Люксембурга и включает группы раннего обучения и классы дошкольного обучения. Раннее обучение, которое является необязательным, предназначено для детей в возрасте от одного до четырёх лет. В ходе занятий дети знакомятся с люксембургским и французским языками через игровые методики, адаптированные к их возрасту. Обязательное дошкольное обучение охватывает возрастную группу четырёх–пяти лет и предоставляется бесплатно.

Знакомство с люксембургским языком начинается уже в группах раннего образования (по желанию родителей), а начиная с четырёхлетнего возраста становится обязательным в дошкольных классах. Владение люксембургским языком рассматривается как необходимый навык для дальнейшего обучения в начальной школе. Начальная школа предполагает шестилетнее обучение для детей в возрасте от шести до двенадцати лет. В начальной школе люксембургский язык используется как вспомогательное средство для освоения грамотности в течение первых трех семестров образовательной программы.

Основным языком обучения в государственных школах является немецкий, при этом французский язык вводится уже на втором году обучения. При этом на протяжении всего периода обучения в начальной школе и до третьего года обучения в лицее ученики посещают занятия по люксембургскому языку не менее двух раз в неделю.

После завершения начального образования школьники переходят в лицеи, где обучение продолжается семь лет. В младших классах лицеев преподавание осуществляется преимущественно на немецком языке, за исключением математики – эта дисциплина преподается на французском языке. Английский язык включается в учебную программу с третьего года обучения. С четвёртого года школьники начинают изучать все предметы преимущественно на французском языке, за исключением уроков немецкого и английского, где используется соответствующий изучаемый язык. С пятого года обучения учащимся предоставляется возможность дополнительно выбрать изучение одного из современных языков: итальянского, испанского или португальского. Таким образом, к моменту завершения

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

обучения в лицее молодое поколение люксембуржцев владеет люксембургским, немецким, французским и английским языками, а также нередко обладает навыками общения на одном из других иностранных языков [Langues dans le système éducatif; Berg, 1996; Reisdoerfer, 2009; Fehlen, 2015; A PROPOS…, 2022].

В Люксембурге функционирует университет, основанный в 2003 году, в котором многоязычность является фундаментальным принципом образовательного процесса. После двух лет обучения студенты получают возможность продолжить образование в университетах соседних стран, выбирая преподавание на французском, немецком или английском языках.

Что касается печатных средств массовой информации, стоит отметить высокий уровень их разнообразия, несмотря на небольшую численность населения страны. На территории Люксембурга издается более 120 газет, включая четыре национальных ежедневных издания, предоставляющих информацию о международных событиях, национальной политике и местных новостях [Médias; Les médias au Luxembourg].

Бесплатные газеты начали выпускаться с 2007 года, что значительно расширило медийный ландшафт страны. Для поддержки профессиональной журналистики и разнообразия медиа, национальная пресса получает государственные субсидии – практика, начавшаяся в 1976 году и закрепленная законом от 30 июля 2021 года [Loi du 30 juillet 2021…]. Кроме того, с 2017 года введены меры специальной помощи онлайн–изданиям, что свидетельствует о стремлении государства адаптировать медийный сектор к современным цифровым реалиям.

Пресса Люксембурга реагирует как на потребности коренного населения, так и на запросы проживающих в стране иностранцев, публикуя материалы на французском, немецком, люксембургском, португальском и английском языках. Отличительной чертой является наличие многоязычных публикаций: на одной странице могут быть представлены статьи на нескольких языках, хотя ведущая роль в печатных изданиях по-прежнему сохраняется за немецким языком [Presse]. Таким образом, медиаландшафт страны представляет собой уникальную модель, соответствующую ее особым социальным и культурным условиям.

Теле- и радиовещание осуществляются преимущественно на люксембургском языке, хотя существуют программы на французском, английском, португальском, итальянском и других языках. Отдельные радиостанции ориентированы на иммигрантские сообщества, вещая на их родных языках, тогда как некоторые FM-станции и интернет-радио используют французский язык [Annuaire de la radio].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Законодательного регулирования использования языков в афишах, вывесках и маркировке товаров в Люксембурге не существует, однако сложившаяся практика в значительной степени соответствует положениям закона от 24 февраля 1984 года о языковом режиме. Все официальные надписи Великого герцогства выполняются исключительно на французском языке. Это касается, в частности, обозначений правительственных учреждений, международных организаций, железнодорожных вокзалов, автостоянок и аэропорта страны. Название государства чаще всего пишется на французском языке – Luxembourg, а не на люксембургском - Lëtzebuerg или немецком - Luxemburg. Муниципальные объявления преимущественно публикуются на французском, хотя отдельные уведомления могут дублироваться на люксембургском и/или немецком.

Языковое регулирование распространяется также на маркировку некоторых категорий товаров. Так, предупреждения о вреде для здоровья на табачных изделиях должны быть составлены как на французском, так и на немецком языках в соответствии с постановлением Великого герцогства от 16 сентября 2003 года [Règlement grand-ducal du 16 septembre 2003].

Представители правоохранительных органов и служб экстренной помощи в стране (включая полицию и пожарную службу) обязаны свободно владеть по меньшей мере французским, люксембургским и немецким языками [Quelles langues parle–t–on au Luxembourg].

Люксембург характеризуется преобладанием французского языка как лингва франка в повседневной коммуникации, за которым следуют люксембургский, немецкий, английский и португальский. В частной сфере лидирует люксембургский язык (57% населения использует его дома), затем французский (22%), португальский (22%), немецкий (5%) и английский (5%) [Statista].

3 | Заключение

Языковая ситуация в Люксембурге демонстрирует функциональное распределение трех официальных языков по различным сферам коммуникации.

Люксембургский язык, являющийся одним из диалектов германской языковой группы, подвергшейся влиянию немецкого и французского языков, выступает в роли национального языка и важного символа государственной идентичности. При этом он используется преимущественно как средство устного общения.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Французский язык выступает официальным языком государства: он доминирует в письменной публичной сфере (государственное управление, законодательство, сфера услуг), а также является языком обучения в средней школе.

Немецкий язык играет ключевую роль в образовательной сфере, в частности, в начальной школе и на уровне среднего образования. Кроме того, он доминирует в печатных СМИ. Немецкий язык функционирует в некоторых областях социальной и производственной сфер, а также конкурирует с люксембургским языком в области личного письменного общения.

Согласно последним исследованиям, языковая динамика постепенно склоняется в пользу французского языка, что связано преимущественно с интенсивной иммиграцией из стран романской языковой группы (Португалии, Италии, Испании, Франции и франкоязычной части Бельгии). Мигранты из этих стран предпочитают интегрироваться, используя французский, а не немецкий или люксембургский языки. При этом люксембургский язык сохраняет своё значение главным образом среди коренного населения.

В отличие от Бельгии, подверженной языковым конфликтам, Люксембург демонстрирует модель мирного сосуществования людей, говорящих на разных языках. Люксембургский язык, носителями которого являются примерно 300 000 человек в пределах очень маленькой страны, обладает уровнем лингвистической безопасности, почти сопоставимым с немецким языком в соседней Германии. Люксембург является примером страны с защищенными, хотя и проницаемыми языковыми границами. Безусловно, языковая ситуация этой страны остаётся уникальной.

Согласно Национальному докладу, представленному в начале этого века, сущность языковой ситуации Люксембурга может быть выражена формулой: «многоязычие, возможно, является подлинным родным языком люксембуржцев» [Rapport national. Luxembourg, 2005: 34].

Однако реализуемая модель языкового плюрализма имеет ограничения, поскольку существующая политика недостаточно способствует социальной интеграции новых иммигрантов. Люксембургским властям, видимо, предстоит разработать политику, которая позволила бы активнее адаптировать иммигрантов. Хотя исторически Великое герцогство считалось территорией гармоничного языкового взаимодействия, текущая ситуация далека от идеальной, особенно для детей недавно прибывших мигрантов. В стране отмечается рост числа частных и международных школ, охватывающих уже свыше 12 % учащихся. В данных учреждениях обучение ведется на французском или английском языке, что выводит эти школы

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

за рамки национальной образовательной системы. Часть детей иммигрантов также получает образование в сопредельных государствах.

Система школьного образования Люксембурга сталкивается с серьезными вызовами, обусловленными социальным, интеллектуальным и языковым разнообразием современного контингента учащихся, а модернизация образовательной модели способна повлечь существенные изменения в самой языковой системе Великого герцогства, потенциально провоцируя новые социальные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Дмитриева Е.Г. (2016) На романско-германском пограничье: эволюция и современное состояние французского языка в Люксембурге // Russian Journal of Linguistics. № 1, т. 20. С. 77–88.

Соколова Г.А. (2023) Языковая ситуация многоязычия в Люксембурге // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. № 3 (871). С. 110–114. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_3_871_110.

Хорошева А.О. (2017) Великие державы и создание Великого Герцогства Люксембург в XIX в. // Россия и современный мир. № 4. С. 86–101. DOI: 10.31249/rsm/2017.04.07.

Annuaire de la radio. Luxembourg. Available at: https://www.annuairedelaradio.fr/europe/luxembourg/ Accessed: 05.12.2024.

Beacco J.-Cl. (2007) L'éducation plurilingue: des valeurs à l'enseignement // Dialogues et cultures, FIPF. № 52. Pp. 36–43.

Berg Ch., Thoss R. (1996) Une situation de multilinguisme. Le cas du Luxembourg // Revue internationale d'éducation de Sèvres. № 9. Pp. 79–90. DOI: 10.4000/ries.3392. Available at: https://journals.openedition.org/ries/3392 Accessed: 10.12.2024.

Constitution du 9 juillet 1848. Luxembourg. Available at: https://mjp.univ-perp.fr/constit/lu1848.htm Accessed: 05.12.2024.

Constitution 2023 – Constitution du Grand-Duché de Luxembourg. Version consolidée appliquable. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/constitution/1868/10/17/n1/consolide/20230701 Accessed: 06.12.2024.

Fehlen F. (2015) L'imposition du français comme langue seconde du Luxembourg. La loi scolaire de 1843 et ses suites // Synergies Pays germanophones. № 8. P. 23–35.

Garcia N. (2014) Monolinguisme politique dans une société plurilingue ? Le cas du Luxembourg // Revue internationale de politique comparée. № 4, v. 21. Pp. 17–36. DOI: 10.3917/ripc.214.0017.

Langues au Luxembourg: quelle est la situation linguistique ? (2022) Available at: https://www.dvtranslation.com/blog/langues-au-luxembourg-quelle-est-la-situation-linguistique/ Accessed: 12.12.2024.

Langues dans le système éducatif. Ministère de l'Éducation nationale, de l'Enfance et de la Jeunesse. Available at: https://men.public.lu/fr/systeme-educatif/langues-ecole-luxembourgeoise.html Accessed: 20.12.2024.

Lefrançois N. (2016) Le luxembourgeois, enfant naturel de la Seconde Guerre mondiale // Lengas. № 80. DOI: https://doi.org/10.4000/lengas.1171. Available at: http://journals.openedition.org/lengas/1171 Accessed: 21.12.2024.

Loi du 24 février 1984 sur le régime des langues (1984) // Mémorial. Journal Officiel du Grand-Duché de Luxembourg. Recueil de législation. № 16. P. 196–197. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1984/02/24/n1/jo Accessed: 04.12.2024.

Loi du 6 février 2009 relative à l'obligation scolaire. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2009/02/06/n2/jo Accessed: 25.12.2024.

Loi du 20 juillet 2018 relative à la promotion de la langue luxembourgeoise. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2018/07/20/a646/jo Accessed: 20.12.2024.

Loi du 30 juillet 2021 relative à un régime d'aides en faveur du journalisme professionnel. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2021/07/30/a601/jo Accessed: 12.12.2024.

Martin S. (2023) L'usage du français progresse au Luxembourg // Virgule. Luxembourg. Available at: https://www.virgule.lu/luxembourg/l-usage-du-francais-progresse-au-luxembourg/5121893.html Accessed: 22.04.2024.

Les médias au Luxembourg. Available at: https://www.tout-luxembourg.com/media Accessed: 18.12.2024.

Médias. Le gouvernement luxembourgeois. Available at: https://smc.gouvernement.lu/fr/medias-new.html Accessed: 18.12.2024.

Men.lu – Site du ministère de l'Éducation nationale, de l'Enfance et de la Jeunesse. Available at: https://men.public.lu/fr/systeme-educatif/formation-adultes/integration-nationalite/cours-examen.html Accessed: 11.12.2024.

Presse. Le gouvernement luxembourgeois. Available at: https://smc.gouvernement.lu/fr/medias-new/presse1.html Accessed: 22.12.2024.

A PROPOS des langues au Luxembourg (2022) // Luxembourg: Service information et presse du gouvernement luxembourgeois, Département édition. ISBN 978-2-87999-293-8. 16 p.

Quelles langues parle-t-on au Luxembourg ? // Luxembourg: Le gouvernement du Grand-Duché de Luxembourg. Available at: https://luxembourg.public.lu/fr/societe-et-culture/langues/langues-au-luxembourg.html Accessed: 26.12.2024.

Le Quotidien (2023) En dix ans, la lente chute de la langue luxembourgeoise. Available at: https://lequotidien.lu/a-la-une/en-dix-ans-la-lente-chute-de-la-langue-luxembourgeoise/ Accessed: 17.12.2024.

Rapport national. Luxembourg (2005) // Luxembourg: Ministère de l'Éducation nationale et de la Formation professionnelle. 120 p.

Règlement grand-ducal du 16 septembre 2003 portant exécution de la loi modifiée du 24 mars 1989 portant restriction de la publicité en faveur du tabac et de ses produits... Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/rgd/2003/09/16/n1/jo Accessed: 24.12.2024.

Reisdoerfer J. (2009) Analyse critique de la nouvelle politique linguistique éducative du Grand-Duché de Luxembourg // Synergies Algérie. № 6. Pp. 137–146.

Le STATEC – Institut national de la statistique et des études économiques du Grand-Duché de Luxembourg. Available at: https://statistiques.public.lu/fr/actualites/2024/stn16-population-2024.html Accessed: 19.12.2024.

Statista. Langues les plus parlées par la population luxembourgeoise à la maison, au travail et lors d'activités sociales au Luxembourg. Available at: https://fr.statista.com/statistiques/1347342/langues-parlees-population-luxembourg/ Accessed: 22.12.2024.

Statistiques (2021) Une large palette de nationalités. Available at: https://statistiques.public.lu/fr/recensement/nationalites.html Accessed: 10.12.2024

.

REFERENCES

Dmitrieva E.G. (2016) Na romansko-germanskom pogranich'e: evolyuciya i sovremennoe sostoyanie francuzskogo yazyka v Lyuksemburge [On the Romance-German border: the evolution and

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

current state of the French language in Luxembourg]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 20, no. 1, pp. 77–88. (In Russian).

Sokolova G.A. (2023) YAzykovaya situaciya mnogoyazychiya v Lyuksemburge [The linguistic situation of multilingualism in Luxembourg]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, no. 3 (871), pp. 110–114. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_3_871_110. (In Russian).

Horosheva A.O. (2017) Velikie derzhavy i sozdanie Velikogo Gercogstva Lyuksemburg v XIX v. [The Great Powers and the creation of the Grand Duchy of Luxembourg in the 19th century]. *Rossiya i sovremennyj mir*, no. 4, pp. 86–101. DOI: 10.31249/rsm/2017.04.07. (In Russian).

Annuaire de la radio. Luxembourg [Radio directory. Luxembourg]. Available at: https://www.annuairedelaradio.fr/europe/luxembourg/. Accessed: 05.12.2024. (In French).

Beacco J.-Cl. (2007) L'éducation plurilingue: des valeurs à l'enseignement [Plurilingual education: from values to teaching]. *Dialogues et cultures*, FIPF, no. 52, pp. 36–43. (In French).

Berg Ch., Thoss R. (1996) Une situation de multilinguisme. Le cas du Luxembourg [A situation of multilingualism. The case of Luxembourg]. *Revue internationale d'éducation de Sèvres*, no. 9, pp. 79–90. DOI: 10.4000/ries.3392. Available at: https://journals.openedition.org/ries/3392. Accessed: 10.12.2024. (In French).

Constitution du 9 juillet 1848. Luxembourg [Constitution of July 9, 1848. Luxembourg]. Available at: https://mjp.univ-perp.fr/constit/lu1848.htm. Accessed: 05.12.2024. (In French).

Constitution (2023) Constitution du Grand-Duché de Luxembourg. Version consolidée applicable [Constitution of the Grand Duchy of Luxembourg. Consolidated applicable version]. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/constitution/1868/10/17/n1/consolide/20230701. Accessed: 06.12.2024. (In French).

Fehlen F. (2015) L'imposition du français comme langue seconde du Luxembourg. La loi scolaire de 1843 et ses suites [The imposition of French as a second language in Luxembourg. The School Law of 1843 and its consequences]. *Synergies Pays germanophones*, no. 8, pp. 23–35. (In French).

Garcia N. (2014) Monolinguisme politique dans une société plurilingue? Le cas du Luxembourg [Political monolingualism in a multilingual society? The case of Luxembourg]. *Revue internationale de politique comparée*, vol. 21, no. 4, pp. 17–36. DOI: 10.3917/ripc.214.0017. (In French).

Langues au Luxembourg: quelle est la situation linguistique? (2022) [Languages in Luxembourg: what is the linguistic situation?]. Available at: https://www.dvtranslation.com/blog/langues-au-luxembourg-quelle-est-la-situation-linguistique/. Accessed: 12.12.2024. (In French).

Langues dans le système éducatif. Ministère de l'Éducation nationale, de l'Enfance et de la Jeunesse [Languages in the education system. Ministry of National Education, Children and Youth]. Available at: https://men.public.lu/fr/systeme-educatif/langues-ecole-luxembourgeoise.html. Accessed: 20.12.2024. (In French).

Lefrançois N. (2016) Le luxembourgeois, enfant naturel de la Seconde Guerre mondiale [The Luxembourgish language, a natural child of the Second World War]. *Lengas*, no. 80. DOI: 10.4000/lengas.1171. Available at: http://journals.openedition.org/lengas/1171. Accessed: 21.12.2024. (In French).

Loi du 24 février 1984 sur le régime des langues (1984) [Law of February 24, 1984 on the language regime]. *Mémorial. Journal Officiel du Grand-Duché de Luxembourg. Recueil de législation*, no. 16, pp. 196–197. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1984/02/24/n1/jo. Accessed: 04.12.2024. (In French).

Loi du 6 février 2009 relative à l'obligation scolaire [Law of February 6, 2009 on compulsory schooling]. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2009/02/06/n2/jo. Accessed: 25.12.2024. (In French).

Loi du 20 juillet 2018 relative à la promotion de la langue luxembourgeoise [Law of July 20, 2018 on the promotion of the Luxembourgish language]. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2018/07/20/a646/jo. Accessed: 20.12.2024. (In French).

Loi du 30 juillet 2021 relative à un régime d'aides en faveur du journalisme professionnel [Law of July 30, 2021 on an aid scheme for professional journalism]. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2021/07/30/a601/jo. Accessed: 12.12.2024. (In French).

Martin S. (2023) L'usage du français progresse au Luxembourg [The use of French is progressing in Luxembourg]. *Virgule. Luxembourg.* Available at: https://www.virgule.lu/luxembourg/l-usage-du-francais-progresse-au-luxembourg/5121893.html. Accessed: 04.12.2024. (In French).

Les médias au Luxembourg [Media in Luxembourg]. Available at: https://www.tout-luxembourg.com/media. Accessed: 18.12.2024. (In French).

Médias. Le gouvernement luxembourgeois [Media. The Luxembourg government]. Available at: https://smc.gouvernement.lu/fr/medias-new.html. Accessed: 18.12.2024. (In French).

Men.lu – Site du ministère de l'Éducation nationale, de l'Enfance et de la Jeunesse [Men.lu – Website of the Ministry of National Education, Children and Youth]. Available at: https://men.public.lu/fr/systeme-educatif/formation-adultes/integration-nationalite/cours-examen.html. Accessed: 11.12.2024. (In French).

Presse. Le gouvernement luxembourgeois [Press. The Luxembourg government]. Available at: https://smc.gouvernement.lu/fr/medias-new/presse1.html. Accessed: 22.12.2024. (In French).

A PROPOS des langues au Luxembourg (2022) [ABOUT languages in Luxembourg]. Luxembourg: Service information et presse du gouvernement luxembourgeois, Département édition. ISBN 978-2-87999-293-8. 16 p. (In French).

Quelles langues parle-t-on au Luxembourg? [What languages are spoken in Luxembourg?]. Luxembourg: Le gouvernement du Grand-Duché de Luxembourg. Available at: https://luxembourg.public.lu/fr/societe-et-culture/langues/langues-au-luxembourg.html. Accessed: 26.12.2024. (In French).

Le Quotidien (2023) En dix ans, la lente chute de la langue luxembourgeoise [In ten years, the slow fall of the Luxembourgish language]. *Le Quotidien*, 07.12.2023. Available at: https://lequotidien.lu/a-la-une/en-dix-ans-la-lente-chute-de-la-langue-luxembourgeoise/. Accessed: 17.12.2024. (In French).

Rapport national. Luxembourg (2005) [National report. Luxembourg]. Luxembourg: Ministère de l'Éducation nationale et de la Formation professionnelle, 120 p. (In French).

Règlement grand-ducal du 16 septembre 2003 portant exécution de la loi modifiée du 24 mars 1989 portant restriction de la publicité en faveur du tabac et de ses produits, interdiction de fumer dans certains lieux et interdiction de la mise sur le marché des tabacs à usage oral [Grand-ducal regulation of September 16, 2003 implementing the amended law of March 24, 1989 restricting advertising in favor of tobacco and its products, prohibiting smoking in certain places and prohibiting the marketing of tobacco for oral use]. Available at: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/rgd/2003/09/16/n1/jo. Accessed: 24.12.2024. (In French).

Reisdoerfer J. (2009) Analyse critique de la nouvelle politique linguistique éducative du Grand-Duché de Luxembourg [Critical analysis of the new educational language policy of the Grand Duchy of Luxembourg]. *Synergies Algérie*, no. 6, pp. 137–146. (In French).

Le STATEC – Institut national de la statistique et des études économiques du Grand-Duché de Luxembourg [Le STATEC – National Institute of Statistics and Economic Studies of the Grand Duchy of Luxembourg]. Available at:

https://statistiques.public.lu/fr/actualites/2024/stn16-population-2024.html. Accessed: 19.12.2024. (In French).

Statista (2024) Langues les plus parlées par la population luxembourgeoise à la maison, au travail et lors d'activités sociales au Luxembourg [Statista. The languages most spoken by the Luxembourgish population at home, at work and during social activities in Luxembourg]. Available at: https://fr.statista.com/statistiques/1347342/langues-parlees-population-luxembourg/. Accessed: 22.12.2024. (In French).

Statistiques (2021) Une large palette de nationalités [A wide range of nationalities]. Available at: https://statistiques.public.lu/fr/recensement/nationalites.html. Accessed: 10.12.2024. (In French).

Кожемякина Валентина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально–языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Российская Федерация.
Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: kozhemyakina@iling-ran.ru
https://orcid.org/0000-0003-0588-985X

Valentina A. Kozhemyakina – PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Research Center for National–Linguistic Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009
E-mail: kozhemyakina@iling-ran.ru
https://orcid.org/0000-0003-0588-985X

Для цитирования: *Кожемякина В.А.* Языковая ситуация и языковое законодательство в великом герцогстве Люксембурге // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 135–155. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-135-155

For citation: *Kozhemyakina V.A.* Language situation and language legislation in the Grand Duchy of Luxembourg // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 135–155. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-135-155

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 07.03.2025;
approved after reviewing 10.05.2025;
accepted for publication 27.09.2025.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-156-173

УДК 81’272

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В РЕГИОНЕ ВАЛЬ Д’АОСТА В XX-XXI ВВ.

Камилла И. Курбанова-Ильютко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Российская Федерация

Аннотация
В настоящей статье мы рассматриваем франкофонию итальянского региона Валь д’Аоста как важный элемент языковой идентичности вальдостанцев и как одну из основ вальдостанской автономии. Сегодня Валь д’Аоста может считаться примером многоязычного региона, его языковая политика нацелена на сохранение языкового многообразия. Введение посвящено истории обретения автономии регионом Валь д’Аоста, 80-летие которой отмечается в текущем 2025 г. Во втором разделе статьи объясняется выбор терминологического аппарата, рассматриваются различные интерпретации термина «ревитализация» и определяются его границы в целях дальнейшего использования в исследовании. В третьей части работы нами описаны основные этапы становления вальдостанской франкофонии и проанализирован процесс смены статуса французского языка в регионе. В статье также обоснована необходимость ревитализации французского языка в Валь д’Аосте в XX-XXI вв. В четвертом разделе речь идет о способах ревитализации, примененных и применяемых в регионе: о реформах образования, поддержке франкоязычных СМИ, работе региональных и международных фондов, ассоциаций и пр. структур. В Заключении на основе определенных показателей произведена оценка эффективности предпринятых мер по ревитализации французского языка в Валь д’Аосте.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: франкофония, многоязычие, языковая идентичность, языковой сдвиг, ревитализация, вальдостанский вариант французского языка.

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Камилла И. Курбанова-Ильютко, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-156-173

UDC 81'272

THE REVITALIZATION OF FRENCH IN THE AOSTA VALLEY IN THE 20th AND 21ST CENTURIES

Kamilla I. Kurbanova-Ilyutko

Lomonosov Moscow State University,

Russian Federation

Abstract

This article examines the Francophonie of the Aosta Valley, an Italian region, as a crucial component of the linguistic identity of the Valdôtains and as a foundational element of the region's autonomy. Today, the Aosta Valley represents a model of a multilingual region, with language policies aimed at preserving linguistic diversity.

The Introduction provides a historical overview of the region's acquisition of autonomy, marking its 80th anniversary in 2025.

The second section clarifies the terminology used, reviews various interpretations of the concept of 'language revitalization,' and delineates its scope for the purposes of this study.

The third section traces the main stages in the development of Valdôtain Francophonie, analyzes changes in the status of the French language in the region, and highlights the need for its revitalization during the 20th and 21st centuries.

The fourth section examines the methods employed in language revitalization, including educational reforms, support for French-language media, and the activities of regional and international foundations, associations, and other relevant institutions.

The Conclusion synthesizes the study's findings and evaluates, based on selected indicators, the effectiveness of the measures implemented to revitalize French in the Aosta Valley.

KEYWORDS: Francophonie, multilingualism, language identity, language shift, language revitalization, Valdôtain French.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Kamilla I. Kurbanova-Ilyutko, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Для итальянского региона Валь д'Аоста текущий 2025 г. ознаменован 80-летием Сопротивления, Освобождения и Автономии[29], которому посвящено большое количество культурно-исторических мероприятий, публикаций, выставок, разного рода собраний и чествований. Дело в том, что современный статус Валь д'Аосты как автономного региона в составе Итальянской республики восходит к периоду окончания Второй мировой войны, когда в силу географического, экономического и лингвистического своеобразия в Валь д'Аосте был разрешен особый политико-административный режим управления [Nicco, 1998, p. 121]. Заключительный документ, обосновывающий автономию региона Валь д'Аоста и вступивший в силу в 1948 г., актуален по настоящее время. Речь идёт о широко известном Специальном статуте Валь д'Аосты[30] от 26 февраля 1948 г. В соответствии со Ст. 116 Конституции Итальянской Республики[31], Валь д'Аоста наделена автономией наряду с другими четырьмя регионами Италии, в которых проживают этнические и языковые меньшинства.

Автономия Валь д'Аосты неразрывно связана с вопросами истории, политики, культуры и языка. С одной стороны, в год 80-летия Сопротивления и Освобождения особое внимание оказывается антифашисткой деятельности вальдостанского движения Сопротивления, возглавляемого Эмилем Шану, который стал жертвой фашистского режима. С другой стороны, акцент ставится на важности основ Автономии, развиваемых в Валь д'Аосте: ранее упомянутый Эмиль Шану известен как главный вальдостанский идеолог того времени, отстаивавший идеи автономии, федерализма и регионализма, боровшийся за право вальдостанцев на сохранение местной культуры и языка [Chanoux, 1994]. В этой связи возникает вопрос о французском языке, а именно о наличии минорируемого языкового меньшинства, сыгравшего решающую роль при обретении статуса автономии Валь д'Аосты в составе Италии.

---

[29] 80e anniversaire de la Résistance, de la Libération et de l'Autonomie (1945-1948) – 2023-2028. URL : https://www.regione.vda.it/Eventi_istituzionali/manifestazioni/Anniversari/80anniversarioResistenzaLiberazioneAutonomia/default_f.aspx (дата обращения: 28.06.2025).

[30] Statut spécial pour la Vallée d'Aoste / Statuto speciale della Valle d'Aosta. URL: https://www.regione.vda.it/autonomia_istituzioni/lostatuto_f.aspx (дата обращения: 27.06.2025).

[31] Статья 116. Фриули-Венеция-Джулия, Сардиния, Сицилия, Трентино-Альто-Адидже (Южный Тироль) и Валле-д'Аоста имеют особые формы и условия автономии согласно соответствующим специальным статутам, установленным конституционными законами. <…> [Конституции зарубежных государств, 2012, с. 294-295].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

2 | Ревитализация, или возрождение языка

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению частного случая ревитализации языка, то есть к истории и способам возрождения французского языка в Валь д'Аосте в XX-XXI вв., следует обосновать выбор используемой нами терминологии. Под ревитализацией мы понимаем языковой процесс, происходящий в речевом репертуаре этнической группы, этноса и предполагающий возврат к прежнему, использовавшемуся ранее, языку [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 152]. Проведение языковой политики, направленной на ревитализацию, или возрождение языка, крайне редко венчается успехом. В исключительных случаях положительного разрешения вопроса можно говорить об обратном языковом сдвиге. Хрестоматийным примером возрождения мертвого языка является ситуация с ивритом, который из языка ритуалов и древних религиозных книг превратился в полифункциональный государственный язык Израиля.

В социолингвистическом словаре [Dictionnaire de la sociolinguistique, p. 306] под редакцией Ж. Буте и Дж. Коста в статье о лингвистической ревитализации (revitalisation linguistique) подчеркивается, что ревитализация может быть направлена не только на мертвый язык, но и на миноритарный (langue minoritaire) или минорируемый язык (langue minorée) в противовес мажоритарному языку, который доминирует по численности носителей и, как правило, выполняет роль официального языка.

Поясним, что в русскоязычной социолингвистической традиции принято отличать мажоритарный язык от доминирующего по принципу «количество носителей VS спектр выполняемых функций». Язык считается мажоритарным, если это язык численно доминирующей этнической группы, тогда как статус доминирующего языка предполагает выполнение наибольшего числа функций в различных сферах [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 109-110]. Зачастую роль мажоритарного и доминирующего языка в стране/регионе выполняет один язык.

Что касается термина «миноритарный язык», то в русскоязычной социолингвистике в его определении, с одной стороны, ставится акцент на количественный показатель, т.е. под миноритарным подразумевается язык национального / этнического меньшинства, с другой стороны, подчеркивается его функциональная ограниченность, так миноритарный язык «не функционирует в наиболее престижных сферах общения (государственное управление, международная деятельность, наука, высшее образование и т. п.)» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 129].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Во французской социолингвистике понятие миноритарного языка характеризуется, в первую очередь, квантитативными параметрами, т.е. как язык меньшинства, тогда как в отношении минорируемого языка используются квалитативные и статусные характеристики, т.е. минорируемый язык следует трактовать как язык, сферы использования которого ограничены. Кроме того, минорируемый язык может отсылать к проблеме языковой дискриминации, наложению запретов и/или ограничений на использование того или иного языка в стране/регионе в определенный отрезок времени. Очевидно, что не всякий минорируемый язык является миноритарным (он может быть даже мажоритарным), однако в случае длительной и интенсивной языковой дискриминации минорируемый язык, как следствие, может стать миноритарным. В настоящем исследовании нам необходимо принимать во внимание не только противопоставление мажоритарный VS миноритарный язык, но и доминирующий VS доминируемый / минорируемый язык.

Возвращаясь к вопросу лингвистической ревитализации, напомним, что меры поддержки могут быть оказаны миноритарному и минорируемому языку. В качестве примера можно привести проект поддержки баскского языка в Стране Басков, где за последние 25 лет количество неоносителей превысило 200 тыс. человек. Увеличение количества говорящих было достигнуто за счет различных программ изучения языка, с помощью методики погружения или билингвального образования, а также благодаря разного рода инициативам, нацеленным на поддержку языка [Dictionnaire de la sociolinguistique, p. 307].

В настоящей статье мы оперируем термином «ревитализация» в его расширенном понимании, т.е. как по отношению к мертвому языку, так и миноритарному или минорируемому языку. Успешность проводимой политики ревитализации может оцениваться таким образом не только с точки зрения достижения/недостижения обратного языкового сдвига, но и с позиции увеличения функционального спектра использования языка и расширения круга его носителей.

3 | О необходимости ревитализации французского языка в Валь д'Аосте в XX-XXI вв.

Франкофония Валь д'Аосты уходит своими корнями в Ранее Средневековье, когда Долина Аоста оказалась под контролем Савойского дома: с XI в. в составе Савойского графства, далее Савойского герцогства. Необходимо отметить, что в качестве языка бытового общения вальдостанцев долгое время сохранялся франкопровансальский язык, тогда как французский начал замещать его в устной сфере в церкви (в качестве языка проповеди), начиная с XIII в. [Bauer, 2014, p. 197]. В письменной речи французский язык упрочил свои

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

позиции в XIII-XV вв., став языком вальдостанской литературной традиции, в XVI в. французский язык начал выполнять роль официального языка, заместив таким образом латынь в этой функции.

Первый документ, составленный в Валь д'Аосте на французском языке, датируется 1536 г., когда запись протокола Собрания трех сословий была составлена не только на латыни, но и на французском языке [Rivolin, 2024: 8-9]. Данное событие имеет особое значение для истории вальдостанской франкофонии, поскольку опережает на три года знаменитый Ордонанс Виллер-Котре Франциска I, по которому французский язык был признан в судебной сфере во Франции в 1539 г.

Теперь мы переходим ко времени расцвета французского языка в Валь д'Аосте. Статус официального языка французский получил в Долине Аоста в 1561 г. в связи с подписанием эдикта Риволи герцогом Савойским Эммануилом Филибертом: с этого момента использование французского языка в Савойе и Валь д'Аосте было официально регламентировано. Так французский язык начал выполнять функции письменного языка во всех сферах, в устной речи преимущественно сохранялось двуязычие (владение французским и франкопровансальским языком, иногда описываемое как диглоссия).

Начало заката вальдостанской франкофонии, как правило, относят к XIX в., к периоду возникновения Королевства Италия в 1861 г. Однако первые ограничения в отношении французского языка вводятся уже в период Сардинского королевства, или Королевства Савойя-Сардиния, находившегося также под властью Савойского дома. Например, в 1848 г. вступил в силу Альбертинский статут, в соответствии с которым языком двухпалатного парламента провозглашался итальянский язык (ст. 62), а французский допускался только в речах представителей Савойи и Валь д'Аосты. С 1860-х гг. началось сокращение часов преподавания французского в вальдостанских школах, а далее в Коллеже Сен-Бенен.

Подводя промежуточный итог о времени становления и расцвета вальдостанской франкофонии, подчеркнем, что ее история напрямую связана с историей Савойского дома в период XI-XIX вв. Прибегая к современной терминологии, с середины XVI в. до середины XIX в. французский язык в Валь д'Аосте можно охарактеризовать как мажоритарный: он был доминирующим языком как в плане количества носителей, так и функционально (использовался как официальный язык Долины).

В 1861 г. Валь д'Аоста вошла в состав новообразованного Королевства Италия, а следовательно, в зону влияния итальянского языка [Bauer, 2014, p. 205]. Ассимилятивная языковая политика была направлена на насаждение итальянского языка, в частности, в

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

окраинных частях королевства, характеризовавшихся многоязычием. Если франкопровансальский язык не представлял значимых препятствий для итальянизации региона, то французский язык, доминировавший в Валь д'Аосте в много веков, должен был быть искоренен. В действие была приведена серия реформ образования в 1873, 1882, 1884, 1888 гг.: из единственного языка преподавания в школе французский язык стал одной из изучаемых дисциплин, а затем был включен в список факультативных предметов. В 1880 г. языком судопроизводства был признан исключительно итальянский.

Первая волна итальянизации прошла во второй половине XIX в., тогда как вторая связана с периодом фашизма в Италии. Снижение значимости французского языка, а вместе с тем и ущемление прав вальдостанцев на сохранение собственного лингвистического и культурного наследия достигло своего апогея в 20-е годы XX столетия. В соответствии с реформами 1923, 1924, 1925, 1928, 1929 гг. были закрыты более 100 школ, являвшихся оплотом местной франкофонии, также были введены запреты на использования французского в публичных дебатах, на вывесках и т.д. Была произведена итальянизация топонимики (*Chamois* > *Camosio*, *Lillianes* > *Lilliana*, *Aoste* > *Aosta* и пр.). Далее французский язык был полностью запрещен для преподавания в регионе (даже факультативно). Репрессиям также подверглись франкоязычные газеты «Le Duché d'Aoste», «Le Pays d'Aoste», «La Patrie Valdôtaine» [Rivolin, 2024: 11-12].

В результате проводимой языковой политики к середине XX в. в Валь д'Аосте произошел языковой сдвиг, и итальянский язык стал мажоритарным. Если в конце XIX в. статус французского языка можно было бы определить как минорируемый язык, т.е. идиом, использование которого планомерно ограничивается и/или даже запрещается в определенный временной отрезок, то к середине XX в. из минорируемого французский язык становится миноритарным. К этому моменту он потерял не только статус, что выразилось в утрате большинства социально значимых функций, но и большую часть носителей французского как основного.

Языковая история Валь д'Аосты примечательна тем, что именно французский язык сыграл ключевую роль в процессе обретении этим регионом статуса автономии по окончании Второй мировой войны. Благодаря усилиям местной интеллектуальной элиты и клириков, французский язык не был искоренен полностью. Сохранялось многоязычие, предполагавшее владение итальянским языком как основным, а также французским и франкопровансальским [Bauer, 2014, p. 208]. Французский язык оставался языком культурного наследия вальдостанцев вопреки введенным запретам. Кроме того, чем большие усилия прилагали

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

власти для его угнетению, тем активнее становилась франкофилия[32], а вместе с ней распространялись идеи регионализма, федерализма и автономии. Достаточно упомянуть деятельность Эмиля Шану в рамках Вальдостанской лиги (Ligue valdôtaine), комитета по защите французского языка в Валь д'Аосте, и организации «Молодежь Валь д'Аосты» (Jeune Vallée d'Aoste), прославившейся своей регионалистской и антифашистской направленностью.

В 1945 г. Валь д'Аоста получила особый режим управления, автономию в составе Италии. В соответствии со Специальным статутом Валь д'Аосты от 26 февраля 1948 г. был провозглашен паритет двух официальных языков – итальянского и французского. Иными словами, в середине XX столетия в Валь д'Аосте началась новая ступень развития ее истории, в том числе с точки зрения языка: с XVI в. до середины XIX в. официальный статус принадлежал французскому языку, до середины XX в. – итальянскому, с середины XX в. и по сей день – итальянскому и французскому в качестве соофициальных.

Однако в статьях 38, 39, 40 Специального статута прослеживаются некоторые ограничения в отношении французского языка, например, в судопроизводстве, где только итальянский язык имеет юридическую силу. Что касается образования, то в школах, административно относящихся к региону, предусмотрено равное количество часов для изучения французского и итальянского языков; языком преподавания некоторых дисциплин может быть французский.

Резюмируя историю французского языка в Валь д'Аосте, нужно отметить, что с 1948 г. его положение изменилось: французский язык нельзя больше назвать миноритарным в силу обретения им статуса соофициального языка и возможности функционирования в наиболее престижных сферах общения (администрация, образование, наука и пр.). Тем не менее, ранее произошедший языковой сдвиг пошатнул позиции французского языка (в частности, в отношении количества франкофонов, уровня владения ими французским языком), и одного признания паритета не могло быть достаточно.

В связи с тем, что автономия Валь д'Аосты, как и в других четырех итальянских автономных регионах, опиралась на развитое многоязычие ее жителей, новый статус французского языка требовал существенных мер поддержки, о которых речь пойдет в следующем разделе.

[32] См. также труды аббата Жозеф-Мари Трева, основателя регионалисткого движения «Молодежь Валь д'Аосты», например, рукопись 1923 г. « Nous Valdôtains, nous voulons le français ! » (Пер. с франц. яз.: «Мы Вальдостанцы, мы хотим французский язык ! ») [Trèves, 2024, p. 64].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

4 | О способах ревитализации французского языка в Валь д'Аосте в XX-XXI вв.

4.1 Реформы образования

Говоря о мерах поддержки и продвижения французского языка, оказываемых региональным правительством Валь д'Аосты, обратимся, в первую очередь, к реформам в образовательной сфере и, соответственно, введению французского языка как отдельной дисциплины и как языка преподавания в вальдостанских школах. Обратим внимание на несколько моментов. Временной отрезок между принятием Специального статута Валь д'Аосты и проведением реформ составил более тридцати лет. Длительная разработка программ объясняется, среди прочего, амбициозными задачами, поставленными перед ответственными лицами, а именно, научным комитетом и преподавательским составом, по внедрению билингвального образования в регионе [Cavalli, 2005, p. 105-117].

С целью выполнения 39 и 40 статей Специального статута, в Валь д'Аосте были пересмотрены национальные программы образования Италии в дошкольных учебных заведениях в 1983 г.[33], в начальных школах в 1988 г.[34], в средней школе в 1994 г.[35] и 1996 г.[36] Было предусмотрено не только равное количество часов изучения французского и итальянского языков, но и различные виды развивающей деятельности и изучения некоторого ряда предметов на французском языке, особенно посвящённых культурно-историческому наследию региона (подробнее о вальдостанской модели билингвального образования см. [Курбанова, 2015]).

Реализация билингвального образования в старшей школе не была строго регламентирована, однако существуют отдельные примеры лицеев с экспериментальной франко-итальянской программой, например, Билингвальный классический лицей в г. Аоста (Lycée classique bilingue d'Aoste). Что касается высшего образования, то одной из основных

[33] "Adaptation des orientations de l'activité éducative dans les écoles maternelles d'État aux exigences socioculturelles et linguistiques de la Région autonome de la Vallée d'Aoste", délibération du Gouvernement Régional n° 529 du 28.01.1983.

[34] "Adaptation des programmes d'enseignement de l'école primaire aux exigences socioculturelles et linguistiques de la Vallée d'Aoste", délibération du Gouvernement Régional n° 1295 du 12.2.1988.

[35] "Adaptation des programmes d'enseignement de l'école moyenne de l'Etat aux exigences socioculturelles et linguistiques de la Région Autonome de la Vallée d'Aoste", délibération du Gouvernement Régional n° 5884 du 22.7.1994.

[36] Loi régionale n°50 du 27 décembre 1996 – portant dispositions préliminaires en vue de l'application des articles 39 et 40 du Statut spécial de la Vallée d'Aoste, promulgué par la loi constitutionnelle n°4 du 26 février 1948, dans les écoles secondaires du deuxième degré de la Région.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

задач Университета Валь д'Аосты, учрежденного в 2000 г., является подготовка двуязычных кадров для вальдостанских школ. Билингвальная модель обучения в университете не носит обязательного характера, она применяется в большей степени на педагогическом факультете.

С точки зрения лингводидактики, двуязычное образование в Валь д'Аосте может быть определено как «программа раннего частичного погружения» (immersion précoce partielle) [Cavalli, 2005, p. 113], поскольку оно начинается с дошкольного возраста (с трех лет) и не полностью реализуется на французском языке. С позиции социолингвистики, меры языкового планирования, предпринятые в Валь д'Аосте в области образования, сыграли важнейшую роль для повышения социального статуса французского языка в качестве языка образования, а также для поступательного увеличения числа франкофонов в Долине (о французском родном, французском втором см. [Курбанова-Ильютко, 2021]).

4.2 Поддержка франкоязычных СМИ

Как известно, для успешной ревитализации языка его изучение должно обязательно сопровождаться ежедневной практикой. В этом отношении возрождение франкофонной прессы, массово запрещенной в начале XX в., являлось не менее серьезной задачей.

Доминирование италоязычных средств массовой информации в Валь д'Аосте в настоящее время совершенно очевидно. Однако продолжают поддерживаться и развиваться франкоязычные издания: они необязательно моноязычны, как правило, это освещение некоторых рубрик, разделов на французском языке.

Например, журнал Комитета вальдостанских традиций «Le Flambò/Le Flambeau» (4 номера в год) печатается преимущественно на французском языке, тем не менее, в него также могут быть включены статьи на франкопровансальском и итальянском языках. Следует упомянуть ежегодный альманах «Le Messager valdôtain», традиционно содержащий статьи на французском языке, но допускающий публикации и на других языках Долины (итальянском, франкопровансальском, вальзерском диалекте немецкого языка).

Исключительно на французском языке издается вестник вальдостанского подразделения Международного союза франкоязычной прессы (Union internationale de la presse francophone, Section de la Vallée d'Aoste) «Le Forum francophone» (2 выпуска в год).

Среди новейших электронных изданий отметим двуязычную газету «Nos Alpes», публикующуюся на французском и итальянском языках с 2023 г. Это газета открытого доступа, предполагающая работу не только вальдостанских журналистов, но и коллег из

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

прилегающих французских и швейцарских альпийских регионов, что объясняет ее название «Nos Alpe » (Пер. с франц. яз.: «Наши Альпы») и выбор освещаемых тем.

Еженедельная газета «Corriere della Valle/Courrier de la Vallée d'Aoste» является двуязычным изданием епархии г. Аоста, большая часть материала представлена в ней на итальянском языке, но в каждом выпуске есть также статьи на французском языке. Вальдостанский еженедельник «La Vallée», являющийся трехъязычным изданием, публикуется в основном на итальянском языке, за редким исключением – на французском или франкопровансальском.

Среди двуязычных интернет-изданий необходимо подчеркнуть работу блога «Le peuple valdôtain» политической партии «Вальдостанский союз» (Union valdôtaine), пришедшего на смену одноименной еженедельной газете. В декабре 2024 г. периодическое издание «Le peuple valdôtain» было восстановлено в электронной и печатной версии (1 выпуск в месяц). Среди основных органов печати в Валь д'Аосте есть и ежедневное электронное издание «AostaCronaca.it», на регулярной основе публикующее новостной раздел на французском языке.

Что касается франкоязычного радио и телевещания в Валь д'Аосте, то в данный момент оно обеспечивается государственной телерадиовещательной компании RAI: региональное бюро RAI Valle d'Aosta - Vallée d'Aoste предлагает телепрограммы и радиопередачи на французском языке во время ежедневных региональных выпусков. В разное время Валь д'Аоста сотрудничала с франкоязычными каналами Франции и Франкоязычной Швейцарии, в настоящее время в регионе доступны каналы «RTS1», «France24» и «TV5Monde».

4.3 Деятельность региональных культурно-исторических фондов, центров, ассоциаций

Не стоит недооценивать деятельность различных фондов, ассоциаций и пр., нацеленных на сохранение вальдостанского культурного наследия, способствующих, среди прочего, ревитализации французского языка в регионе. Исследовательский центр имени аббата Трева (Centre d'études Abbé Trèves) позиционирует себя как ассоциация, служащая продвижению исторических и социально-экономических знаний об альпийских меньшинствах. Региональное бюро по этнологии и лингвистике (Bureau Régional pour l'Éthnologie et la Linguistique, BREL), в частности, его лингвистический отдел (guichet linguistique), а также Вальдостанская ассоциация аудиоархивов (Association Valdôtaine Archives Sonores, AVAS) занимается сбором и хранением различных интервью с носителями

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

французского языка, записью устного народного творчества как на французском, так и на других языках Долины.

Фонд имени Эмиля Шану (Fondation Émile Chanoux) известен как научно-исследовательский институт, занимающийся историей Валь д'Аосты в XX веке, а также темами федерализма, регионализма и проблемами меньшинств. В 2001-2002 гг. фондом был проведен масштабный социолингвистический опрос жителей Валь д'Аосты, проливающий свет на реальную языковую ситуацию в регионе в начале XXI в.

Не менее важную роль по поддержке французского языка играет Комитет вальдостанских традиций (Comité des Traditions Valdôtaines), издающий ранее упомянутый журнал «Le Flambò/Le Flambeau» и проводящий различные культурные мероприятия, связанные с французским и франкопровансальским языками. Более узконаправленную деятельность ведёт ассоциация «Nos Accents», которая ориентирована на сохранение топонимики и языкового многообразия Валь д'Аосты. Её первоочередной задачей является достижение корректной орфографии франкоязычной топонимики, диакритика которой все чаще упрощается и/или упраздняется (в указателях, интернет-картах, навигаторах и пр.).

С целью привлечения молодого поколения вальдостанцев (от 14 до 29 лет), в Долине ежегодно проводится Конкурс имени аббата Трева (Concours Abbé Trèves). Автор лучшей статьи, видеоролика или подкаста на французском языке получает стипендию для прохождения стажировки во франкоязычном СМИ.

Перечислив некоторые культурно-исторические фонды, центры, ассоциации Валь д'Аосты, необходимо подчеркнуть их количество и разнообразие, принимая во внимание, что речь идет о самом географически и демографически малом регионе Италии.

4.4 Деятельность международных организаций

До сих пор мы говорили об инициативах по «внутренней» ревитализации французского языка, проводимых местными властями и разного рода региональными структурами. Однако необходимо учитывать и «внешнюю» поддержку, оказываемую французскими и международными организациями.

Во-первых, активную позицию по проведению франкофонных мероприятий занимают подразделения и партнеры Международной организации Франкофонии, МОФ (Organisation internationale de la Francophonie, OIF). Несмотря на то, что Италия не является членом вышеназванной организации, Валь д'Аоста принимает участие в Саммитах Франкофонии в качестве почетного гостя (например, Саммит Франкофонии во Франции в г. Виллер-Котре в

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

2024 г.). С 2008 г. Университет Валь д'Аосты входит в состав Университетского агентства Франкофонии (Agence Universitaire de la Francophonie), в Университете Валь д'Аосты была также открыта кафедра Франкофонии имени Сенгора (Chaire Senghor de la Francophonie) при факультете политологии и международных отношений. Более того, Валь д'Аоста входит в ряд органов МОФ, таких как Парламентская ассамблея франкоязычных стран (Assemblée parlementaire de la Francophonie), Международная ассоциация мэров франкоязычных городов (Association internationale des Maires francophones), Международная ассоциация франкоязычных регионов (Association Internationale des Régions francophones) и др.

Во-вторых, в регионе представлено подразделение Альянс Франсез (Alliance Française) при поддержке Посольств Франции, которое, как и в других странах мира, проводит целый ряд франкоязычных мероприятий, в частности, в честь Международного дня Франкофонии (Journée Internationale de la Francophonie).

В-третьих, в Валь д'Аосте активно развивается подразделение Международного союза франкоязычной прессы (Union internationale de la presse francophone, Section de la Vallée d'Aoste), которое, как уже было сказано, издает собственный франкоязычный вестник «Le Forum francophone», а также занимается производством франкоязычных фильмов, связанных с регионом, проведением конкурсов и стажировок для молодых вальдостанцев.

5 | Заключение

Сегодня Валь д'Аоста является примером многоязычного региона, которому удалось отстоять права на сохранение своего культурного наследия, в том числе лингвистического. Добивших автономии в составе Италии по завершении Второй мировой войны, Валь д'Аоста проводит языковую политику, направленную на поддержку и продвижение языков Долины, два из которых, французский и итальянский, выполняют функцию соофициальных языков в регионе. Франкопровансальский язык, не фигурирующий в Специальном статуте Валь д'Аосты от 26 февраля 1948 г., находится под защитой на общегосударственном уровне по закону №482[37] от 15 декабря 1999 г. «Об исторических языковых меньшинствах», включающему двенадцать языковых меньшинств в Италии. Представители вальзерского, или валисского диалекта немецкого языка в Валь д'Аосте также указаны в вышеназванном законе №482 среди других германоязычных меньшинств Италии. Ранее вальзерское меньшинство

[37] La legge №482 del 1999 sulle minoranze linguistiche storiche. URL : https://www.senato.it/japp/bgt/showdoc/17/DOSSIER/0/1022617/index.html?part=dossier_dossier1-sezione_sezione11-h1_h14 (дата обращения: 04.07.2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

получило гарантии на региональном уровне при внесении поправки в 1993 г. в Статью 40bis Специального статута Валь д'Аосты, по которой германоязычное население Вале дю Лис (Vallée du Lys) имеет право на сохранение культурных и лингвистических традиций, а в школах, расположенных в соответствующей долине, предусматривается изучение немецкого языка в рамках школьной программы.

Франкофония в регионе Валь д'Аоста, как показано в первых разделах настоящей статьи, имеет важное культурно-историческое значение. Французский язык до середины XIX века сохранял позиции официального, мажоритарного языка, став неотъемлемой составляющей вальдостанской идентичности. В составе Италии вальдостанцы оказались в положении этнического и языкового меньшинства, будучи носителями французского и франкопровансальского языков. В результате ассимилятивной политики Королевства Италия Валь д'Аоста была успешно «итальянизирована», итальянский занял позиции мажоритарного языка, французский и франкопровансальский при этом сохранялись в качестве миноритарных языков. Только с середины XX в. позиции французского языка были частично восстановлены: он был признан официальным наравне с итальянским. Именно с этого момента начинают предприниматься различные меры по ревитализации французского языка в регионе.

В рамках настоящей статьи нами обоснована необходимость подобной языковой политики, а также поэтапно описаны основные способы ее реализации, к которым относятся реформирование школьной учебной системы по принципу раннего частичного погружения; поддержка франкоязычной прессы, теле и радиовещания; работа региональных фондов, центров, ассоциаций, направленных на сохранение культурно-исторического наследия; влияние международных организаций, отвечающих за связь Валь д'Аосты со странами/ регионами франкофонии, и проведение международных мероприятий по продвижению французского языка.

Наиболее сложным, на наш взгляд, следует считать оценку принятых в Валь д'Аосте мер. Первый, наиболее очевидный результат в контексте ревитализации французского языка в регионе – это отсутствие обратного языкового сдвига. В условиях XX-XXI вв., когда во главу угла ставятся задачи по сохранению языкового многообразия, возрождение французского языка как основного в регионе не представляется возможным. Напомним, что языковой сдвиг в пользу итальянского языка, произошедший на рубеже XIX-XX вв., совершился на фоне массовых запретов, в современной терминологии – языковой дискриминации франкоязычных вальдостанцев, что совершенно недопустимо в наше время.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Главным показателем успешности ревитализации французского языка в Долине является его массовое распространение, т.е. высокий процент населения, владеющего языком. Как показали результаты опроса Фонда им. Э. Шану, проведённого 2001-2002 гг.[38], при оценке собственных языковых компетенций в отношении французского языка (вопрос №1402) вальдостанцы старшего и молодого поколения дали существенно отличающиеся ответы: 41 % вальдостанцев 60+ (на момент опроса) отметили, что говорят на французском языке, 24%, на нем пишут, тогда как дети и молодые вальдостанцы (10-20 лет) подтвердили свое устное владение французским в 81%, письменное – в 73% случаев. Очевидна динамика роста языковых компетенций у молодых вальдостанцев, что свидетельствует о том, что французский язык сохранился/возродился как второй для большинства жителей Долины в XX-XXI вв.

Менее детализированные, но сравнительно новые демографические данные о многоязычии в регионе доступны благодаря отчету Итальянского института статистики 2015 г., в соответствии с которым в Валь д'Аосте самый высокий процент населения, владеющего двумя и более языками – 87,1 %, что превышает в процентном отношении не только средние показатели по Италии, но и уровень многоязычия в других автономных регионах. Из 87,1% многоязычных вальдостанцев 82,6 % заявляют о владении французским языком[39]. Вышеприведенные результаты демонстрируют поступательное увеличение франкоязычного населения Долины, что доказывает эффективность проводимой политики.

Вторым немаловажным критерием при определении успешности ревитализации является функциональный спектр использования языка. Несмотря на сохраняющийся функциональный дисбаланс между соофициальными языками (французским и итальянским), при общем доминировании итальянского языка над всеми другими в Долине, французский язык стабильно сохраняет свои позиции в наиболее престижных сферах использования (образование, администрация, международная деятельность), а главное, по-прежнему считается одним из важных элементов языковой идентичности вальдостанцев. В качестве подтверждения обратимся к данным ранее упомянутого опроса Фонда им. Э. Шану 2001-2002 гг.: в ответе на вопрос №1701 о многоязычии в Долине 81,05% респондентов отметили знание французского языка как важное или крайне важное.

[38] Sondage linguistique de la Fondation Émile Chanoux, URL: https://www.fondchanoux.org/sondage-linguistique/ (дата обращения: 16.09.2025).
[39] ISTAT – L'Uso della lingua italiana, dei dialetti e delle lingue straniere, anno 2015. URL: https://www.istat.it/it/files//2017/12/Report_Uso-italiano_dialetti_altrelingue_2015.pdf (дата обращения: 05.07.2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Принятые и принимаемые меры по ревитализации французского языка позволяют расширять круг вальдостанских франкофонов, при этом уровень их владения французским языком может варьироваться в зависимости от уровня полученного образования, мотивированности и других условий. Однако обязательность изучения французского языка в вальдостанских школах, необходимость сдачи международных экзаменов на знание французского языка при поступлении на работу в государственные учреждения региона способствуют не только его распространению, но и, в дальнейшем, повышению его статуса.

Проведенное исследование позволяет констатировать положительные тенденции в развитии франкофонии в Валь д'Аосте в настоящее время, а также в будущем при условии сохранения выбранных практик ревитализации.

ЛИТЕРАТУРА

Маклаков В.В. (2012) Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные штаты Америки, Япония. М.: Инфотропик Медиа. 640 с.

Курбанова К.И. (2015) Вальдостанская модель билингвального образования // Риторика-Лингвистика. Выпуск 11. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 267–279.

Курбанова-Ильютко К.И. (2021) К вопросу о статусе французского языка в регионе Валь д'Аоста (Валле д'Аоста): родной или второй? // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. №2. С. 71–82.

Михальченко В.Ю. (ред.) (2006) Словарь социолингвистических терминов. Москва: Институт языкознания РАН. 312 с.

Bauer R. (2014) Positions et fonctions du français en Vallée d'Aoste: un aperçu historique // Repenser l'histoire du français. D. Lagorgette (dir.). Chambéry: Univ. de Savoie. Pp. 195–214.

Cavalli M. (2005) Éducation bilingue et plurilinguisme. Le cas du Val d'Aoste. Paris: Didier. 370 p.

Chanoux É. (1994) Œuvres complètes: Essais. Available at: https://www.fondchanoux.org/wp-content/uploads/2018/09/chanoux-essais.pdf. Accessed: 02.07.2025.

Costa J. (2010) Revitalisation linguistique: discours, mythes et idéologies. Approche critique de mouvements de revitalisation en Provence et en Écosse. Thèse de doctorat, Université de Grenoble. Available at: https://theses.hal.science/tel-0062569. Accessed: 16.09.2025.

Boutet J., Costa J. (eds.) (2021) Dictionnaire de la sociolinguistique // Langage et Société, HS1. 348 p.

Nicco R. (1998) Le parcours de l'autonomie. Quart, Vallée d'Aoste: Musumeci. 390 p.

Rivolin J. (2024) Prémisse – Les racines de notre identité linguistique // Le Flambeau. Revue du Comité des Traditions Valdôtaines, №267. Pp. 6–13.

Trèves J.-M. (2024) La langue est l'âme d'un peuple // Le Flambeau. Revue du Comité des Traditions Valdôtaines, №267. Pp. 64.

.

REFERENCES

Bauer R. (2014) Positions et fonctions du français en Vallée d'Aoste: un aperçu historique [Positions and functions of French in the Aosta Valley: a historical overview] // *Repenser l'histoire du français* / D. Lagorgette (dir.). Chambéry: Univ. de Savoie. Pp. 195–214. (In French).

Boutet J., Costa J. (Eds.) (2021) *Dictionnaire de la sociolinguistique* [Dictionary of Sociolinguistics]. *Langage et Société*, HS1. 348 p. (In French).

Cavalli M. (2005) *Éducation bilingue et plurilinguisme. Le cas du Val d'Aoste* [Bilingual Education and Multilingualism. The Case of the Aosta Valley]. Paris: Didier. 370 p. (In French).

Chanoux É. (1994) *Œuvres complètes: Essais* [Complete Works: Essays]. Available at: https://www.fondchanoux.org/wp-content/uploads/2018/09/chanoux-essais.pdf. Accessed: 02.07.2025. (In French and Italian)

Costa J. (2010) *Revitalisation linguistique: discours, mythes et idéologies. Approche critique de mouvements de revitalisation en Provence et en Écosse* [Language Revitalization: Discourses, Myths, and Ideologies. A Critical Approach to Revitalization Movements in Provence and Scotland]. Thèse de doctorat, Université de Grenoble. Available at: https://theses.hal.science/tel-0062569. Accessed: 16.09.2025. (In French).

Kurbanova K.I. (2015) Val'dostanskaya model' bilingval'nogo obrazovaniya [Valdôtain Model of Bilingual Education] // *Rhetoric-Linguistics*. No. 11. Smolensk: Smolensk State University Publishing House. Pp. 267–279. (In Russian).

Kurbanova-Ilyutko K.I. (2021) K voprosu o statuse francuzskogo yazyka v regione Val' d'Aosta (Valle d'Aosta): rodnoj ili vtoroj [Understanding the Status of French in the Aosta Valley: A Mother Tongue or a Second Language?] // *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*. No. 2. Pp. 71–82. (In Russian).

Maklakov V.V. (Ed.) (2012) *Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: Velikobritaniya, Franciya, Germaniya, Italiya, Evropejskij Soyuz, Soedinennye shtaty Ameriki, Yaponiya* [Constitutions of Foreign Countries: Great Britain, France, Germany, Italy, European Union, United States of America, Japan]. Moscow: Infotropik Media. 640 p. (In Russian).

Mikhal'chenko V.Yu. (Ed.) (2006) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow. 312 p. (In Russian).

Nicco R. (1998) *Le parcours de l'autonomie* [The Course of Autonomy]. Quart, Vallée d'Aoste: Musumeci. 390 p. (In French).

Rivolin J. (2024) Prémisse – Les racines de notre identité linguistique [Premises – The Roots of Our Linguistic Identity] // *Le Flambeau. Revue du Comité des Traditions Valdôtaines*. No. 267. Pp. 6–13. (In French).

Trèves J.-M. (2024) La langue est l'âme d'un peuple [Language Is the Soul of the People] // *Le Flambeau. Revue du Comité des Traditions Valdôtaines*. No. 267. P. 64. (In French).

Курбанова-Ильютко Камилла Искандеровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия.
Адрес: 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.
Эл. адрес: k.kurbanova@philol.msu.ru
https://orcid.org/0000-0003-4560-7423

Kamilla I. Kurbanova-Ilyutko – Ph. D., Associate Professor, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia.
Address: Leninskie Gory 1, Moscow, Russia, 119991
E-mail: k.kurbanova@philol.msu.ru
https://orcid.org/0000-0003-4560-7423

Для цитирования: *Курбанова-Ильютко К.И.* Ревитализация французского языка в регионе Валь д'Аоста в XX-XXI вв. // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 156–173. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-156-173

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

For citation: *Kurbanova-Ilyutko K.I.* The revitalization of French in the Aosta Valley in the 20th and 21st centuries // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 156–173. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-156-173

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 06.02.2025;
approved after reviewing 23.05.2025;
accepted for publication 15.09.2025.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-174-191

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАЗАХСКОГО НАРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

УДК 81`27

Гульбаршин О. Сыздыкова

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,

Республика Казахстан

Маржан К. Ахметова

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,

Республика Казахстан

Примечание
Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерством Науки и высшего образования Республики Казахстан на 2024–2026 годы в рамках проекта AP23488671

Аннотация
Формирование национальных ценностей в языковом сознании – это развитие духовно-нравственных качеств человека через овладение национальной культурой, традициями, обычаями, национальной литературой и языком. Статья посвящена определению роли языковых единиц в формировании национальных ценностей в языковом сознании молодежи.
Цель исследования заключается в определении роли слов «домбра», «сундук», «шанырак» (деревянный круг на верхушке юрты) как стимулов, формирующих национальные ценности в языковом сознании казахской молодежи в полиэтническом пространстве. В ходе исследования был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 62 респондента в возрасте от 17 до 35 лет, владеющие более чем тремя языками и выросшие в поликультурной, многонациональной среде.
В результате исследования были определены специфические реакции на слова-стимулы «домбра», «сундук», «шанырак» на казахском языке, последовательность слов-реакций в ассоциативном поле стимулов, а также основные факторы, влияющие на их формирование в языковом сознании молодежи. При анализе экспериментальных данных выявлены парадигматические и синтагматические типы ассоциаций, зависящие от характера реакции, а также частотность факторов, способствовавших формированию данных ассоциаций со стимулом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальная ценность, языковые единицы, этнокультурное сознание, полиэтническое пространство, ассоциативное поле

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Гульбаршин О. Сыздыкова, Маржан К. Ахметова, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-174-191

LINGUISTIC UNITS AS AN INDICATOR OF THE NATIONAL VALUES OF THE KAZAKH PEOPLE (BASED ON THE MATERIALS OF THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

UDC 81 27

Gulbarshin O. Syzdykova

L.N. Gumilyov Eurasian National University,

Republic of Kazakhstan

Marzhan K. Ahmetova

L.N. Gumilyov Eurasian National University,

Republic of Kazakhstan

Acknowledgements
The reported study was funded under the grant financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2024-2026 within the framework of the project AP23488671

Abstract
The formation of national values in the linguistic consciousness is the development of spiritual and moral qualities of a person through mastering national culture, traditions, customs, national literature and language.
The article is devoted to the definition of the role of linguistic units in the formation of national values in the linguistic consciousness of young people.
The purpose of the study is to determine the role of the words "dombra", "chest", "shanyrak" (a wooden circle on top of a yurt) as stimuli forming national values in the linguistic consciousness of Kazakh youth in the multiethnic space. In the course of the study, an associative experiment was conducted. It was attended by 62 respondents aged 17 to 35, who speak more than three languages and grew up in a multicultural, multinational environment.
As a result of the study, specific reactions to the stimulus words "dombra", "chest", "shanyrak" in the Kazakh language, the sequence of reaction words in the associative field of stimuli, as well as the main factors influencing their formation in the linguistic consciousness of young people were identified.
The analysis of experimental data revealed paradigmatic and syntagmatic types of associations depending on the nature of the reaction, as well as the frequency of factors that contributed to the formation of these associations to the stimulus.

KEYWORDS: national value, linguistic units, ethnocultural consciousness, polyethnic space, associative field

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Gulbarshin O. Syzdykova, Marzhan K. Ahmetova, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Ценность – это явление, которое связывает человека с миром. Теория ценностей, изначально сформировавшаяся как философская концепция, впоследствии стала объектом исследования литературоведения, культурологии, истории и других областей гуманитарных наук, включая лингвистику.

Известный ученый И.А. Стернин определяет ценности как «социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением» [Стернин, 1996: 108]. «Ценности определяют мировоззрение общества в целом, его отдельных социальных групп и индивидов, а также формируют поведенческие установки людей» [Ценности казахстанского общества в социологическом измерении, 2020: 5]. Если обратить внимание на то, что каждый человек является представителем определенной нации, можно заметить, что каждый народ обладает уникальными национальными ценностями, которые существенно влияют на его становление и развитие. У каждого народа есть своя культура, традиции, обычаи, искусство, литературное наследие, национальные игры, национальная идеология и другие элементы, которые признаются ценностями данной нации. Национальные ценности сохраняются в культуре и традициях каждого народа. По мнению А.Ю. Шадже, который изучал национальные ценности на основе обычаев и убеждений, содержание понятия «национальные ценности» можно определить как ценности, признаваемые конкретной этнической общностью. Основой национальных ценностей является осознанное понимание своей этнической принадлежности и следование ее ценностям. Национальные ценности обладают особым, самостоятельным характером и отражаются, прежде всего, в духовной жизни и в сфере культуры [Шадже, 1966: 64]. В своем исследовании «Национальные коды в казахском языке» ученый А. Салкынбай подчеркивает «значение национальных ценностей для общечеловеческой культуры». Она отмечает, что «ценности казахской национальной культуры – это, прежде всего, культурные ценности самого себя, своих родителей, своей семьи, своего села, своего края, Родины» [Салкынбай, 2021: 12; 29]. Человеку необходимо осознать свои ценности в целях определения своего места в истории и обществе, а также развивать свою личность [Салкынбай, 2021: 11]. Личные ценности формируются в контексте факторов, влияющих на национальные ценности в данном обществе и пространстве. По мнению А.Н. Усачевой, ценности – это «исторически сложившиеся, обобщенные представления людей о типах своего поведения, возникшие в результате оценочно-деятельностного отношения к миру, образующие ценностную картину мира,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

закрепленную в сознании представителей отдельного этноса и зафиксированную в языке этого этноса» [Усачева, 2002: 26].

Национальные ценности являются основой развития личности и социальной идентичности человека. Возрождение национальных ценностей возможно через формирование основ духовно-нравственных качеств каждого человека. Поэтому особенно важно изучать ценностную проблему в лингвокультурологическом, психолингвистическом, социолингвистическом и других направлениях. Лингвистическая дифференциация национальных ценностей открывает новые возможности для исследования национального языкового сознания.

Сознание – это одновременно философская и психологическая категория. Оно является одним из основных понятий философии, социологии и психологии, высшей формой психической рефлексии, свойственной человеку и связанной с речью.

Сознание. *Им.сущ. 1. Высшая форма идеального представления объективной реальности, присущая только человеку. 2. перен. Знания, мудрость. 3. перен. Мысль, разум. ум. 4. психол. Совокупность образов чувств и мыслей. 5. Наука, знания, обучение. 6. Мышление, деятельность. 7. перен. Память, мысль, внимание* [Казахский словарь, 2013: 1110].

Осмысление понятия «сознание» как объекта исследования, связанного с языком, культурой и этносом, способствовало введению в научный оборот понятий «языковое сознание», «национальное сознание», «этнокультурное сознание». Национальное сознание является продуктом длительного исторического развития, а его центральным компонентом выступает национальное самосознание. В структуру национального сознания, помимо национального самосознания, входят и другие элементы, такие как осознание нацией необходимости своего единства, целостности и сплоченности для реализации своих интересов, понимание важности обеспечения добрососедских отношений с другими этническими общностями, бережное отношение нации к своим материальным и духовным ценностям и другие аспекты [Крысько, 2011: 77].

Язык передает и сохраняет национальное сознание, культурный и исторический опыт, наследие народа, говорящего на этом языке из поколения в поколение. Это объясняется кумулятивной функцией языка, позволяющей определить роль языковых единиц, представляющих национальные ценности в современном полиэтническом пространстве. К самым надежным и мощным силам устойчивого развития народа относится наследственная деятельность языка не только как средства общения, но и как носителя знаний, передающих из поколения в поколение факты прошлой жизни, народную мудрость, национальные

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

традиции, культуру и наследие предков. Национальный язык является не только средством познания самой нации, но и основой для единства народов, сохранения страны и развития государства [Кайдар, 2009: 4]. Следовательно, язык – это не только коммуникативное средство, но и комплексное понятие, определяющее культуру на основе языкового общения [Манкеева, 2014: 206].

Сохранению национальной идентичности в многоязычном и поликультурном пространстве, а также формированию национальных ценностей, способствуют семья, детский сад, школа, вуз, научно-исследовательские институты, государственные учреждения, средства массовой информации и другое.

2 | Материалы и методы исследования

В качестве материалов исследования использованы результаты ассоциативного эксперимента.

Ассоциативный эксперимент – это метод, основанный на выявлении ассоциаций, сформировавшихся у человека. Различают три вида ассоциативного эксперимента: свободный, направленный и последовательный. Нами был выбран эксперимент со свободными ассоциациями, в ходе которого информанты могли свободно выбирать свою реакцию на слово-стимул. Свободный ассоциативный эксперимент был проведен на казахском языке, родном для информантов, дистанционно, через Google Forms. Респондентам предлагалось ответить на конкретные вопросы с целью сбора информации о факторах, формирующих национальные ценности в полиэтничном пространстве. Никаких дополнительных советов или инструкций в ходе эксперимента респондентам не давалось, что обеспечило спонтанности их реакций.

В ходе исследования мы придерживались традиционной схемы ассоциативного эксперимента: *слово-стимул – слово-реакция*. Ассоциативность слова-стимула определяется связью между стимулом и реакцией. Слова-стимулы – это языковые единицы, предлагаемые исследователем участникам эксперимента, а реакции – ассоциации, написанные респондентами в ответ на слова-стимулы. В исследовании в качестве слов-стимулов использовались слова *домбра, сундук и шанырак*.

В опросе приняла участие казахстанская молодежь в возрасте от 17 до 35 лет (62 информанта). Это поколение, родившееся в 1990-2000 годы, выучившее несколько языков и выросшее в поликультурной и полиэтничной среде. На последнем этапе исследования нами был использован статистический метод для анализа результатов ассоциативного эксперимента и формирования выводов.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

3 | Общий обзор исследования: результаты и обсуждение

В данном разделе представлены результаты, полученные в ходе ассоциативного эксперимента. Обсуждение результатов осуществлялось методами сравнения, анализа и интерпретации полученных данных. В ходе эксперимента была проанализирована структура ассоциативного поля идиоэтнических лексем *домбра, сундук, шанырак* в сознании казахской молодежи в полиэтническом пространстве.

М.М. Копыленко отмечал: «Всякое произнесенное, услышанное или прочитанное слово вызывает у человека целый ряд ассоциаций. При всем том, что в ассоциациях немало индивидуального, специфичного для каждого человека, давно отмечено, что у многих людей возникают одинаковые ассоциации, в которых отражаются условия существования тех или иных общественных групп» [Копыленко, 1998: 246]. В ассоциациях, помимо «условий существования определенных социальных групп», фиксируются также важные понятия, выражающие отношение представителя данной группы к миру, окружающей среде, ценностям в обществе.

Посредством свободного ассоциативного эксперимента были определены ассоциации казахской молодежи к словам-стимулам *домбра, сундук, шанырак,* функционирующим в полиэтническом пространстве, и факторы, способствующие формированию данных ассоциаций слов-стимулов.

4 | Ассоциативное поле слова-стимула *домбра*

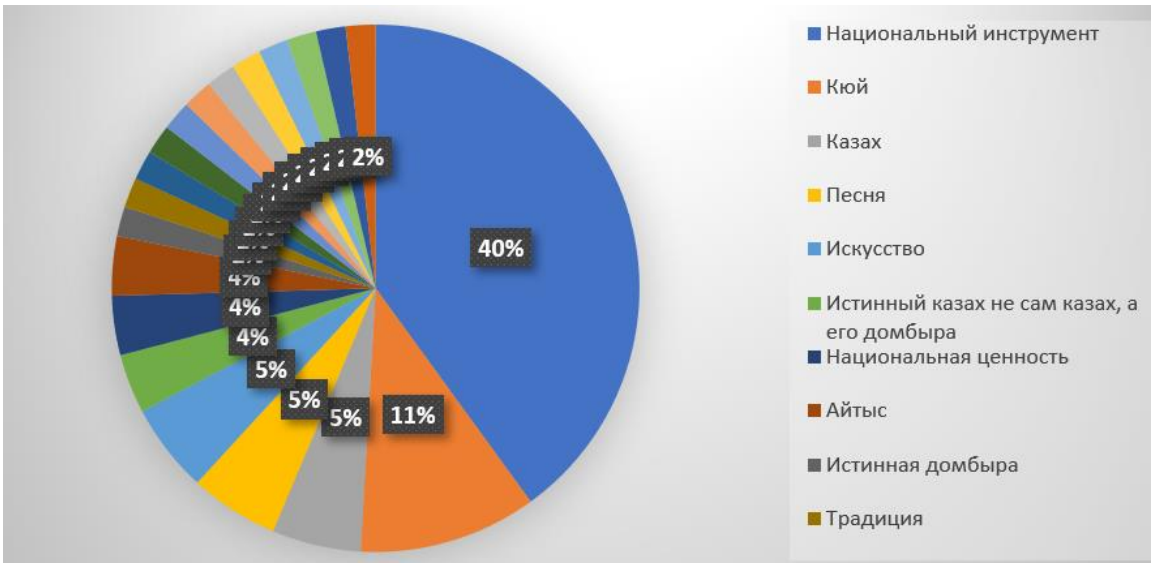
Домбра – двуструнный, многоладный музыкальный инструмент казахского народа [Казахский словарь, 2013: 375]. О происхождении слова «домбра» учёный К. Жубанов говорит следующее: «По нашему мнению, русская «домра», казахская «домбра», арабское «тамбӯр», бенгальское «тамыр», греческое «тамир» – это все одно и то же. Все это название концепции, которая была символом музыкальной вершины в древности. От того же слова «тамыр»/«дамыр», с одной стороны, должны были образоваться слова «тәмир», с другой – «йамыз». Так что слово «домбра» – это не слово, пришедшее из одной страны. Этот инструмент не мигрировал из одной страны. Должно быть имя одного тотема, который распространялся равномерно по всем евразийским странам, и во всех них считался создателем музыки» [Жубанов, 2010: 284]. По мнению академика А. Жубанова, изучавшего историю музыкального искусства, слово «домбра» произошло от сочетания арабских слов «дунбах» и «бурра», означающих «бараний хвост» [Традиционная система этнографических категорий,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

понятий и названий у казахов, 2011: 643]. Ученый связывает название домбры с формой ее корпуса.

При анализе и обобщение данных, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, были определены частотность реакций испытуемых на слово-стимул и построение его ассоциативного поля. Реакции слова «домбра» по убыванию их частотности могут быть выражены следующим образом: *национальный инструмент (22), кюй (6)*, *казах* (3), *искусство* (3), *песня* (3), *айтыс* (2), *истинный казах – не сам казах, а его домбыра* (2), *истинная домбыра (1), домбыра (1), национальная ценность (1), традиция (1), кюй Адай (1), «Лебедь» (1), «Баловница-кокетка» (1), песня «Приди, луна моя»* (1); *Курмангазы Сагырбайулы (1), Абай Кунанбаев (1), одно из 7 сокровищ (1), мелодия (1), легенды (1) (см. диаграмму 1).*

Диаграмма 1. *Ассоциативное поле слово «домбра»*

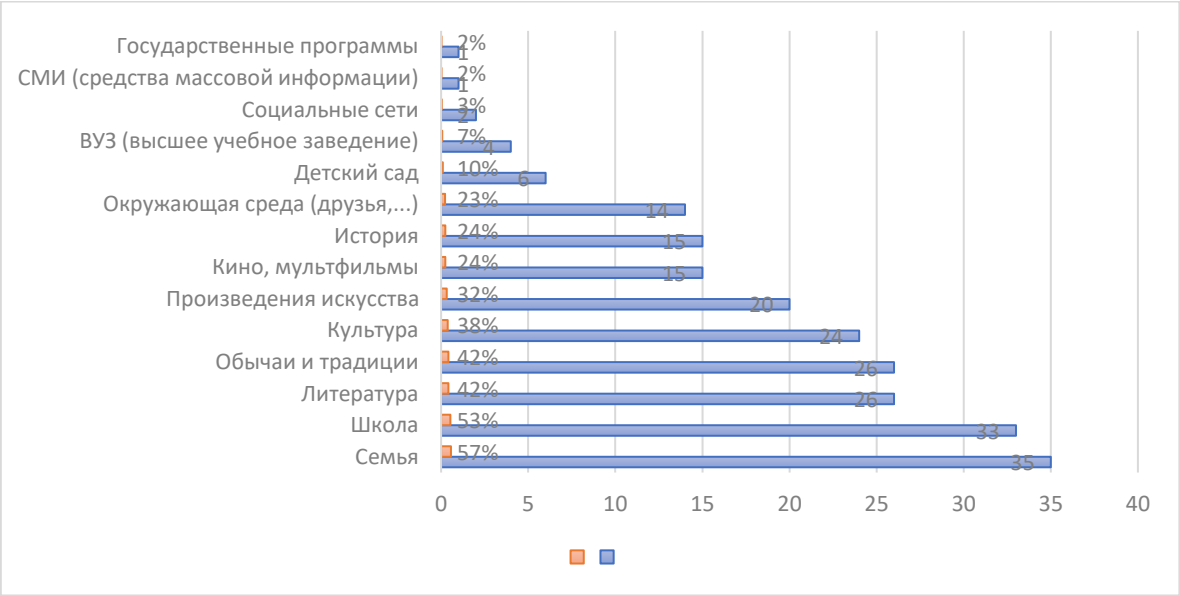


Общее число реакций в ассоциативном поле слово-стимула *домбра* - 20, из них различных реакций - 7, число реакций происходящих только один раз - 13. Во время анализа наиболее распространенной реакцией на слово-стимул оказался «национальный инструмент».

Среди основных факторов, влияющих на формирование понятий о домбре в языковом сознании молодежи наиболее активными являются *семья* (35; 57 %), *школа* (33; 53 %), *традиции, обычаи, литература* (26; 42 %), *культура* (24; 38 %). %), *произведения искусства* (20; 32 %), напротив, факторы с низким влиянием: *социальные сети* (2; 3 %), *средства массовой информации* (1; 2 %) и *государственные программы* (1; 2 %) (см. диаграмму 2).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Диаграмма 2. *Факторы, повлиявшие на формирование понятия о домбре*



Полученные в результате ассоциативного эксперимента реакции испытуемых разделяют на синтагматические и парадигматические ассоциации [Овчинникова, 2002]. В ходе дифференциации экспериментальных данных были определены парадигматические и синтагматические типы ассоциатов в зависимости от связи слово-реакции со словом-стимулом.

Синтагматические ассоциации формируются на основе сочетания слова-реакции со словом-стимулом. Синтагматический ассоциат слова-стимула «домбра» – *истинная домбыра*.

К парадигматическому типу ассоциатов относятся слова, принадлежащие к тому же классу слов, что и слово-стимул. Парадигматические ассоциаты слово-стимула «домбра»: *кюй, традиция, казах, Абай, Курмангазы, музыка, искусство, «Адай», «Лебедь», «Баловница-кокетка», легенды, айтыс*. При анализе ассоциаций парадигматического типа можно выделить еще и родо-видовые отношения между ассоциатами: национальный инструмент – домбра; кюй – «Адай», «Лебедь», «Баловница-кокетка»; искусства – музыка, кюй, песня, айтыс.

Сходство ассоциатов на данное слово-стимул позволяет определить семантическую близость между ними. Основным критерием семантической близости является смысловая близость слово-стимула и реакций ассоциатов. Слова-реакции, семантически близкие к слову-стимулу *домбра: домбра – национальный инструмент; домбра – кюй; домбра – национальная ценность; домбра – айтыс; домбра – песня; домбра – музыка*. Семантическая близость между данными языковыми единицами объясняется смысловой близостью семантической структуры слова-стимула и слова-реакции.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

По мнению А. Вежбицкой, «язык носит антропоцентрический характер, поэтому он отражает своеобразие как культуры, традиции, истории, так и национального характера его носителей» [Вежбицкая, 1996]. То есть семья занимает первое место среди факторов формирующих национальные ценности в полиэтническом пространстве.

5 | Ассоциативное поле слова-стимула *«сундук»*

Значение слова «сундук» в казахском языке академик Р. Сыздыкова объясняет по использованию данной лексической единицы в произведении Кадыргали би Косымулы «Джами ат-тауарих»: «Слово «сундук» здесь, конечно, не тот сундук, который мы знаем сегодня (в который кладут вещи, продукты, одежду). Ящик (саркофаг), в который помещают умерших, назывался сундуком, что является частью погребальной традиции оседлых народов Средней Азии (узбеков, таджиков и др.). Сундук в основном изготавливается из деревянных частей, таких как доски и небольшие бревна. Скорее всего, подобные ящики-саркофаги были пригодны не только для размещения на сегнеях, но и для переноски тел погибших в походе в определенное место. Поэтому Рашид ад-дин и Кадыргали би использовали слово сундук для обозначения гроба. ... ни в поэтических песнях, ни в устной литературе XV-XVIII веков нет слова сундук со значением саркофаг» [Сыздыкова, 2014: 145-146]. В этнолингвистическом словаре академика А. Кайдара данное слово описывается так: «Сундук – это хозяйственное имущество, имеющее железное покрытие снаружи. В повседневной жизни казахского народа существует несколько обрядов, связанных с сундуком. Например, не следует ночью открывать сундук – это связано с поверьем, что это «к смерти домочадцев». Казахи ночью при крайней необходимости, когда открывали сундук, произносили: «змея вошла». Причина этого в том, что казахи-кочевники открывали сундук только утром, а в остальное время только в связи со смертью. А когда у беременной женщины начинаются роды, ее сундук должен быть открыт – считалось, что если сундук открыт, то роды пройдут легче и она родит быстро» [Кайдар, 2013: 286]. Согласно определению в «Казахском словаре», «сундук – это предмет мебели в виде шарнирного куба, изготовленный из дерева либо железа, предназначенный для хранения одежды и предметов домашнего обихода, окрашенный в различные цвета, украшенный ажурной жестью, покрытый узорчатыми косточками, с ручками с обеих сторон и запирающейся крышкой [Казахский словарь, 2013: 1112].

В этимологических словарях русского языка слово «сундук» трактуется как слово, заимствованное из турецкого языка: «Сунду́к. Заимств. не позднее XV в. из тюрк. яз., в которые оно пришло через посредство араб. яз. из греч. (ср. греч. syndokeion)» [Шанский Н.М. //

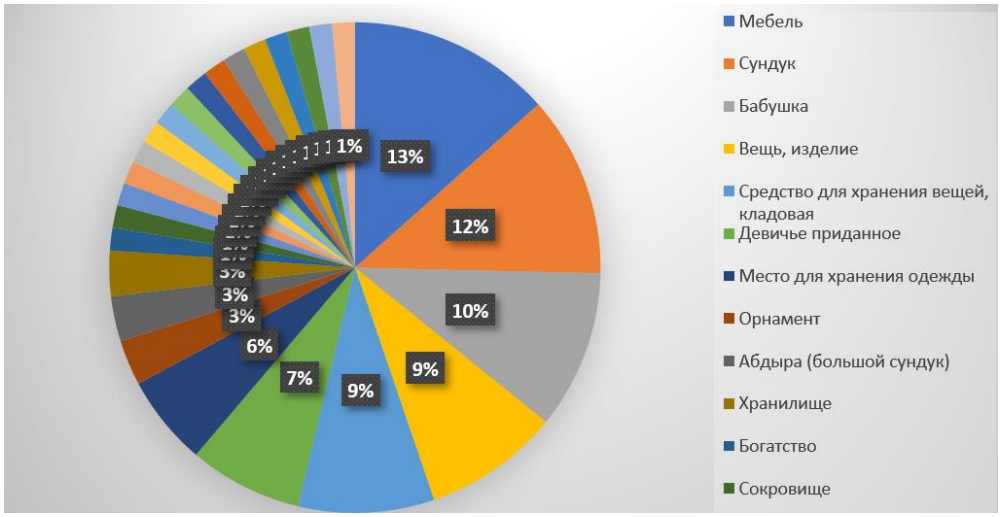
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://lexicography.online/etymology/shansky]; «Сунду́к. Заимствование из греческого через тюркское посредство» [https://lexicography.online/etymology/krylov/]. По словарю Макса Фасмера: сунду́к род. п. -а́, укр. сунду́к, др.-русск. сундукъ (Домостр. К 14; Хожд. Котова 94, Котошихин 36). Заимств. из тюрк.; ср. чув. sundəχ "ящик, шкаф, коробка", кыпч. sunduq, synduq (К. Грёнбек, Kuman. Wb. 225), чагат., тар. sanduk, тур., крым.-тат., казанско-тат., казах. sandyk "ящик" (Радлов 4, 306 и сл., 308), источник которых – араб. ṣandûḳ, ṣundûḳ – возводили к греч. συνδοχεῖον или συνδοκεῖον; см. Mi. TEl. 2, 152; EW 288; Крелиц 48; Фасмер, Гр.-сл. эт. 194 и сл.; Рясянен, TschL. 196. В греч. происхождении сомневаются Локоч 145; Майдхоф, "Glotta", 10, 17 и сл. [Фасмер, 1987: 803]. «Сундукъ м. татрс. Укладка, вольный ящикъ, съ крышкою на навескахъ, обычно съ замкомъ, нередко окованый и со скобами. Сундуки и коробьи – коренная русская утварь» [Даль, 1863]; «Сундук. Тяжелый напольный ящик для хранения вещей с крышкой на петлях и с замком. Кованый с. (обитый железом)» [Ожегов, 1990: 778].

Сундук – один из древнейших предметов мебели, который использовался в быту казахского народа с ранних времен. Если обратить внимание на лексикографические данные, то отличий в значении и использовании слова «сундук» в других языках нет.

В ассоциативное поле слово-стимула *сундук* вошло 67 реакций. При анализе и обобщении данных, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, реакции слова «сундук» были определены по убыванию их частотности следующим образом: *мебель (9), сундук (8), бабушка (7), изделие, вещь (6), средство для хранения вещей, кладовая (6), девичье приданое (5), место для хранения одежды (4), орнамент, узор (2), большой сундук (2), хранилище (2), богатство (1), сокровище (1), золото (1), шкатулка (1), одеяло (1), красивое (1), сейф (1), деревня (1), дом (1), предок (1), молодая невеста (1), драгоценности (1), ткань (1), платок (1) камзол (1), юрта (1) (см. диаграмму 3).*

Диаграмма 3. Ассоциативное поле слово «сундук»



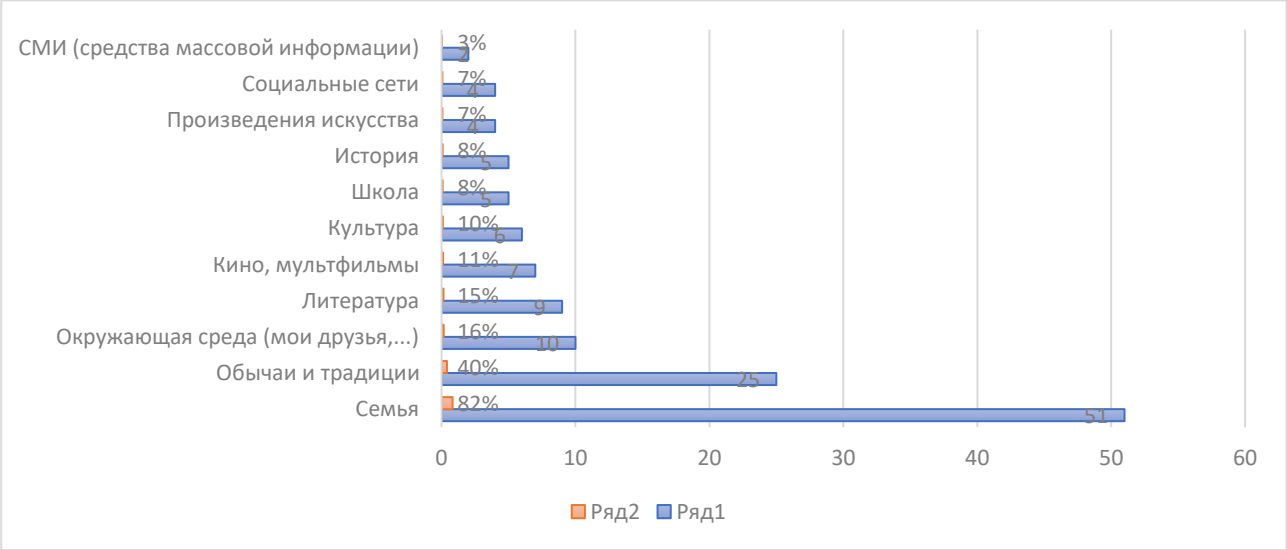
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Как видно из диаграммы, наиболее частой реакцией слово-стимула *сундук* является мебель (9). В сознании респондентов слово сундук ассоциируется, прежде всего, с мебелью. В традиции казахского народа сундук также используется в качестве приданого девушки. В ответах респондентов данное значение представлено ассоциатами как *приданое девушки* (5), *молодая невеста* (1).

Общее количество реакций в ассоциативном поле слово-стимула «сундук» – 29, из них 13 различных реакций, реакций, использованных только один раз – 16.

Среди основных факторов, влияющих на формирование понятий о *сундуке* в языковом сознании молодежи, наиболее активными являются семья (51; 82%), а также традиция и обычаи (25; 40%). При этом 7% упомянули социальные сети, 3% – СМИ (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4. Факторы, повлиявшие на формирование понятия слова «сундук».



Синтагматические ассоциаты слова-стимула «сундук»: *большой (сундук)*; *золотой (сундук), красивый (сундук*).

Исследователи отмечают, что «парадигматические ассоциации подчиняются принципу «минимального контраста», согласно которому, чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе» [Белянин, 2011: 131].

При анализе ассоциаций парадигматического типа можно выделить синонимические и родо-видовые отношения между ассоциатами: синонимические отношения между ассоциатами: вещь – предмет, орнамент – узор, изделие – вещь, хранилище – кладовая; родо-

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

видовые отношения между ассоциатами: мебель – сундук; одежда – платок, камзол; дом – юрта; богатство – сокровище, драгоценность, золото.

6 | Ассоциативное поле слова-стимула *«шанырак»*

Шанырак – одна из этнокультурных единиц, занимающих особое место в образе жизни, культуре и национальном самосознании казахского народа.

Шанырак – 1. *этн.* На крыше юрты находится круглый круг с планками, скрепляющими гнезда. 2. *перен*. Родной дом. 3. *перен*. Орда, место. 4. *перен*. Династия, ветвь. 5. *Перен*. Семья [Кайдар, 2009: 1390].

Согласно этимологическому анализу ученого А. Кайдара, корень слова шанырак – «шаң», его буквальное значение – «смотреть на свет» [Кайдар, 2005: 272].

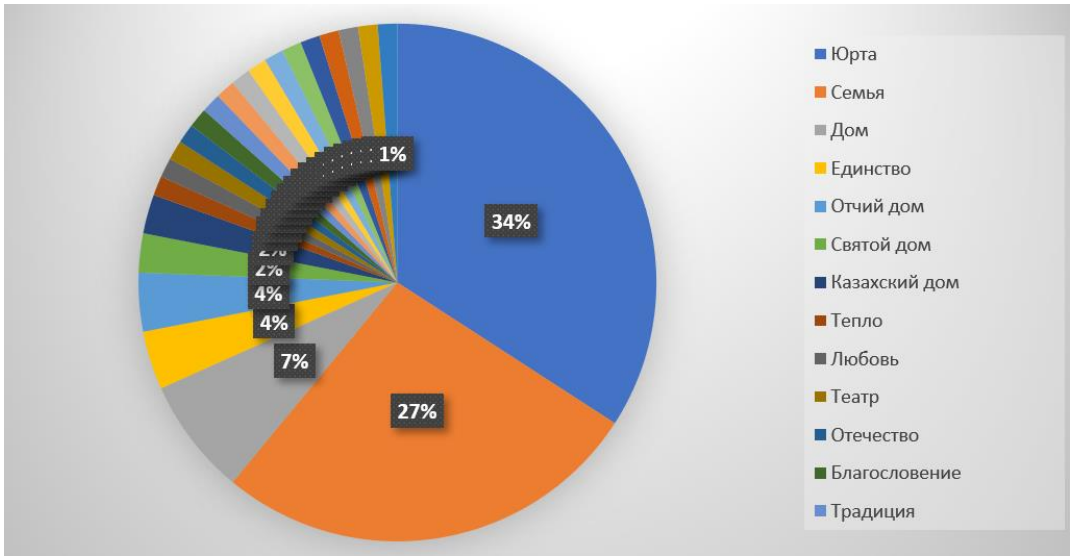
На основе определений в словарях, основное значение слова *шанырак* характеризуется понятиями «родной дом», «семья», «родина». А тип, идентичность определяется значениями «дерево юрты», «верхняя часть дома».

Лексема «*шанырак*» трактуется в казахском языке в зависимости от применения этого слова по разному. и часто встречается во фразеологических и паремиологических единицах. Например, *шанырак көтеру (жениться), қара шанырак (родной дом), шанырағы биік болсын* (пусть шанырак будет высоким) и т.д.

При анализе и обобщении данных, полученных в ходе ассоциативного эксперимента реакции слова "шанырак" были определены по убыванию их частотности следующим образом: *юрта (28), семья (22), дом (6), единство (3), отчий дом (3), святой дом (2), казахский дом (2), тепло (1), любовь (1), театр (1), отечество (1), благословение (1), высокий (1), традиция (1), хозяин дома (1), круг (1), кочевой дом (1), родители (1), бабушки и дедушки (1), у каждого дома свой очаг (1), место, где он вырос (1), святой порог (1), Родина (1), обитель счастья (1) (см. диаграмму 5).*

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

*Диаграмма 5. Ассоциативное поле слова «*шанырак*»*

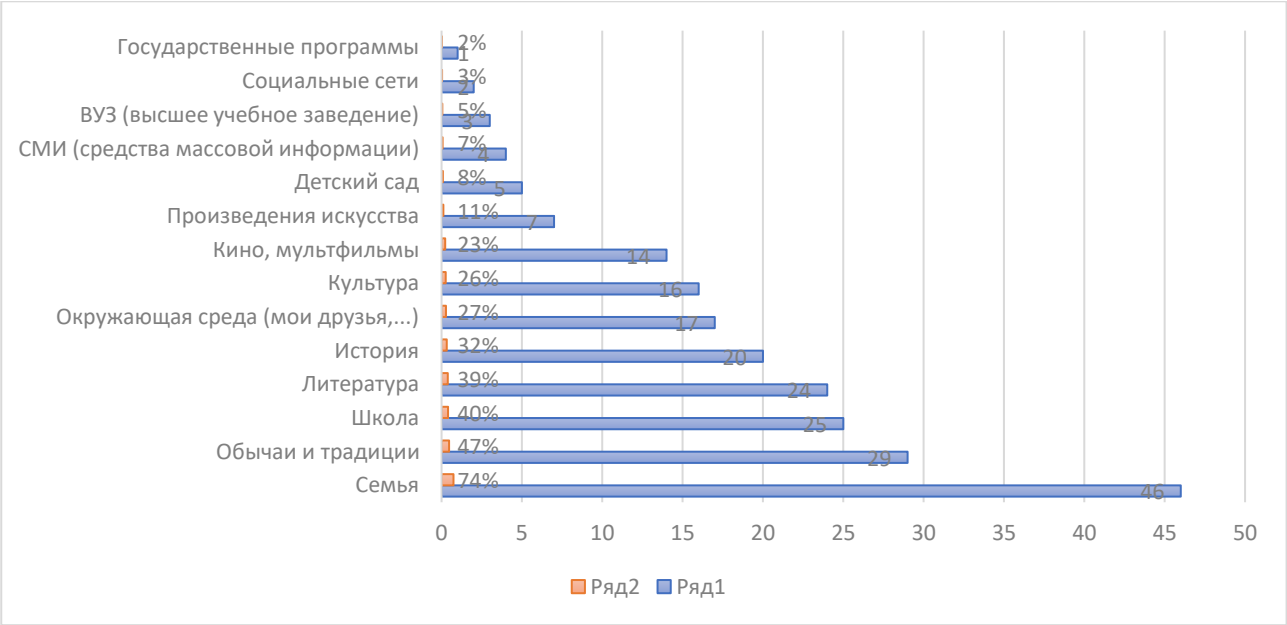


Общее число реакций в ассоциативном поле слова-стимула шанырак - 24, из них различных реакций - 7, встретившиеся только один раз - 17. Как показали результаты исследования, наиболее распространенной реакцией является слово «юрта» (28).

Среди факторов, способствовавших формированию ассоциаций по отношению к слову «*шанырак*», наибольшее количество респондентов отдают предпочтение семье (46; 74%), традициям, обычаям (29; 47%), школе (25; 40%), литературе (24; 39%), истории (20; 32%), с другой стороны, социальные сети (2; 3%) и государственные программы (1; 2%) являются наименее значимыми факторами (см. диаграмму 6).

Диаграмма 6

Факторы, повлиявшие на формирование понятия слова «шанырак»



ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Парадигматические ассоциации слово-стимула *шанырак* связаны со словами-реакцией: *юрта, семья, дом, казахский дом, порог, единство, отечество, традиция, благоденствие, родина;* синтагматические ассоциации: *высокий шанырак, святой шанырак.*

Реакции, семантически близкие к слову-стимулу *шанырак*: *шанырак – юрта, шанырак – семья, шанырак – дом, шанырак – тепло, шанырак – обитель счастья, шанырак – родители, шанырак – бабушка и дедушка, шанырак – место взросления, шанырак – святой порог, шанырак – место счастья*.

При анализе ассоциаций парадигматического типа можно выделить синонимические и родо-видовые отношения между ассоциатами. Синонимические отношения между ассоциатами: отечество – родина; семья – дом – очаг; родо-видовые отношения: дом – юрта.

7 | Заключение

На современном этапе развития казахстанского общества, когда на фоне глобализации государство создает все условия к возрождению и бережному отношению духовной культуры казахов, проблема изучения национальных ценностей, а также их отражения в национальном языке, имеет особую важность.

Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди казахстанской молодежи (62 респондента), показали, что лексемы «домбра», «сундук», «шанырак» широко используются в их речи, отражая глубину погружения в национальную культуру, поскольку именно эти предметы сопровождали казахский этнос на всем его историческом пути.

При анализе и обобщении данных, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, были определены частотность реакций испытуемых на слово-стимул и структура ассоциативного поля, а также выявлено расширение лексического значения данных единиц, их универсальность. Ассоциативные связи, складывающиеся в сознании молодежи, отчетливо проявлялись в реакциях на слова-стимулы. Все это позволяет говорить, что национальная ценность артефактов, представленных данными лексическими единицами, проявилась не только в знании респондентами основных значений указанных единиц казахского языка (их материальной сущности), но и в значительном расширении их коннотативных значений, фоновых представлений и многочисленными частными и общими ассоциациями.

Многообразие представленных респондентами ассоциаций на лексемы «домбра», «сундук», «шанырак» констатирует не только сохранность знаний о данных предметах в национальной казахской культуре, но и гооворит о широте и глубине постижения их

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

значимости для казахов, что особенно важно в условиях полиэтничного социума и взаимодействия культур.

Выявление и сохранение национальных ценностей в полиэтническом пространстве важно для стабильности и перспектив развития государства. Актуальной задачей развития современного Казахстана является сохранение национальных традиций, передача национальных ценностей подрастающему поколению через воспитание не только в социуме, но и в каждой семье.

ЛИТЕРАТУРА

Белянин, В. П. Психолингвистика. Москва: Флинта, Наука, 2011. 232 с.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. и ред. М. А. Кронгауза. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 4. 1863. Режим доступа: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003833542?page=1&rotate=0&theme=white. Дата обращения: 13.05.2025.

Жубанов, К. Исследования по казахскому языку. Алматы: Институт развития государственного языка, 2010. 608 с.

Кайдар, А. Казахи в мире родного языка: этнолингвистический словарь. Т. 2: Общество. Алматы: Сардар, 2013. 656 с.

Кайдар, А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алматы: Арыс, 2005. 360 с.

Копыленко, М. М. Об «аспирине» и товарных знаках // Актуальные проблемы лингвистики. Алматы: КазГУМО и МЯ, 1998. С. 246–248.

Крылов, Г. А. Этимологический онлайн-словарь русского языка. Режим доступа: https://lexicography.online/etymology/krylov/. Дата обращения: 13.05.2025.

Крысько, В. Г. Этническая психология. Москва: Академия, 2011. 320 с.

Манкеева, Ж. Проблемы казахского языкознания. Алматы: Абзал-Ай, 2014. 400 с.

Овчинникова, И. Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: дис. … д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2002. 385 с.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Русский язык, 1990. 921 с.

Салкынбай, А. Когнитивная картина мира: национальные коды на казахском языке. Алматы: Казахский университет, 2021. 312 с.

Стернин, И. А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры //

Этнокультурная специфика языкового сознания / под ред. Н. В. Уфимцевой. Москва: Институт языкознания РАН, 1996. С. 97–112.

Сыздыкова, Р. Из истории слов. Т. 4. Алматы: Ел-шежіре, 2014. 432 с.

Традиционная система этнографических категорий, понятий и названий у казахов: Энциклопедия. В 2 т. / под ред. С. К. Акатаева. Т. 1. Алматы: DPS, 2011. 560 с.

Казахский словарь: однотомный толковый словарь казахского языка. Алматы: Дәуір, 2013. 1488 с.

Усачева, А. Н. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в английском языке: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 210 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. Москва: Прогресс, 1987. 672 с.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Ценности казахстанского общества в социологическом измерении. Алматы: DELUXE Printery, 2020. 256 с.

Шадже, А. Ю. Национальные ценности и человек (социально-философский аспект). Майкоп: Издательство Адыгейского государственного университета, 1966. 184 с.

Шанский, Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. Режим доступа: https://lexicography.online/etymology/shansky/. Дата обращения: 13.05.2025.

REFERENCES

Belyanin, V.P. (2011) *Psikholingvistika [Psycholinguistics]*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russian).

Vezhbickaya, A. (1996) *Yazyk. Kultura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]*. Translated from English and edited by M.A. Krongauz. Moscow: Russkie slovari. (In Russian).

Dal, V.I. (n.d.) *Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. Chast 4 [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, Vol. 4]*. 1863. Available at: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003833542?page=1&rotate=0&theme=white (Accessed: 13 May 2025). (In Russian).

Zhubanov, K. (2010) *Issledovaniya po kazakhskomu yazyku [Studies on the Kazakh Language]*. Almaty: Institut razvitiya gosudarstvennogo jazyka. (In Kazakh).

Kaidar, A. (2013) *Kazakhi v mire rodnogo yazyka: etnolingvisticheskii slovar, tom 2: Obshchestvo [Kazakh People in the World of Their Native Language: Ethnolinguistic Dictionary, Vol. 2: Society]*. Almaty: Sardar. (In Kazakh).

Kaidar, A.T. (2005) *Struktura odnoslozhnykh kornei i osnov v kazakhskom yazyke [The Structure of Monosyllabic Roots and Stems in Kazakh]*. Almaty: Arys. (In Russian).

Kopylenko, M.M. (1998) Ob “aspirine” i tovarnykh znakakh [On “Aspirin” and Trademarks], *Aktualnye problemy lingvistiki*, Almaty: KazGU MO i MY, pp. 246–248. (In Russian).

Krylov, G.A. (n.d.) *Etimologicheskii onlain-slovar russkogo yazyka [Etymological Online Dictionary of Russian]*. Available at: https://lexicography.online/etymology/krylov/ (Accessed: 13 May 2025). (In Russian).

Krysko, V.G. (2011) *Etnicheskaya psikhologiya [Ethnic Psychology]*. Moscow: Akademiya. (In Russian).

Mankeeva, Zh. (2014) *Problemy kazakhskogo yazykoznaniya [Problems of Kazakh Linguistics]*. Almaty: Abzal-Ai. (In Kazakh).

Ovchinnikova, I.G. (2002) *Assotsiativnyi mekhanizm v rechemyslitelnoi deiatelnosti [Associative Mechanism in Speech-Thinking Activity]*. Doctoral dissertation. St. Petersburg. (In Russian).

Ozhegov, S.I. (1990) *Slovar russkogo yazyka: 70 000 slov [Dictionary of the Russian Language: 70,000 Words]*. Edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Russkii yazyk. (In Russian).

Salkynbai, A. (2021) *Kognitivnaya kartina mira: natsionalnye kody na kazakhskom yazyke [Cognitive Worldview: National Codes in Kazakh]*. Almaty: Kazakhskii universitet. (In Kazakh).

Sternin, I.A. (1996) Kommunikativnoe povedenie v sostave natsionalnoi kultury [Communicative Behaviour within National Culture], in Ufimtseva, N.V. (ed.) *Etnokulturnaya spetsifika yazykovogo soznaniya [Ethnocultural Specificity of Language Consciousness]*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, pp. 97–112. (In Russian).

Syzdykova, R. (2014) *Iz istorii slov, tom 4 [From the History of Words, Vol. 4]*. Almaty: El-shezhire. (In Kazakh).

Akatayev, S.K. (ed.) (2011) *Traditsionnaya sistema etnograficheskikh kategorii, ponyatii i nazvanii u kazakhov: Entsiklopediya, tom 1 [Traditional System of Ethnographic Categories, Concepts, and Names among Kazakhs: Encyclopedia, Vol. 1]*. Almaty: DPS. (In Russian).

Kazakhskii slovar: odnotomnyi tolkovyi slovar kazakhskogo yazyka [Kazakh Dictionary: One-Volume Explanatory Dictionary of the Kazakh Language]. (2013) Almaty: Dəuir. (In Kazakh).

Usacheva, A.N. (2002) *Lingvisticheskie parametry kontsepta "sostoyanie zdorovya" v angliiskom yazyke [Linguistic Parameters of the Concept "Health Status" in English]*. Candidate dissertation. Volgograd. (In Russian).

Fasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka, tom 3 [Etymological Dictionary of the Russian Language, Vol. 3]*. Moscow: Progress. (In Russian).

Tsennosti kazakhstanskogo obshchestva v sotsiologicheskom izmerenii [Values of Kazakh Society in Sociological Dimension]. (2020) Almaty: DELUXE Printery. (In Russian).

Shadzhe, A.Yu. (1966) *Natsionalnye tsennosti i chelovek (sotsialno-filosofskii aspekt) [National Values and the Individual: Social and Philosophical Aspect]*. Maikop: Izd-vo Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).

Shanskii, N.M. (n.d.) *Etimologicheskii onlain-slovar russkogo yazyka [Etymological Online Dictionary of Russian]*. Available at: https://lexicography.online/etymology/shansky/ (Accessed: 13 May 2025). (In Russian).

.

Сыздыкова Гульбаршин Олжабаевна – доктор филологических наук, доцент, и.о.профессора кафедры Казахского языкознания Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан.
Адрес: 010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукана, 11
Эл. адрес: go.syzdykova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-6365-0113

Ахметова Маржан Какимовна – кандидат филологических наук, доцент, и.о. профессора кафедры Казахского языкознания Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва, Республика Казахстан.
Адрес: 010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукан, 11.
Эл. адрес: ma7988335@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-0542-1755

Gulbarshin O. Syzdykova – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Professor of the Department of Kazakh Linguistics of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan.
Address: Kazhymukan 11, Astana, Republic of Kazakhstan, 010000.
E-mail: go.syzdykova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-6365-0113

Marzhan K. Akhmetova – corresponding author, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Professor of the Department of Kazakh Linguistics of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan.
Address: Kazhymukan 11, Astana, Republic of Kazakhstan, 010000.
E-mail: ma7988335@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-0542-1755

Для цитирования: *Сыздыкова Г.О., Ахметова М.К.* Факторы, формирующие национальные ценности в полиэтническом пространстве Казахстана // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 174–191. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-174-191

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

For citation: *Syzdykova G.O.*, *Akhmetova M.K.* Factors shaping national values in the multiethnic space of Kazakhstan // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 174–191. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-174-191

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 10.02.2025;
approved after reviewing 13.06.2025;
accepted for publication 25.09.2025.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-192-209

КАНСАЙСКИЙ ДИАЛЕКТ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ И СИМВОЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 81'27

Егор С. Баранов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,

Российская Федерация

Аннотация
В статье исследуется функционирование кансайского варианта японского языка в современном коммуникативном пространстве региона Кансай. Особое внимание уделяется функционированию данного регионального варианта в качестве средства повседневного общения и символа региональной идентичности. Эмпирическую базу исследования составили данные социолингвистического анкетирования (179 респондентов в возрасте от 18 до 28 лет) и серии интервью, проведённых в студенческой среде Киото. Анкета включает следующие блоки: социодемографический, языковая биография, языковые компетенции, языковые практики, отношение к языку. Результаты исследования показали, что для кансайского диалекта в равной степени характерны обе функции: коммуникативная — как средство повседневного общения и символическая — как маркер региональной идентичности. Следует отметить, что он активно используется в неформальных и частных ситуациях и сферах коммуникации (в семье, между друзьями, в повседневном общении), тогда как в официально-деловой сфере его употребление ограничено. В то же время диалект воспринимается носителями как важный маркер локальной культуры и идентичности. Таким образом, кансайский языковой вариант сохраняет высокий уровень витальности: он служит удобным инструментом общения в повседневной жизни и одновременно поддерживает чувство общности и культурной непрерывности в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: японский язык, кансайский диалект, региональные варианты языка, функциональное распределение языков, коммуникативные ситуации, языковая идентичность

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Егор С. Баранов, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-192-209

KANSAI DIALECT AS A TOOL OF EVERYDAY COMMUNICATION AND A SYMBOL OF REGIONAL IDENTITY

UDC 81'27

Egor S. Baranov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,

Russian Federation

Abstract
This article investigates the functioning of the Kansai variety of Japanese within the contemporary communicative landscape of the Kansai region. Special attention is given to assessing the extent to which this regional variety operates both as an everyday means of communication and as a symbol of regional identity. The study draws on empirical data from a sociolinguistic survey of 179 respondents aged 18 to 28, complemented by a series of interviews with university students in Kyoto. The questionnaire included standard sections on sociodemographics, language background, self-reported proficiency, domain-specific language use, and language attitudes. The results of the study showed that the Kansai dialect is equally characterized by both functions: communicative - as a means of everyday communication and symbolic - as a marker of regional identity. It is actively employed in informal and private domains, such as within families, among friends, and in everyday interactions, whereas its use in formal and official contexts is significantly constrained. Simultaneously, speakers perceive the dialect as a salient marker of local culture and identity. These results suggest that the Kansai variety exhibits high vitality, functioning as a practical tool for daily interaction while sustaining regional belonging and cultural continuity.

KEYWORDS: Japanese language, Kansai dialect, regional language varieties, functional distribution of language, communicative situations, linguistic identity

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Egor S. Baranov, 2025

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

В истории японского языка не существовало прямой линии развития от древнеяпонского к современному. На разных этапах возникало несколько конкурирующих вариантов, которые то взаимодействовали, то, напротив, соперничали между собой. Сосредоточение политической власти и развитие образовательных институтов способствовали стабилизации и унификации языка, что постепенно привело к формированию стандартизованной языковой нормы и региональных диалектов (вариантов) языка. На протяжении веков столичные варианты – сначала вариант Хэйан (Киото), затем Эдо (Токио) – приобретали статус престижных образцов речи. Тем не менее, локальные разновидности языка сохраняются и сегодня: они продолжают активно использоваться в быту и культуре, выполняя важные идентификационные функции. Ярким примером является кансайский вариант японского языка, долгое время служивший основой языка литературы и до сих пор обладающий высоким престижем. Несмотря на определённую тенденцию к увеличению коммуникативной значимости токийского стандарта (особенно это заметно в формальных ситуациях и сферах общения), стоит отметить, что жители региона Кансай активно используют местный вариант в неформальной сфере и воспринимают его как часть своей региональной культуры. Закономерно возникновение вопроса о том, является ли сегодня кансайский вариант символом региональной идентичности или сохраняет роль полноценного средства повседневной коммуникации. В связи с этим автором статьи была предпринята попытка выявить специфику функционирования кансайского варианта японского языка в современной языковой практике региона на материале ряда типичных коммуникативных ситуаций. Прежде чем перейти непосредственно к обсуждению полученных результатов, представляется необходимым кратко осветить историю формирования норм японского языка и охарактеризовать роль кансайского варианта в этих процессах.

1.1 Формирование и развитие языковой нормы в японском языке

«В Японии на рубеже первого и второго тысячелетия нашей эры не существовало стандартного языка (то, что подразумевается под *хё:дзюнго*) в современном понимании этого термина, однако существовали варианты с элементами социально обусловленной нормы. В период Нара (710–794 гг.) в государстве Ямато таким вариантом был *яматого* (大和語), а с периода Хэйан (794–1185 гг.) вплоть до конца периода Муромати (1336–1573 гг.) киотский

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

вариант (*кё:того*, 京都語). С появлением сёгуната Токугава (1603–1867 гг.) постепенно сформировался уникальный вариант Эдо (*эдого*, 江戸語), в основе которого лежал вариант Канто (*канто:го*, 関東語) с добавлением элементов вариантов Киото и Осака (*кэйханго*, 京阪語), а также варианта Микава (*микаваго*, 三河語). Изначально вариант Эдо использовался лишь в пределах самого Эдо и его окрестностей, но с течением времени, по мере того как этот вариант стал распространяться по стране через литературные произведения, положение стандартного языка стало предметом конкуренции между Киото-го и Эдо-го (вариантами Киото и Эдо). При этом сохранялось превалирование вариантов Осака и Киото в качестве литературных».[40] [*Kokugogaku jiten*, 1955: 776–777]. В эпоху Мэйдзи (1868–1912) на фоне европеизации прежние формы письма, прежде всего *камбун*, были признаны непригодными для новых условий. С 1880-х годов писатели и языковеды активно выступали за *гэмбун итти* (言文一致) – единство устной и письменной речи. В результате к началу XX века был сформирован новый литературный язык на разговорной основе, противопоставленный *бунго*[41] и получивший название *ко:го* (口語). В 1902 году был учреждён Совет по изучению японского языка (*кокуго тё:са инкай*, 国語調査委員会). В 1916 году появилась первая нормативная грамматика этого языка (*ко:гохо*, 口語法). После 1945 года *ко:го* стал использоваться и в официальной сфере, окончательно вытеснив прежний письменный стиль [Алпатов, 2008]. Одновременно с распространением *ко:го* сохраняется устойчивое разнообразие диалектов, особенно в регионе Кансай. Региональные варианты продолжают активно функционировать в

[40] 過去の日本には、もちろん厳密な意味での標準語は確立していなかったと思われるが、規範的、理想的国語としての標準語はあった。奈良時代の大和語、平安時代以後室町末期に至る京都語が、それであった。徳川幕府が出現すると、関東語を中心とし、それに京阪語・三河語を加えて独特の江戸語が徐々に成立した。江戸語は初めは四里四方の江戸府内にだけ行われたが、文学作品を通じて各地に普及し始めた江戸後期には、標準語の位置が京都語と江戸語との間で争われるようになった。しかし、標準語としての京阪語の優越性はなお維持された。

[41] Старописьменный японский язык — язык классической литературы Японии, сформировавшийся более тысячи лет назад в эпоху Хэйан в IX–XII вв. и сохранившийся до наших дней. В течение многих веков японский язык существовал в двух различных формах: разговорной и литературной. Со временем за этими формами закрепились названия: 口語 ко:го «устный язык» и 文語 бунго «письменный язык». Сейчас во всех сферах общественно-языковой практики господствует новый язык на основе ко:го, однако бунго не исчез: он сохраняется в стихотворных строках, изречениях, поговорках, также нередко встречается в классической литературе и употребляется для стилизации под старину и торжественность; нередко в виде отдельных грамматических форм в лозунгах, объявлениях и газетных заголовках. [Маевский, 1991: 3–4]

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

искусстве, быту, медиа и воспринимаются как «язык для своих», противопоставляемый «языку для чужих», то есть официальной норме [Алпатов, 1988; Алпатов, 2008]. Как подчёркивается в англоязычных исследованиях [Asahi et al., 2022: 632–633], современный стандартный японский язык представляет собой не естественно сформировавшуюся норму, а койне – разновидность, сформировавшуюся в ходе официального устного общения между представителями разных регионов на протяжении нескольких столетий. В частности, отмечается, что вариант японского языка, широко использовавшийся для устного общения в Японии, основан на определённой форме койне, которая сформировалась в результате использования языка в формальных контактах на протяжении нескольких сотен лет[42] [Asahi et al., 2022: 632]. Это койне было стандартизировано и распространено через систему образования, вступительные экзамены, средства массовой информации и информационные технологии [Asahi et al., 2022]. До конца Второй мировой войны региональные диалекты, включая кансайский, были официально запрещены в школьной среде в рамках кампании по искоренению диалектов (*хо:гэн бокумэцу ундо:*, 方言撲滅運動) [Asahi et al., 2022: 632].

Процесс стандартизации сопровождался усилением влияния токийской речи, которая постепенно стала ассоциироваться с представлениями о языковой норме. В «Справочнике по японским диалектам»[43] подчёркивается, что молодое поколение в Токио воспринимает свой вариант как стандартный, причём он не ограничивается формальной сферой: то, что молодое поколение в Токио считает стандартным японским, отличается от того, что считается таковым в регионах, поскольку не ограничивается официальной речью[44] [Kibe et al., 2025: 661]. Авторы также отмечают: поскольку токийцы считают, что их язык является стандартным японским, разговорная речь Токио, без сомнения, продолжит оказывать влияние как «сленг стандартного языка»[45] [Kibe et al., 2025: 661]. Таким образом, на фоне распространения токийской нормы сформировалась установка, согласно которой основной вариант воспринимался как само собой разумеющееся явление, оказывающее влияние на всю языковую ситуацию в стране.

[42] The variety of Japanese that has been employed for oral communication in the wider network in Japan is based on some form of koiné which has been formulated through the use of the language in formal encounters over several hundred years — здесь и далее — перевод автора

[43] Handbook of Japanese Dialects [Kibe et al., 2025]

[44] What the younger generation of Tōkyō consider to be Standard Japanese differs from what is considered Standard Japanese in regional Japan, in that it is not limited to formal language

[45] With Tokyoites believing that their language is Standard Japanese, the casual language of the Tōkyō region will no doubt continue to exercise influence as “standard language slang”

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Однако в других регионах, в частности, в регионе Кансай, отношение к собственному варианту складывалось по-другому. Речь молодёжи в Кансай осознаётся как регионально маркированная, но при этом сохраняющая культурную значимость. Даже среди молодёжи Киото фиксируется сохранение акцентной системы «кэйханского»[46] типа и умение переключаться между ней и стандартной системой: многие носители сохраняют акцентуацию типа Кэйхан и способны переключаться между акцентной системой Киото и акцентной системой стандартного японского языка[47] [Kibe et al., 2025: 733]. В отличие от восприятия столичной нормы как нейтральной и универсальной, здесь наблюдается устойчивое представление о своей речи как части региональной идентичности. Таким образом, языковая норма в Японии складывалась как результат исторической конкуренции региональных речевых практик, институциональной политики и социальной дифференциации общества. Особенно важную роль в этом процессе сыграл столичный вариант: сначала Хэйан (Киото), затем Эдо (Токио), что напрямую связано с положением кансайского диалекта, который на протяжении веков был языком литературы, а затем стал восприниматься как локально окрашенный, но социально значимый вариант.

1.2 Кансайский диалект: география, особенности и историческая роль

Кансайский диалект (*кансай хо:гэн*, 関西方言) представляет собой наиболее типичный из западных диалектов японского языка. Он охватывает регион Кинки, включая префектуры Киото, Осака, Хёго, Нара, Вакаяма, Сига и Миэ, и сохраняет активное функционирование в повседневной речи. В системе западной группы диалектов он занимает центральное положение наряду с диалектами регионов Тюгоку, Сикоку и Хокурику [Лобачёв, Быкова, 1990]. Исторически вариант региона Киото – Осака выполнял функцию литературного стандарта. Как уже было сказано, в эпоху Хэйан (794–1185 гг.), когда столица находилась в Киото, именно этот диалект стал базой языка *бунго*, который сохранялся в качестве нормы вплоть до XX века. Диалект Киото, в силу политического, культурного и экономического превосходства региона, воспринимался как престижный и «правильный» вариант [Сыромятников, 2002]. После переноса столицы в Эдо и становления нового политического центра кансайский диалект утрачивает статус нормы, однако сохраняет устойчивость и

[46] Кэйхан (京阪) — Осака и Киото

[47] Many speakers preserve the Keihan-type accentuation and are able to code-switch between the Kyōto and Standard Japanese accentual systems

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

влияние на формирование языковой нормы. Диалекты района Кансай продолжают развиваться, и их особенности прослеживаются даже в современном литературном японском языке. Отдельные вежливые формы, такие как *насару*, *ирассяру*, *оссяру* (аналоги литературных «делать», «идти/находиться», «говорить» в уважительной форме), произошли из западных вариантов и частично повлияли на лексику формирующегося койне [Лобачёв, Быкова, 1990]. Параллельно, как показывают исследования Такаги Тиэ, на уровне повседневной речи в регионе Кансай развился феномен контактного диалекта (сэссёку хо:гэн; 接触方言), в котором молодёжь смешивает элементы языкового стандарта хё:дзюнго (標準語) и местных форм [Takagi, 2006]. Е.Д. Поливанов также отмечал факт, что существуют различия в интонации вариантов японского языка [Поливанов, 1917]. В массовой культуре осакский вариант диалекта служил выразительным средством для создания образа комедийного или «приземлённого» персонажа. Танака Юкари в исследовании по использованию диалектов в виртуальной среде отмечает, что кансайский вариант стал стилистическим маркером, позволяющим мгновенно задать характер героя и вызвать у аудитории конкретные ассоциации и ожидания [Tanaka, 2021].

1.3 Социальные и символические функции кансайского диалекта

Изначально, когда Киото был важнейшим политическим, культурным и экономическим центром Японии, кансайский вариант имел высокий престиж и выполнял функцию культурной и литературной нормы [Современное российское японоведение…, 2017]. После того как литературный язык закрепился в качестве основного в официальной сфере, диалекты не исчезли, а заняли свою нишу: их используют в разговоре со «своими». Это не просто привычка, а устойчивая модель: стандарт – для «чужих», диалект – для «своих» [Алпатов, 1988; Алпатов, 2008]. Таким образом, кансайский диалект сохраняет устойчивое положение в японском социолингвистическом пространстве: он выполняет функции не только регионального средства общения, но и культурного символа (узнаётся всеми японцами; ему подражают даже носители других диалектов), маркера идентичности, инструмента художественной выразительности и стилистической дифференциации. Его жизнеспособность и социальная значимость делают его ключевым объектом исследования в контексте языковой витальности в современной Японии.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

2 | Методология исследования

2.1 Методология исследования

Методологически работа автора опирается на сочетание нескольких подходов и в целом относится к эмпирико-индуктивному типу. Инструментарий исследования включал социолингвистическую анкету и серию исследовательских интервью. Широко применялся метод включённого наблюдения. Анкета состояла из нескольких блоков, таких как социодемографические данные; вопросы, связанные с языковой биографией респондентов; вопросы, связанные с использованием ими языков в разных ситуациях, а также их отношением к кансайскому диалекту и японскому стандартному языку. В статье представлен анализ части полученных данных, в первую очередь, касающихся использования языка. Методика исследования в целом воспроизводит подход, описанный в работах С. А. Москвичёвой и М. М. Гасанова [Москвичёва и др., 2021; Москвичёва и др., 2024] и использует структуру анкеты, разработанную О. А. Казакевич [Казакевич, 2019].

Исследование сфокусировано на ряде наиболее распространенных ситуаций коммуникации в регионе Кансай. В частности, анализировались языковые практики (употребление местного языкового варианта) в публичных формальных (учёба, работа, официальные учреждения) и в неформальных (общение с друзьями, в быту) ситуациях, а также в семейной сфере. Данные ситуации были отобраны автором сознательно: они охватывают ключевые области повседневной жизни и позволяют оценить функциональное распределение диалекта при ограниченных временных и ресурсных возможностях исследования. Эмпирический материал был собран методом анкетного опроса и дополнительных интервью во время учебной стажировки автора, непосредственно пребывавшего в языковой среде на протяжении семи месяцев. Анкетирование было проведено в г. Киото в период с сентября 2024 г. по март 2025 г. среди студентов ряда вузов (Университет Киото Санге:, Университет До:сися, Киотский университет, Осакский университет). В опросе приняли участие 179 носителей японского языка в возрасте от 18 до 28 лет. Анкета включала как закрытые, так и открытые вопросы, сгруппированные по тематическим блокам: владение диалектом, сферы его употребления, географические ассоциации, языковые установки и мотивация. По завершении сбора данные были закодированы и проанализированы с использованием статистической программы Jamovi. Возможность проведения наблюдений «в поле» позволила зафиксировать реальные примеры использования кансайского диалекта представителями обозначенной возрастной группы в различных коммуникативных ситуациях.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

2.2 Социодемографические данные

Все респонденты являлись студентами киотских вузов, что определило возрастной состав выборки (18–28 лет, представители молодого поколения). Важная особенность выборки – её географическая неоднородность. Участники исследования представляют различные префектуры Японии, включая сам регион Кансай и другие регионы страны. В частности, среди информантов есть выходцы из регионов Хокурику (Тояма, Фукуи, Исикава), Кюсю и Окинава (Окинава, Фукуока, Оита, Кумамото, Кагосима), Тюбу (Нагано, Гифу, Сидзуока, Айти, Яманаси), Канто (Канагава, Токио, Ибараки, Сайтама), Тохоку (Иватэ, Мияги) и Тюгоку (Тоттори, Хиросима, Симанэ, Ямагути, Окаяма). Таким образом, далеко не все респонденты являются носителями собственно кансайского диалекта, однако все они, благодаря обучению и повседневному общению, находятся в устойчивом контакте с местной языковой средой. Это означает, что представленная выборка позволяет выявить как особенности практики собственно носителей кансайского варианта, так и процессы адаптации и освоения данного диалекта приезжими в условиях территориальной мобильности населения.

3 | Результаты исследования

В данном разделе представлены и описаны результаты анализа, проведённого на основе данных, полученных в ходе анкетирования. Представленные ниже таблицы отражают распределение ответов респондентов по ряду ключевых параметров, касающихся владения кансайским диалектом (Таб. 1), региональных представлений о зоне распространения диалекта (Таб. 2), а также речевых практик – частоты употребления кансайского диалекта в различных ситуациях и сферах повседневной коммуникации (Таб. 3–6).

3.1 Владение кансайским диалектом и стандартным японским языком

В таблице 1 демонстрируется самооценка уровня владения кансайским диалектом и стандартным японским языком у респондентов.

Таблица 1. **Варианты владения японским и кансайским диалектом**

Владение вариантом	**N**	**От общего**
Только стандартный японский	18	10,1 %
Только кансайский диалект	36	20,2 %
Понимаю кансайский, но не говорю на нём	12	6,7 %
Владею обоими, стандартным лучше	18	10,1 %
Владею обоими, кансайским лучше	76	42,7 %
Свободно владею обоими (на одинаковом уровне)	18	10,1 %

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Большинство респондентов (90 %) в той или иной степени владеют и стандартным японским, и кансайским диалектом. Только 10 % указали, что совершенно не владеют кансайским диалектом, и около 7 % владеют им пассивно (понимают, но не говорят). По всей видимости, это происходит из-за неполной языковой социализации, когда человек слышит диалект в окружении, но сам остаётся в границах стандарта. Следует отметить, что больше 60 % предпочитают использовать кансайский вариант. Из них около 43 % в одинаковой степени владеют обоими вариантами, а 20 % – только кансайским. Последний результат вызывает некоторое удивление, поскольку все респонденты являются студентами вузов, где преподавание ведётся на стандартном японском, а, следовательно, они должны в той или иной степени им владеть. Наиболее вероятное объяснение, по-видимому, следует искать в высокой символической лояльности респондентов к региональному идиому. Полученные данные свидетельствуют о высокой витальности диалекта среди представителей молодого поколения и его устойчивом положении в местной языковой ситуации. Оба варианта японского языка сосуществуют, занимая свои ниши общения в рамках функционального разграничения, а кансайский диалект проявляет себя в социальной жизни и коммуникации региона не в качестве маркера маргинального колорита, а как функциональный языковой вариант.

3.2 Речевые практики

В данном параграфе приводится оценка использования респондентами кансайского диалекта в различных коммуникативных ситуациях, прежде всего в городской и сельской местности. Далее обратимся к распределению использования данных вариантов в ситуациях различного типа. Предлагается выделить ситуации публичной официальной коммуникации, публичной неофициальной коммуникации и непубличное (семейное) общение.

3.2.1 Использование кансайского диалекта в городской и сельской местности

В таблице 2 представлены данные, которые показывают частотность использования кансайского диалекта в центре города, городской зоне, на окраинах города и в сельской местности.

Таблица 2. **Использование кансайского диалекта в городской и сельской местности**

Зона использования	**Всегда**	**Часто**	**Редко**	**Никогда**
Центр города	68,2 %	25,1 %	3,4 %	3,4 %
Городская зона	63,7 %	27,9 %	3,9 %	4,5 %
Периферия городской агломерации	65,4 %	24,6 %	5,6 %	4,5 %
Сельская местность	72,1 %	14,5 %	8,9 %	4,5 %

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что в разных территориальных зонах большинство респондентов отмечают использование кансайского диалекта. В центре города 68,2 % опрошенных наблюдают использование кансайского диалекта «всегда»; сопоставимые показатели наблюдаются и в остальных городских районах. В сельской местности доля постоянного употребления диалекта несколько выше (72 % «всегда») – такие результаты могут быть обусловлены меньшей необходимостью использования нормативного варианта, однако в целом различия между городом и селом невелики. Иными словами, кансайский диалект повсеместно сохраняет функцию основного средства повседневного общения, независимо от локации, что указывает на его устойчивую витальность в регионе.

3.2.2 Публичные официальные ситуации

В таблице 3 представлены данные об использовании кансайского диалекта в формальных сферах коммуникации – в учебном заведении, на работе и прочих официальных учреждениях, где, как правило, доминирует стандартный язык.

Таблица 3. **Частота использования в зависимости от ситуации: публичная официальная коммуникация**

Домен общения	**Всегда**	**Часто**	**Редко**	**Никогда**
На работе (с клиентами, начальством)	15,6 %	13,4 %	26,3 %	44,7 %
На работе (с коллегами)	45,8 %	23,5 %	10,6 %	20,1 %
Учёба (в университете)	63,7 %	22,3 %	4,5 %	9,5 %
В государственных учреждениях	30,7 %	16,8 %	21,8 %	30,7 %
В банке	31,8 %	13,4 %	24,6 %	30,2 %
В больнице/клинике	33,5 %	16,8 %	22,3 %	27,4 %

Результаты показывают, что даже в официальных и институциональных сферах (работа, медицинские и финансовые учреждения, учебная среда) кансайский диалект продолжает активно употребляться и сохраняет хорошие позиции. Самые высокие значения регулярного использования наблюдаются в университете и на рабочем месте, тогда как в формальных ситуациях (больница, банк, библиотека) заметна более высокая доля ответов «редко» и «никогда». Использование диалекта во многом зависит от собеседника: со знакомыми (а это могут быть коллеги на работе, сокурсники, преподаватели университета в неформальной обстановке) диалект широко распространён (63,7 % в университете и 45,8 % на

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

работе). Минимальные показатели (15,6 %) относятся к использованию диалекта при формальном общении на рабочем месте.

3.2.3.1 Публичные неофициальные ситуации: общественные места

В таблице 4 представлены данные по употреблению форм кансайского диалекта в типичных публичных неофициальных ситуациях: при посещении кафе и магазинов, в транспорте, библиотеках и на спортивных объектах.

Таблица 4. **Частота использования в общественных местах**

Домен общения	**Всегда**	**Часто**	**Редко**	**Никогда**
В кафе/ресторане	38,5 %	17,9 %	22,3 %	21,2 %
В магазинах (общий случай)	41,3 %	18,4 %	19,0 %	21,2 %
В продуктовых магазинах	39,7 %	17,3 %	18,4 %	24,6 %
В супермаркете	40,8 %	15,6 %	19,0 %	24,6 %
В торговом центре (ТЦ)	44,1 %	16,8 %	17,3 %	21,8 %
В общественном транспорте	45,3 %	17,9 %	15,6 %	21,2 %
В библиотеке	41,3 %	13,4 %	17,9 %	27,4 %
В спортзале/бассейне	41,9 %	20,1 %	14,0 %	24,0 %

Согласно таблице 4, в повседневных публичных местах местный диалект употребляется достаточно широко. В большинстве рассмотренных ситуаций более половины респондентов сталкиваются с использованием диалекта постоянно либо довольно часто (в сумме варианты «всегда» и «часто» дают приблизительно от 55 % до 65 %). Лишь около одной пятой части опрошенных (примерно 20–25 %) не отмечают использование диалекта в подобных неофициальных ситуациях, остальные респонденты, но заявляют о его присутствии хотя бы изредка, что может быть обусловлено наличием респондентов, для которых кансайский диалект не является родным. Эти результаты показывают, что в неформальной публичной обстановке кансайский вариант для большинства носителей выступает привычным коммуникативным кодом, тогда как строго придерживается литературного стандарта лишь сравнительно небольшая группа населения.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

3.2.3.2 Публичные неофициальные ситуации: досуг и развлечения

В таблице 5 приведены данные о частоте использования кансайского диалекта в культурно-развлекательной сфере: на театральных представлениях, концертах, в клубах и кино.

Таблица 5. **Частота использования в публичных неофициальных ситуациях: досуг и развлечения**

Домен общения	**Всегда**	**Часто**	**Редко**	**Никогда**
В театре	40,2 %	18,4 %	17,3 %	24,0 %
На концерте	41,9 %	17,3 %	16,2 %	24,6 %
В клубе	54,2 %	14,0 %	8,4 %	23,5 %
В кинотеатре	41,3 %	17,9 %	17,9 %	22,9 %

Как показывают данные таблицы 5, даже в культурно-развлекательных учреждениях (театры, концерты, клубы, кино) более половины респондентов регулярно говорят на кансайском диалекте (совокупная доля ответов «всегда» и «часто» превышает 50 % в каждом из указанных случаев). Вместе с тем, в этих контекстах наблюдается несколько более высокая, чем в обыденном общении, доля тех, кто вообще не пользуется диалектом (около четверти опрошенных – 22-25 %). Это свидетельствует о том, что выбор языкового варианта отчасти зависит от характера мероприятия, его аудитории и обстановки: в формально-культурной среде некоторые говорящие предпочитают придерживаться стандарта. Тем не менее, кансайский диалект распространён и в сфере досуга и развлечений: он не вытесняется полностью стандартным языком, сохраняя свою роль маркера местной культуры.

3.2.4 Непубличная коммуникация

В таблице 6 отражено использование диалекта в неофициальной обстановке, т.е. дома в семье и/или в месте проживания (общежитии).

Таблица 6. **Частота использования в непубличных ситуациях**

Домен общения	**Всегда**	**Часто**	**Редко**	**Никогда**
В семье (в разговоре с родными)	66,5 %	8,4 %	10,1 %	15,1 %
В общежитии/студенческом кампусе	55,9 %	24,0 %	5,0 %	15,1 %

Согласно приведённым результатам, показатели постоянного использования диалекта достаточно высоки. Примерно две трети опрошенных всегда разговаривают на диалекте в семье, и лишь около 15 % совсем не используют его дома. В студенческой среде (общежитие, кампус) диалект также преобладает в общении (более половины ответов «всегда»), хотя

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

примерно каждый шестой респондент признаёт, что не использует в этих ситуациях диалектные формы.

4 | Индивидуальные языковые репрезентации и стратегии

Для уточнения результатов анкетирования был проведён индивидуальный опрос в форме интервью. Информантами являлись японские студенты – носители осакского, киотского варианта кансайского диалекта, а также вариантов Сига и Хёго. С раннего возраста кансайский диалект выступает для первого информанта как основная форма коммуникации: 関西弁 (*кансай бэн*; кансайский диалект), 南大阪弁 (*минами о:сака бэн*; южный осакский вариант). Диалект прочно ассоциирован с семейным общением, что доказывает следующий ответ: «В семье обычно мы разговаривали на кансайском. Кансайский». Этот факт коррелирует с результатами анкетирования, в котором 66,5 % респондентов отметили, что «всегда» используют кансайский диалект в семье (Таблица 6). Отвечая на вопрос о значимости сохранения родного диалекта, один из информантов оценил её как высокую, пояснив: «Потому что это… идентификация». Коммуникативное поведение того же информанта в повседневности демонстрирует доминирование диалектной формы: «Да, использую. Конечно, использую». Однако в ситуациях, связанных с работой, его речевое поведение меняется: «На работе редко использую, потому что, да, вежливая форма. Но, конечно, в Кансае – кансайский тоже можно использовать». Данная поведенческая стратегия находит выражение и в результатах проведённого нами опроса, где только 45,8 % респондентов используют диалект «всегда» в рабочих контекстах, тогда как 20,1 % – «никогда» (Таблица 3). Это может свидетельствовать о частичном переходе к стандарту в институциональной сфере при сохранении региональной нормы в неформальной коммуникации. Информант также подчёркивает различия внутри самого региона Кансай: «В Киото они используют кансайский, но интонация и слова немного отличаются… Я понимаю, но не говорю так же. В Киото – немного мягче, в Осаке – резче». Это высказывание фиксирует существование локальных различий в пределах региона. Интонационный компонент воспринимается как центральный признак варианта: «Интонация – главное. Даже японцы из Токио не могут говорить так, как мы. Это слышно сразу. Я приезжал в Токио – люди слышали, что я из [префектуры] Сига», – поясняет третий респондент. Таким образом, интонация не только выполняет функцию фонетического различия, но и маркирует принадлежность говорящего к определённому региональному сообществу. Кроме того, более 40 % респондентов заявили, что «всегда» слышат кансайский диалект в публичных пространствах и транспорте (таблица 4), что говорит

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

о высокой степени его распространённости в местной языковой среде. Отдельно один из информантов отмечает, что влияние медиа- и образовательной среды приводит к уменьшению использования кансайского диалекта среди детей: «Маленькие дети – они говорят на стандартном. Потому что, наверное, из интернета или из YouTube – они все говорят на стандартном японском… Кансайский используют меньше по сравнению с нами». Это также указывает на воздействие медиастандарта как фактора языковой унификации. Таким образом, индивидуальные репрезентации подтверждают ключевые закономерности, зафиксированные в анкетировании: стабильность использования кансайского в быту, его частичное вытеснение в формальных ситуациях, восприятие внутренней диалектной дифференциации и символическая функция интонации как маркера региональной идентичности.

5 | Заключение

Полученные в результате проведённого анкетирования данные свидетельствуют о сохранении высокой витальности кансайского диалекта среди представителей молодого поколения в современном языковом сообществе региона. Диалект широко используется как в неформальной, так и в формальной коммуникации: в большинстве изученных сфер подавляющее большинство носителей (около 70–80 %) говорят на нём постоянно или часто, причём ожидаемо более активно в неформальной обстановке, но он заметен и в официально-деловых ситуациях. Иными словами, кансайский вариант языка по-прежнему выполняет значимую инструментальную функцию повседневного общения и не вытесняется полностью стандартным языком даже из публичной сферы. Это, в свою очередь, указывает на благоприятные перспективы его сохранения как живой языковой традиции. Важно подчеркнуть, что кансайский диалект остаётся не только средством общения, но и одним из ключевых элементов региональной идентичности жителей Кансая. По нашим наблюдениям и материалам интервью, носители осознают культурную ценность своего варианта и стремятся его поддерживать. Один из респондентов прямо заявил, что сохранение родного варианта для него – «важно, потому что это идентичность» (респондент из Осаки). Кроме того, участники интервью подтвердили характерную для региона модель языкового поведения: в формальной обстановке (например, при общении с начальством или клиентами) они могут перейти на стандартный японский, тогда как между собой им привычнее говорить на кансайском. Таким образом, результаты анкетирования как количественного метода полностью согласуются с данными качественного метода (интервью). По мнению носителей языка, местный диалект для них является естественной формой речи в большинстве жизненных ситуаций и символом

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

общей региональной культуры. Отметим, что данное исследование имело ряд ограничений. Во-первых, выборка включала преимущественно молодёжь (студентов) Киото, и рассмотренный перечень коммуникативных ситуаций был ограничен типичными сценариями студенческой и городской жизни. Это сужает возможность обобщения результатов, справедливых для представителей всех возрастных категорий населения региона: в работе не были подробно охвачены представители старших поколений, жители отдалённых сельских районов и иные социальные группы. Во-вторых, исследование фокусировалось на заявленных языковых практиках, что может не полностью отражать всё многообразие стилевого репертуара говорящих. В дальнейшем представляется перспективным расширить рамки исследования, включив в выборку разновозрастных и социально разнообразных респондентов (например, представителей старшего поколения и сельских жителей вне университетской среды); также представлется возможным рассмотреть более широкий спектр ситуаций общения, что позволит подтвердить, сохранятся ли выявленные нами в рамках данного исследования тенденции в прочих сообществах района Кансай и при иных условиях, а также расширить понимание функционирования диалекта и динамики его развития.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В. М. (1988) Япония. Язык и общество // М.: Наука. 136 с. (Культура народов Востока. Материалы и исследования).

Алпатов В. М. (2008) Япония: язык и культура // М.: Языки славянских культур. 206 с. (Studia Philologica).

Казакевич О. А. (2019) Анкета для эвенков // Режим доступа: https://socio-siberian-lang.minlang.site/sites/default/files/2021-01/Anketa_2019_Evenki.docx Дата обращения: 03.04.2025.

Лобачёв Л. А., Быкова С. А. (1990) Учебное пособие по японской диалектологии // М.: Изд-во МГУ. 63 с.

Маевский Е. В. (1991) Учебное пособие по старописьменному японскому языку (бунго) // М.: Изд-во МГУ. 128 с.

Москвичева С. А., Гасанов М. М. (2021) Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка в азербайджанской общине в Москве // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. № 3 (33). С. 59–69.

Москвичева С. А., Гасанов М. М. (2024) Азербайджанский язык в московской общине азербайджанцев: символические параметры языковой ситуации в сопряжении с социодемографическими факторами // Социолингвистика. № 1 (17). С. 44–60. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-44-60.

Поливанов Е. Д. (1917) Психофонетические наблюдения над японскими диалектами: I. Говор деревни Мие, преф. Нагасаки, уезда Ниси-Соноки. II. Музыкальное ударение в говоре Киото // Петроград: тип. М. П. Фроловой (влад. А. Э. Коллинс). XXIV, 113 с.

Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под ред. Д. В. Стрельцова. (2017) // М.: АИРО-XXI. 447 с.

Сыромятников Н. А. (2002) Древнеяпонский язык. 2-е изд. // СПб.: Вост. лит. 175 с.

Сыромятников Н. А. (2019) Развитие новояпонского языка / под общ. ред. Н. И. Конрада. 2-е изд., стереотип. // М.: Едиториал УРСС. 302 с.

Asahi, Y., Usami, M., Inoue, F. (Eds.) (2022) Handbook of Japanese Sociolinguistics // Boston; Berlin: Walter de Gruyter. 653 p. (Handbooks of Japanese Language and Linguistics; Vol. 8).

Kibe, N., Nitta, T., Sasaki, K. (Eds.) (2025) Handbook of Japanese Dialects // Boston; Berlin: Walter de Gruyter. 987 p. (Handbooks of Japanese Language and Linguistics; Vol. 7). DOI: 10.1515/9781501501937-202.

Kokugogaku jiten. (1955) Dictionary of Japanese Linguistics // Tokyo: Tōkyōdō. 1249 p. (In Japan).

Takagi, Chie. (2006) Sesshoku hōgen toshite no Kansai hōgen: Jakunensō no hanashikotoba ni miru gengo henka [Kansai dialect as a contact dialect: language change in the speech of the younger generation] // Handai Nihongo Kenkyū. Bessatsu, no. 2. Osaka: Department of Japanese Linguistics, Graduate School of Letters, Osaka University. 218 p. (In Japan).

Tanaka, Y. (2021) Vācharu Hougen Kenkyū no Tenkai [Development of Virtual Dialect Research] // Research Report for KAKENHI Project No. 18K00623. Nihon University. Available at: https://kaken.nii.ac.jp/file/KAKENHI-PROJECT-18K00623/18K00623seika.pdf. Accessed: 02.04.2025. (In Japan).

REFERENCES

Alpatov V. M. (1988) *Yaponiya. Yazyk i obshchestvo* [Japan: Language and society]. Otv. red. V. N. Goreglyad; AN SSSR, Otd-nie istorii, In-t vostokovedeniya. Moscow: Nauka. 136 p. (Kultura narodov Vostoka. Materialy i issledovaniya). (In Russian).

Alpatov V. M. (2008) *Yaponiya: yazyk i kultura* [Japan: Language and culture]. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur. 206 p. (Studia Philologica). ISBN 978-5-9551-0273-3. (In Russian).

Kazakevich O. A. (2019) *Anketa dlya evenkov* [Questionnaire for the Evenks]. Available at: https://socio-siberian-lang.minlang.site/sites/default/files/2021-01/Anketa_2019_Evenki.docx (Accessed: 03.04.2025). (In Russian).

Lobachev L. A., Bykova S. A. (1990) *Uchebnoe posobie po yaponskoy dialektologii* [Textbook on Japanese dialectology]. Moscow: Izd-vo MGU. 63 p. ISBN 5-211-01885-0. (In Russian).

Maevsky E. V. (1991) *Uchebnoe posobie po staropismennomu yaponskomu yazyku (bungo)* [Textbook on Classical Written Japanese (bungo)]. Moscow: Izd-vo MGU. 128 p. ISBN 5-211-01886-9. (In Russian).

Moskvicheva S. A., Gasanov M. M. (2021) *Yazykovye praktiki i yazykovye ideologii pri peredache yazyka v azerbaidzhanskoy obshchine v Moskve* [Language practices and language ideologies in language transmission in the Azerbaijani community in Moscow]. *Tomsky zhurnal LING i ANTR*, No. 3(33), pp. 59–69. (In Russian).

Moskvicheva S. A., Gasanov M. M. (2024) *Azerbaidzhanskiy yazyk v moskovskoy obshchine azerbaidzhantsev: simvolicheskie parametry yazykovoy situatsii v sopryazhenii s sociodemograficheskimi faktorami* [Azerbaijani language in the Moscow Azerbaijani community: symbolic parameters of the linguistic situation in connection with socio-demographic factors]. *Sociolingvistika*, No. 1(17), pp. 44–60. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-44-60. (In Russian).

Polivanov E. D. (1917) *Psikhofoneticheskie nablyudeniya nad yaponskimi dialektami: I. Govor derevni Mie, pref. Nagasaki, uezda Nisi-Sonoki. II. Muzykalnoe udarenie v govore Kioto* [Psychophonetic observations on Japanese dialects: I. Speech of Mie village, Nishisonogi District, Nagasaki Prefecture; II. Musical accent in the speech of Kyoto]. Petrograd: tip. M. P. Frolovoy (Vlad. A. E. Kollins). XXIV, 113 p. (In Russian).

Streltcov D. V. (ed.) (2017) *Sovremennoe rossiyskoe yaponovedenie: oglyadyvayas na put dlinoyu v chetvert veka* [Modern Japanese Studies in Russia: Looking back at a quarter-century path]. Moscow: AIRO-XXI. 447 p. ISBN 978-5-91022-329-9. (In Russian).

Syromyatnikov N. A. (2002) *Drevneyaponskiy yazyk* [Old Japanese language]. 2nd ed. Saint Petersburg: Vost. lit. 175 p. (Yazyki narodov Azii i Afriki / Ros. akad. nauk. In-t vostokovedeniya). ISBN 5-02-018344-X. (In Russian).

Syromyatnikov N. A. (2019) *Razvitie novoyaponskogo yazyka* [Development of the Modern Japanese language]. Pod obshch. red. N. I. Konrada. 2nd ed., stereotyp. Moscow: Editorial URSS. 302 p. (Yazyki narodov mira). ISBN 5-354-00563-9. (In Russian).

Asahi Y., Usami M., Inoue F. (eds.) (2022) *Handbook of Japanese Sociolinguistics.* Boston; Berlin: Walter de Gruyter. 653 p. (Handbooks of Japanese Language and Linguistics; Vol. 8). ISBN 978-1-5015-0747-2.

Kibe N., Nitta T., Sasaki K. (eds.) (2025) *Handbook of Japanese Dialects.* Boston; Berlin: Walter de Gruyter. 987 p. (Handbooks of Japanese Language and Linguistics; Vol. 7). DOI: 10.1515/9781501501937-202. ISBN 978-1-5015-0841-7.

Kokugogaku jiten. (1955) [Dictionary of Japanese Linguistics]. Tokyo: Tōkyōdō. 1249 p. (In Japan).

Takagi Chie. (2006) *Sesshoku hōgen toshite no Kansai hōgen: Jakunensō no hanashikotoba ni miru gengo henka* [Kansai dialect as a contact dialect: language change in the speech of the younger generation]. *Handai Nihongo Kenkyū. Bessatsu*, No. 2. Osaka: Department of Japanese Linguistics, Graduate School of Letters, Osaka University. 218 p. (In Japan).

Tanaka Y. (2021) *Vācharu Hōgen Kenkyū no Tenkai* [Development of Virtual Dialect Research]. *Research Report for KAKENHI Project No. 18K00623.* Nihon University. Available at: https://kaken.nii.ac.jp/file/KAKENHI-PROJECT-18K00623/18K00623seika.pdf (Accessed: 02.04.2025). (In Japan).

Баранов Егор Сергеевич – студент, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Российская Федерация.
Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
Эл. адрес: baranovess33@gmail.com
https://orcid.org/0009-0004-8850-8112

Egor S. Baranov – student, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) named after Patrice Lumumba, Russian Federation.
Address: Miklukho-Maklaya St. 6, Moscow, Russian Federation, 117198.
E-mail: baranovess33@gmail.com
https://orcid.org/0009-0004-8850-8112

Для цитирования: *Баранов Е.С.* Кансайский диалект японского языка как инструмент повседневной коммуникации и символ региональной идентичности // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 192–209. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-192-209

For citation: *Baranov E.S.* Kansai dialect of the Japanese language as a tool of everyday communication and a symbol of regional identity // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 192–209. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-192-209

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 23.04.2025;
approved after reviewing 30.08.2025;
accepted for publication 02.10.2025.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-210-224

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ
LANGUAGE IDEOLOGIES

1 | Введение

Исследования языковых (= лингвистических) идеологий (англ. *linguistic ideologies, language ideologies, ideologies of language*) представляют собой актуальное и бурно развивающееся направление в социолингвистике и лингвистической антропологии, изучающее индивидуальные и (преимущественно) коллективные представления о языке, его роли в обществе и внутреннем устройстве. Подчеркнем, что это не объективные факты о языке, а субъективные и часто эмоционально окрашенные «мифы» о том:

- какой язык «красивее», «более развит», «древнее» и т. д.;
- какой язык/вариант языка является «правильным» или «престижным» и наоборот;
- кто говорит «хорошо», а кто – «плохо», «неграмотно»;
- как язык связан с национальной идентичностью, моралью, интеллектом и социальным статусом.

Языковые идеологии связаны не только с языком; «они устанавливают связи между языком и другими социальными явлениями, от идентичности (этнической, гендерной, расовой, национальной, местной, возрастной, субкультурной), через представления о личности, надлежащих человеческих качествах, интеллекте, эстетике и морали до таких понятий, как истина, универсальность, аутентичность» [Woolard, 2021: 2].

Языковые идеологии – это ментальные конструкции, которые проявляются не только в виде вербализаций, но и воплощаются в языковых и жизненных практиках людей, а также в материальных явлениях, таких как визуальные репрезентации [там же] (например, в языковом ландшафте). *Ментальное и социальное* – две стороны (языковых) идеологий. Будучи представленными у людей «в голове», они социальны – их разделяют другие люди как члены той или иной группы; они усваиваются, формируются и применяются в социальных ситуациях при определенных социальных же обстоятельствах (экономических, исторических) и имеют социальные последствия [ван Дейк, 1989].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Вопрос о языковых идеологиях (далее – ЯИ), если рассматривать его во всей полноте, крайне сложен. В данном обзоре будут рассмотрены только некоторые моменты, наиболее существенные для понимания и использования данного термина.

2 | Исследования языковых идеологий: краткий исторический экскурс

Сложность изучения ЯИ связана со многими факторами. В их число входит географическая привязка и национальные традиции исследования идеологий вообще и языковых идеологий как их подвида. Картина тут далеко не однозначна: большинство известных авторов, занимающихся этими вопросами, начиная с М. Сильверстайна (который считается основоположником изучения языковых идеологий), представляют североамериканскую традицию лингвоантропологических исследований, связанную сегодня, в первую очередь, с такими именами, как Дж. Ирвин, С. Гэл, П. Кроскрити, К. Вулард и некоторые другие [см. об этом, например, Kroskrity, 2010: 192; Blommaert 2006]. Сильверстайн определял языковые (лингвистические) идеологии как «любые наборы убеждений о языке, сформулированные пользователями в качестве рационализации или оправдания воспринимаемой языковой структуры и использования языка» [Silverstein 1979: 193].

При этом существует и европейская традиция, для которой идеологическая природа языка была очевидна еще до второй мировой войны. О пренебрежении европейской (особенно марксистской) традицией, согласно которой роль идеологии в социальной организации имеет первостепенное значение, пишет, например, И. Пиллер, приводя пример работы В. Волошинова «Марксизм и философия языка», которая была опубликована на русском языке в 1929 г., а переведена на английский язык только в 1973 г. Игнорирование европейских исследований в англоязычной традиции Пиллер объясняет либо поздним переводом европейских работ (как в случае с Волошиновым), либо их отсутствием [Piller, 2015: 2-3].

Например, концепция идеологии и субъекта, предложенная во Франции в 1970-х гг. неомарксистом Луи Альтюссером, является развитием идей Э. Бенвениста, В.Н. Волошинова, М. Пэшё о роли субъекта в языке, гетерогенности, полифонии и диалогизме дискурса. Л. Альтюссер выдвигал понятие «эффекта субъекта» (l’ effet-sujet) как нечто такое, посредством чего субъект утверждает себя в качестве единственного источника смысла своего дискурса, тогда как в действительности он весь пронизан словами, которые не являются его собственными словами. Иначе говоря, субъект для Альтюссера – это не исходная точка, а результат некоей конструкции, сделанной из дискурсов – конструкции, имя которой господствующая идеология [Цит по: Серио, 1993: 86]. Идеология, по Альтюссеру – это

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

«представление» о воображаемых отношениях индивидуумов с реальными условиями их существования, она существует только в субъекте и для субъекта, но при этом обладает материальным существованием. Под материальным существованием Альтюссер понимает всю ритуализованную деятельность людей: мессу в небольшой церкви, погребение, день занятий в школе и так далее. Другими словами, идеология всегда существует в практиках ИАГ – идеологических аппаратов государства (религиозном ИАГ, школьном ИАГ и т.д.) [Альтюссер, 1970].

Его ученики – М. Фуко, П. Бурдье, Ж. Деррида – сами стали впоследствии учеными, оказавшими огромное влияние на современную общественную мысль, в том числе и в области изучения вопросов власти и дискурса. Идеи Альтюссера прослеживаются и разрабатываются еще глубже и в концепции габитуса и символических систем П. Бурдье, и в институциональных дискурсах М. Фуко. Если исходить из традиции М. Фуко, понимавшего под дискурсом течение «знания» через время (“den Fluss von ‘Wissen’ durch die Zeit”) [Foucault, 1988] и дифференцировавшего в современном обществе высокоуровневые специализированные области знания, каждая из которых сформировала специальные дискурсы, то изучение языковых идеологий связано с изучением институциональных значений и оценок, которые систематически выражаются в соответствующих дискурсах. В традиции П. Бурдье языковые идеологии представляют собой символическую продукцию как инструмент господства. Язык, наряду с искусством и религией, представляет собой одну из «символических систем», которые П. Бурдье называет структурирующими структурами, выполняющими функцию средства навязывания или легитимации политического господства (символического насилия) и участвующими таким образом в том, что М. Вебер называл «приручением подвластных» [Бурдье, 2007: 88-92].

Однако историю становления ЯИ как сферы исследования можно проследить и глубже, до более ранних исторических эпох, как это сделано в книге Р. Баумана и Ч. Л. Бриггса «Голоса современности: языковые идеологии и политика неравенства» [Bauman, Briggs, 2003]. Отправной точкой для Баумана и Бриггса являются работы Ф. Бэкона и Дж. Локка, в которых элитарный язык вырывается из общества и становится очищенным, изолированным, автономным объектом рациональности в современности и противопоставляется «гибридам» – смешанным языкам, на которых говорили массы. На этой основе были разработаны другие взгляды, в которых рациональный и автономный взгляд на язык используется для определения

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

степени принадлежности других к модерну[48]. Под Другими (не принадлежащими модерну) понимаются люди прошлого, сельское население, люди, которые живут в устной культуре, говорят на «диалектах» и придерживаются «традиций» [Blommaert, 2006: 517]. Я. Бломмартом вслед за Бауманом и Бриггсом делается очень важный вывод о том, что именно Бэкон и Локк заложили лингво-идеологическую основу современности, делая язык критерием разделения тех, кто принадлежит или не принадлежит модерну.

Отметим, что сказанным, безусловно, не исчерпывается история (языковых) идеологий; за рамками обзора осталась, к примеру, роль, которую сыграли идеологии в построении национальных государств, и ряд других аспектов. За более подробными сведениями по истории этого вопроса мы отсылаем читателя к соответствующим публикациям, например [Волошинов 1993; Kroskrity, 2010; Blommaert 2006; Bauman, Briggs, 2003; Woolard 1992; Woolard 2021].

3 | Языковые идеологии: определения и исследовательские подходы

После второй мировой войны в разделенном на два лагеря мире распространенным было упрощенное понимание идеологии вообще и языковой идеологии в частности как орудия и как объекта идеологической борьбы, а языка, соответственно, как инструмента пропаганды, «манипулирования общественным мнением» и «искажения реальности» [см., например: Бахнян, 1983]. Как пишет А.В. Рубцов, «Представление об идеологии в духе Маккиавелли как о высшей мере политического коварства никуда не делось и лишь модифицируется в самых разных теориях, хотя к настоящему времени и куда более изощренных […] Не менее красноречив список более или менее стандартных признаков присутствия идеологии: предубеждения, упрощение, вторичная избирательность, эмоциональность вплоть до аффекта, потворство массовым предрассудкам и т. п.» [Рубцов, 2016: 5-6].

Впоследствии, после появления работ Фуко, Бурдье, Бодрийяра и других ученых такой прямолинейный взгляд на идеологию отошел в прошлое. В современном академическом дискурсе (см. определения ЯИ ниже) признается всепроникающий характер идеологий, их, с одной стороны, рационализируемый характер, с другой – не осознаваемый, не выводимый на уровень аналитической рефлексии, т. е. то, что А. В. Рубцов называет «идеологическим

[48] Модерн в социальных науках (гл. обр. в социологии) – предельно широко понимаемая эпоха социального развития человечества, совпадающая исторически с Новым временем, а также обобщённая характеристика обществ современного типа в их противопоставлении традиционному обществу [Подвойский, электронный ресурс].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

бессознательным» – «скрытые, вытесняемые, латентные формы идеологии» [Рубцов, 2016: 40]. Также важен их перформативный, регулирующий характер. Все эти трактовки прослеживаются в определениях, согласно которым ЯИ – это:

- «системы представлений о социальных и языковых взаимоотношениях и о том, как они соотносятся с социальными ценностями» [Kroskrity, 2000: 5];
- «культурные представления о природе, форме и назначении языка, а также о коммуникативном поведении как реализации коллективного предписания» [Gal, Woolard, 1995: 30];
- морально и политически нагруженные представления о природе, структуре и использовании языков в социальном мире [Irvine, 1989];
- совокупность убеждений, мнений и представлений, которые говорящие имеют о языке, его использовании, роли в обществе и о его носителях и которые регулируют языковое поведение на сознательном и неосознанном уровне [Хилханова, 2022].

Можно выделить два основных подхода к анализу ЯИ: первый – *критический*, условно говоря, *политико-ориентированный подход*, второй – *нейтрально-описательный подход*, часто превращающийся в *культурно-ориентированный*.

В первом случае исследователи исходят из того, что «молчаливый», «само собой разумеющийся» характер ЯИ способствует «натурализации» здравого смысла, что в конечном счете укрепляет языковое и социальное неравенство [McCarty, 2011: 10]. Следовательно, задача ученого заключается во *вскрытии* идеологизированных и зачастую неявно выраженных структур власти, политического контроля и доминирования, стратегий включения и исключения, выраженных в языке и используемых в дискриминационных целях. Источником идеологии видятся, как правило, правящие группы, навязывающие ее подчиненным группам. Об эксплицитном характере идеологий сказано, к примеру, в [Dyers, Abongdia, 2010]: «Идеологии создаются в интересах определенной социальной или культурной группы: т. е. они коренятся в социально-экономической власти и корыстных интересах доминирующих групп». При этом подчиненные группы, которым навязываются такие идеологии, постепенно начинают воспринимать их как «нормальные» модели поведения, но могут и развивать свои собственные идеологии и дискурсы, противоположные идеологиям сильных мира сего (в качестве примера авторы приводят восстания Соуэто 1976 г. в Южной Африке, когда школьники восстали против навязывания африкаанс в качестве

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

языка обучения для половины предметов в средней школе, т.к. считали его «языком угнетателей».

В этом смысле термин *(языковая) идеология* используется целым рядом ученых и научных школ, преимущественно придерживающихся леводемократических взглядов. Наиболее последовательно этот подход реализован в рамках широкого направления дискурсного анализа – критического анализа дискурса (КАД). КАД рассматривает дискурс как форму социальной практики [Fairclough, Wodak, 1997] и исходит из того, что дискурсы формируют социальную практику и в то же время формируются ею [Wodak et al., 1999: 8].

Такой подход обуславливает интерес ученых, практикующих КАД, к дискурсам определенного рода - коммуникации в СМИ, политике и других политически ангажированных институциональных областях. Следовательно, КАД представляет собой аналитическое вмешательство в социальную и политическую практику. В отличие от других типов анализа дискурса, КАД не претендует на объективность, не занимает позицию социально нейтрального анализа, т. к. подобная мнимая политическая индифферентность, по мнению представителей этого направления, в конечном счете способствует поддержанию несправедливого status quo. В интерпретации КАД ЯИ могут создаваться и использваться в манипулятивнях целях путем лингвополитических мер через институты власти и образования. ЯИ могут быть реконструированы через высказывания или действия людей.

При критическом, политико-ориентированном подходе акцент делается на *групповом измерении, групповых идеологиях*. В целом способность сформировать собственную идеологию можно считать атрибутом некоей группы или движения. О высокой степени сформированности как группы (движения), так и ее идеологии могут свидетельствовать языковые маркеры «внешнего» признания, к примеру, суффикс -изм (феминизм, экологизм, расизм и т.д.), а также идущие «изнутри» попытки создания собственного «языка». Создание квази-языка (дискурса) под силу только наиболее институциализированным и огосударствленным идеологиям (социализм, нацизм и т. д.), а социальные группы и движения могут инициировать менее масштабные изменения в языковой структуре и использовании языка. Так, идеологии феминизма мы обязаны появлением феминитивов и целым рядом инициатив, направленных против сексизма в языке (в английском языке – отказ от употребления местоимения he в собирательной функции (Silverstein 1979) или компонента *man* в сложных существительных типа businessman, в немецком языке – отсутствовавшая ранее маркировка женского рода у существительных во множественном числе, когда подразумеваются представители обоих полов – Forscher*innen, Migrant*innen, и т. д.).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Для критического, политико-ориентированного подхода характерно сочетание *широты* и масштабности исследуемых социальных объектов – групп, движений, институций – и их языка – с более *узкой* интерпретацией идеологии. С этим связаны и *недостатки* критического подхода: анализ изначально становится критическим, что может идти в ущерб описательности и «объективности» (см. комментарий об этом ниже).

В более широкой интерпретации идеологии акцент ***не*** делается на политических коннотациях. Идеология понимается как всеобъемлющий конструкт, вне которого никто не может находиться [см. также Silverstein, 1979]. Языковые идеологии – это *любые* представления о языке, его природе, функциях и ценности. Соответственно, ЯИ присущи не только любой социальной группе (напр., ЯИ профессионального сообщества преподавателей французского языка [Загрязкина, 2016]), но и любому индивидууму.

Как говорилось выше, часто этот *нейтрально-описательный подход* превращается в *культурно-ориентированный*. Дефиниция ЯИ С. Гэл и К. Вулард как «культурных представлений о природе, форме и назначении языка, а также о коммуникативном поведении как реализации коллективного предписания» отражает именно такое понимание. Культура тогда интерпретируется как общая «рамка», в которой происходит формирование ЯИ как любых убеждений и представлений о языке. Это – расширительное понимание концепта культуры, распространенное в современных гуманитарных и социальных науках. Как пишет А. Б. Гофман, культура «превращается в некую базовую инстанцию, к которой постоянно прибегают для объяснения специфики общества <…> Социальные структуры и их развитие стали рассматриваться как результат действия совокупности культурных образцов, ценностей, традиций, символов и смыслов» [Гофман, 2010: 134].

Представляется, что такая максимально расширительная трактовка концепта культуры влечет за собой риск превращения его в «пустой» концепт, который обозначает всё, то есть ведет к неопределенности референта, что ослабляет его познавательную силу.

В заключение прокомментируем понятия объективности и нейтральности, использованные выше. На самом деле это предмет отдельной большой дискуссии, связанной с дихотомией научных подходов: «объективистский, сциентистский» vs. «качественный, этнографический». В эпистемологическом плане сциентистский подход базируется на идее объективистского познания, предполагающего четкое отделение исследователя от объекта исследования; исследователям предписывается позиция беспристрастного ученого, способного достичь точки зрения, свободной от ценностей и субъективных искажений. При втором подходе ставится под вопрос возможность и необходимость ценностно нейтрального

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

исследования, поскольку в этом случае теряются важнейшие грани познания человеческого опыта, связанные с процессом придания смысла [Бусыгина 2024: 50, 52].

Конечно, предпочтение того или иного подхода во многом диктуется самим исследовательским объектом. ЯИ представляют собой «мягкий», динамичный исследовательский материал, в отличие от гораздо более «жесткой» и фиксированной структуры языка. Поэтому при их изучении «важнейшее значение приобретает рефлексия того, *как* в исследовании выстраивается репрезентация объекта, *что* вкладывает в нее исследователь и *каким образом* можно позитивно использовать эти “вклады” в производстве знания» [Там же: 52]. Следовательно, исследования ЯИ полностью «нейтральными» и «объективными» быть не могут: субъективность как исследователя, так и изучаемого объекта не отрицается, а является частью научного процесса. Тем не менее, это не исключает изначально непредвзятый подход к изучаемым явлениям: исследователь не пытается «подогнать» реальность под какую-либо модель, а исчерпывающе описывает ее особенности. Именно это значение вкладывалось нами в понятие *нейтрально-описательного* подхода.

4 | Минусы термина (языковая) идеология

1. Первым недостатком термина «идеология» является, если можно так выразиться, его *идеологизированность* и вытекающие из этого неприятие и негативные ассоциации. Как точно было сформулировано К. Гирцем, «По грустной иронии современной истории, понятие “идеология” само стало совершенно идеологическим» [Гирц 2004: 224]. Хотя эта фраза была написана еще в 1973 г., она актуальна и сейчас. В России, в частности, как показывает опыт, использование термина *языковые идеологии* во множественном числе не стало еще полностью устоявшейся конвенцией, несмотря на рост количества соответствующих исследований. Это может быть связано с устойчивостью представления о единичности идеологии в недавнем советском прошлом, а может, с тем, что, как метко было подмечено А. В. Рубцовым, в целом отношение к идеологии варьируется в диапазоне между настороженностью и агрессией; само это слово является либо крайне проблемным, либо откровенно ругательным [Рубцов 2016: 5]. Есть надежда, что с увеличением количества нейтрально-описательных исследований ЯИ это предубеждение будет преодолено. В целом многозначность термина (языковая) идеология (от марксистского понимания до нейтрального «система взглядов») мешает научным дискуссиям: исследователи могут говорить о разных вещах, используя один и тот же термин.

2. Вторым недостатком можно считать *наличие ряда близких по смыслу к ЯИ понятий*: языковые верования (language beliefs), языковые установки. Также альтернативой термину

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

идеологии является термин *социальные представления* С. Московичи. Наибольшее сходство существует между понятиями *языковая идеология* и *языковая установка*, что ведет к их нечеткому разделению. Некоторые авторы считают их практически идентичными, другие расходятся в интерпретациях. Например, одни рассматривают установки как явные проявления неявных идеологий [Sallabank, 2013: 76]. Другие предпочитают говорить о наличии в составе языковых идеологий языковых установок, но не наоборот. Тогда идеологии определяются как группы или конфигурации взаимозависимых установок и убеждений, организованных вокруг доминирующей темы [Converse, 1964] или как кластеры тематически связанных ценностей и установок [Olson, Maio, 2003]. Мы полагаем, что *языковые идеологии* и *языковые установки* – это разные понятия, за которыми стоят отдельные, хоть и пересекающиеся области исследований. Различия связаны с целым рядом факторов – от происхождения данных понятий и различных традиций исследования до отличий в методах изучения [см. об этом подробнее в: Baker, 1992; Kroskrity, 2016; Хилханова и др., 2016; Хилханова, 2022].

3. *Сложность операционализации для эмпирического исследования*. Поскольку ЯИ – это абстрактные ментальные конструкты, которые сложно «уловить», их трудно изучать. Исследователи вынуждены анализировать их через:

- дискурс (что люди говорят о языке),
- метаязыковые комментарии (спонтанные оценки речи в разговоре),
- языковую политику (законы, уставы учебных заведений и т. д.).

Но между декларируемой идеологией, речевым поведением и глубинными установками может быть большой разрыв (о несоответствии установок и поведения см., напр.: Ajzen 1988; Хилханова и др. 2016). Выявлению истинной картины может помочь обращение к методу этнографического наблюдения и интроспекции (если исследователь сам может послужить источником искомого материала).

Также важно учитывать, что при анализе конкретных языковых практик есть риск впасть в *идеологический детерминизм*, предполагая, что языковые практики людей полностью определяются их идеологиями. Ведь существуют *рутинные, нерефлексируемые практики*: многие языковые привычки не осознаются и не являются частью какой-либо четкой идеологии, а формируются на уровне повседневности. Помимо этого, существуют и другие факторы, например, распространение стандартного языка связано не только с идеологией престижа или национализма, но и с такими материальными вещами, как система образования, издательское дело, законодательство, которые обладают собственной инерцией.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

5 | Заключительные комментарии

Исследования ЯИ имеют двойственный статус: в западной науке они представляют собой уже отдельную, теоретически и методологически разработанную область исследований; некоторые даже считают, что языковая идеология стала в последние годы центральным понятием в западной социолингвистике [McKenzie, 2010: 20]. В этом качестве ЯИ создали на сегодня собственные тематические области/направления, неизбежно междисциплинарные. К таким относится, например, социально-семиотическое направление.

С другой стороны, «обращение к ЯИ открывает бесконечные возможности для переосмысления существующих научных исследований» [Blommaert, 2006: 511]. Действительно, появление этого концепта позволило по-новому взглянуть на традиционные социолингвистические темы языковых контактов, многоязычия, стандартизации языка и т. д. К примеру, языковые контакты как процесс и многоязычие как его результат (или состояние) изначально антропологичны (что ранее несколько упускалось из виду), ведь контактирование языков – явление по сути вторичное, т. к. соприкосновение языков начинается и осуществляется в речи дву- и многоязычных людей, но его результат закрепляется в языке [см. об этом подробнее: Михайлов, 1972: 197-198]. А любое использовании языка людьми, тем более «осложненное» двумя и более языками, несвободно от идеологии в широком или узком понимании термина. В конечном итоге именно ЯИ определяют, будет ли многоязычие поощряться или подавляться, считают ли люди и общество в целом недоминирующие языки ресурсом или проблемой. Даже то, что обычно обозначается как «внешние факторы» – языковая политика государства, положение языков в системе образования – является продуктом деятельности конкретных людей со всеми вытекающими из этого последствиями.

Важно понимание *механизма* формирования и функционирования ЯИ. Языковое (и жизненное) поведение человека, его (языковые) выборы определяются воздействием окружающей действительности, но не непосредственно, а опосредованно – через целостное отражение этой действительности в субъекте деятельности, т. е. через его установки и идеологии. В воздействии окружающей реальности всегда присутствует идеологическая составляющая, которая, однако, не просто «вставляется» в сознание, в его процессы и продукты как готовый модуль, а «производится внутри самого субъекта и самим субъектом, хотя и под контролем и влиянием» [Рубцов, 2016: 31]. Другими словами, идеологии являются продуктом сложных когнитивных процессов переработки информации извне и создания личностного смысла в сознании индивида. Эти личностные смыслы и идеологии, в свою

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

очередь, проецируются вовне, регулируя социальное поведение индивида и группы и влияя на социальную реальность, меняя ее и создавая новую.

Другими словами, механизм возникновения и функционирования ЯИ *реципрокальный*: если меняется социальная и политическая реальность, то языковые идеологии тоже постепенно меняются. Примером может послужить идеология ценности многоязычия и языкового разнообразия в Западной Европе, пришедшая на смену историческому подавлению европейских региональных языков; это произошло в результате изменения политической реальности в регионе после второй мировой войны. В качестве обратного примера (влияния идеологии на язык) можно привести языковую реформу в Турции, приведшую к массовой замене арабских и персидских заимствований словами с тюркскими корнями. Эта реформа, инициированная Ататюрком, была важной частью его националистической программы и идеологии.

При этом в целом вопрос влияния ЯИ на структуру языка является спорным. Существует мнение, что (языковые) идеологии мало влияют на саму структуру языка, однако, как справедливо отмечает К. Вулард, это связано скорее с со степенью политизации и осознания аналитиком того, что он понимает под «идеологическим». У того же У. Лабова, который считает, что идеология мало влияет на языковую форму, есть работы, предоставляющие значительные доказательства того, что теперь называют идеологическими эффектами [Woolard 2021]. К примеру, в его известной работе о языковой вариативности в речи жителей американского острова Мартас-Виньярд (англ. *Martha's Vineyard* – 'виноградник Марты') как раз продемонстрировано, что разное произношение дифтонгов /ai/ и /au/ разными возрастными и социальными группами островитян связано с их представлениями об островной идентичности и сопротивлением традиционных жителей Мартас-Виньярд происходящим вокруг них социальным изменениям. Фонетика, таким образом, оказалась несвободной от идеологии, став «рупором» социального маркирования.

В любом случае, независимо от использованного подхода – нейтрально-описательного или политико-ориентированного – исследования ЯИ представляют собой уже устоявшуюся и в то же время динамично развивающуюся и перспективную область исследований, в которой нас еще ждет много открытий.

ЛИТЕРАТУРА

Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / пер. с фр. С. Рындина. Режим доступа: https://knizhonka.com/read-book/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-lui-altyusser.html. Дата обращения: 02.03.2022.

Бахнян, К. В. Язык и идеология: социолингвистический аспект // Язык как средство идеологического воздействия. М.: ИНИОН, 1983. С. 34–58.

Бурдье, П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 528 с.

Бусыгина, Н. П. Количественные и качественные методы исследований в психологии: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 448 с.

Ван Дейк, Т. А. Расизм и язык / пер. с англ. М.: ИНИОН, 1989. 272 с.

Волошинов, В. Н. (М. М. Бахтин) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. Комментарии В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993. 312 с.

Гирц, К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.

Гофман, А. Б. Социальное – социокультурное – культурное: историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник. № 1, 2010. С. 128–136.

Загрязкина, Т. Ю. Французский язык в русскоязычном пространстве: традиции обучения как феномен культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4, 2016. С. 78–89.

Михайлов, М. М. Двуязычие и взаимовлияние языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. 224 с.

Подвойский, Д. Г. Модерн // Большая российская энциклопедия. Режим доступа: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2221721?ysclid=mfqw4vuef3603030974. Дата обращения: 20.09.2025.

Рубцов, А. В. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М.: ИФ РАН, 2016. 280 с.

Серио, П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ: междунар. сер. моногр. / ред. Ю. С. Степанов и др. Харьков: Око, 1993. С. 112–135.

Хилханова, Э. В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3, 2022. С. 148–162.

Хилханова, Э. В., Дырхеева, Г. А., Любимова, Л. М., Сундуева, Д. Б. Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М.: Наука – Восточная литература, 2016. 320 с.

Ajzen I. (1988) Attitudes, personality and behavior. Chicago: Dorsey Press. 175 p.

Baker C. (1992) Attitudes and language. Clevedon: Multilingual Matters. 200 p.

Bauman R., *Briggs C.* (2003) Voices of modernity: language ideologies and the politics of inequality. Cambridge: Cambridge University Press. 356 p.

Blommaert J. (2006) Language Ideology // Encyclopedia of Language & Linguistics. Vol. 6. P. 510–522. Oxford: Elsevier.

Converse P. (1964) The nature of belief systems in mass publics // Ideology and discontent / Ed. D. Apter. New York, NY: Free Press. P. 206–261.

Dyers C., *Abongdia J.-F.* (2010) An exploration of the relationship between language attitudes and ideologies in a study of Francophone learners of English in Cameroon // Journal of Multilingual and Multicultural Development. Vol. 31, No. 2. P. 119–134.

Fairclough N., *Wodak R.* (1997) Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. Ed. T. van Dijk. London: Sage. P. 258–284.

Foucault M. (1988) Archäologie des Wissens. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. 312 p.

Gal S., *Woolard K.* (1995) Constructing Languages and Publics: Authority and Representation // Pragmatics. Vol. 5, Iss. 2. P. 129–138.

Irvine J. T. (1989) When Talk Isn't Cheap: Language and Political Economy // American Ethnologist. Vol. 16. P. 248–267.

Kroskrity P. (2010) Language ideologies: Evolving perspectives // Language Use and Society (Handbook of Pragmatics Highlights) / Ed. J. Jaspers. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. P. 192–211.

Kroskrity P. (2016) Language ideologies and language attitudes. Available at: https://doi.org/10.1093/OBO/9780199772810-0122. Accessed: 11.04.2022.

McKenzie R. (2010) The Social Psychology of English as a Global Language: Attitudes, Awareness and Identity in the Japanese Context. Springer.

Olson J. M., *Maio G. R.* (2003) Attitudes in social behavior // Handbook of psychology: Personality and social psychology / Eds. T. Millon, M. J. Lerner. New Jersey, NJ: John Wiley & Sons. P. 299–326.

Piller I. (2015) Language ideologies // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. Vol. 2 / Eds. K. Tracy, C. Ilie, T. Sandel. Wiley-Blackwell. P. 917–927.

Sallabank J. (2013) Attitudes to endangered languages: identities and policies. New York: Cambridge University Press.

Silverstein M. (1979) Language Structure and Linguistic Ideology // Chicago Linguistic Society. Chicago.

Wodak R., *de Cillia R.*, *Reisigl M.*, *Liebhart M.* (1999) The Discursive Construction of National Identity. Trans. A. Hirsch and R. Mitten. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Woolard K. A. (1992) Language Ideology: Issues and Approaches // Language Ideologies / Eds. P. Kroskrity, B. Schieffelin, K. Woolard. Special Issue of Pragmatics. Vol. 2, No. 3. P. 235–249.

Woolard K. A. (2021) Language Ideology // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology / Ed. J. Stanlaw. John Wiley & Sons. DOI: 10.1002/9781118786093.iela0217. P. 1–21.

REFERENCES

Althusser, L. (n.d.) *Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) [Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes for Research)]*. Translated from French by S. Ryndin. Available at: https://knizhonka.com/read-book/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-lui-altyusser.html (Accessed: 2 March 2022). (In Russian).

Bakhnyan, K.V. (1983) Yazyk i ideologiya: sotsiolingvisticheskii aspekt [Language and Ideology: Sociolinguistic Aspect], in *Yazyk kak sredstvo ideologicheskogo vozdeistviya [Language as a Tool of Ideological Influence]*. Moscow: INION, pp. 34–58. (In Russian).

Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva [Sociology of Social Space]*. Translated from French; ed. N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimentalnoi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiya. (In Russian).

Busyghina, N.P. (2024) *Kolichestvennye i kachestvennye metody issledovanii v psikhologii [Quantitative and Qualitative Research Methods in Psychology]*. Moscow: Yurait. (In Russian).

Van Dijk, T.A. (1989) *Rasizm i yazyk [Racism and Language]*. Translated from English. Moscow: INION. (In Russian).

Voloshinov, V.N. (M.M. Bakhtin) (1993) *Marksizm i filosofiya yazyka: osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke [Marxism and the Philosophy of Language: Main Problems of the Sociological Method in Linguistics]*. Commentary by V. Makhlina. Moscow: Labirint. (In Russian).

Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kultur [The Interpretation of Cultures]*. Translated from English. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Gofman, A.B. (2010) Sotsialnoe – sotsiokulturnoe – kulturnoe: istoriko-sotsiologicheskie zametki o sootnoshenii ponyatii “obshchestvo” i “kultura” [Social – Sociocultural – Cultural: Historical-Sociological Notes on the Relation Between “Society” and “Culture”], *Sotsiologicheskii ezhegodnik*, No. 1, pp. 128–136. (In Russian).

Zagryazkina, T.Yu. (2016) Frantsuzskii yazyk v russkoyazychnom prostranstve: traditsii obucheniya kak fenomen kultury [French in the Russian-Speaking Space: Teaching Traditions as a Cultural Phenomenon], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, No. 4, pp. 78–89. (In Russian).

Mikhailov, M.M. (1972) *Dvuyazychiye i vzaimovliyanie yazykov [Bilingualism and Language Interaction]*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Podvoiskii, D.G. (n.d.) Modern, *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]*. Available at: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2221721?ysclid=mfqw4vuef3603030974 (Accessed: 20 September 2025). (In Russian).

Rubtsov, A.V. (2016) *Prakticheskaya ideologiya: k analitike ideologicheskikh protsessov v politicheskoi i sotsiokulturnoi realnosti [Practical Ideology: On the Analysis of Ideological Processes in Political and Sociocultural Reality]*. Moscow: IF RAN. (In Russian).

Serio, P. (1993) V poiskakh chetvertoi paradigmy [In Search of the Fourth Paradigm], in Stepanov, Y.S. et al. (eds.) *Filosofiya yazyka: v granitsakh i vne granits: mezhdunar. ser. monogr. [Philosophy of Language: Within and Beyond Boundaries: Intl. Series of Monographs]*. Kharkov: Oko, pp. 112–135. (In Russian).

Khilkhanova, E.V. (2022) Yazykovaya ustanovka i yazykovaya ideologiya v zapadnoi i rossiiskoi nauke: o razgranichenii ponyatii [Language Attitude and Language Ideology in Western and Russian Science: On the Distinction of Concepts], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, No. 3, pp. 148–162. (In Russian).

Khilkhanova, E.V., Dyrkheeva, G.A., Lyubimova, L.M., Sundueva, D.B. (2016) *Yazykovoe soznanie i yazykovye ustanovki zhitelei prigranichnykh raionov vostoka Rossii [Language Consciousness and Language Attitudes of Residents of Eastern Russian Border Regions]*. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura. (In Russian).

Ajzen, I. (1988) *Attitudes, Personality and Behavior*. Chicago: Dorsey Press.

Baker, C. (1992) *Attitudes and Language*. Clevedon: Multilingual Matters.

Bauman, R., Briggs, C. (2003) *Voices of Modernity: Language Ideologies and the Politics of Inequality*. Cambridge: Cambridge University Press.

Blommaert, J. (2006) Language Ideology, in *Encyclopedia of Language & Linguistics*, Vol. 6, pp. 510–522. Oxford: Elsevier.

Converse, P. (1964) The Nature of Belief Systems in Mass Publics, in Apter, D. (ed.) *Ideology and Discontent*. New York, NY: Free Press, pp. 206–261.

Dyers, C., Abongdia, J.-F. (2010) An Exploration of the Relationship Between Language Attitudes and Ideologies in a Study of Francophone Learners of English in Cameroon, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 31(2), pp. 119–134.

Fairclough, N., Wodak, R. (1997) Critical Discourse Analysis, in van Dijk, T. (ed.) *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, Vol. 2. London: Sage, pp. 258–284.

Foucault, M. (1988) *Archäologie des Wissens [The Archaeology of Knowledge]*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.

Gal, S., Woolard, K. (1995) Constructing Languages and Publics: Authority and Representation, *Pragmatics*, 5(2), pp. 129–138.

Irvine, J.T. (1989) When Talk Isnt Cheap: Language and Political Economy, *American Ethnologist*, 16, pp. 248–267.

Kroskrity, P. (2010) Language Ideologies: Evolving Perspectives, in Jaspers, J. (ed.) *Language Use and Society (Handbook of Pragmatics Highlights)*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, pp. 192–211.

Kroskrity, P. (2016) Language Ideologies and Language Attitudes. Available at: https://doi.org/10.1093/OBO/9780199772810-0122 (Accessed: 11 April 2022).
McKenzie, R. (2010) *The Social Psychology of English as a Global Language: Attitudes, Awareness and Identity in the Japanese Context*. Springer.
Olson, J.M., Maio, G.R. (2003) Attitudes in Social Behavior, in Millon, T., Lerner, M.J. (eds.) *Handbook of Psychology: Personality and Social Psychology*. New Jersey, NJ: John Wiley & Sons, pp. 299–326.
Piller, I. (2015) Language Ideologies, in Tracy, K., Ilie, C., Sandel, T. (eds.) *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*, Vol. 2. Wiley-Blackwell, pp. 917–927.
Sallabank, J. (2013) *Attitudes to Endangered Languages: Identities and Policies*. New York: Cambridge University Press.
Silverstein, M. (1979) Language Structure and Linguistic Ideology, *Chicago Linguistic Society*, Chicago.
Wodak, R., de Cillia, R., Reisigl, M., Liebhart, M. (1999) *The Discursive Construction of National Identity*. Translated by A. Hirsch and R. Mitten. Edinburgh: Edinburgh University Press.
Woolard, K.A. (1992) Language Ideology: Issues and Approaches, in Kroskrity, P., Schieffelin, B., Woolard, K. (eds.) *Language Ideologies*. Special Issue of *Pragmatics*, 2(3), pp. 235–249.
Woolard, K.A. (2021) Language Ideology, in Stanlaw, J. (ed.) *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology*. John Wiley & Sons. DOI: 10.1002/9781118786093.iela0217, pp. 1–21.

Хилханова Эржен Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: erzhen133@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9369-343X

Khilkhanova Erzhen Vladimirovna – Doctor of Philology, leading researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow. Russia, 125009.
Email address: erzhen133@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9369-343X

Для цитирования: *Хилханова Э. В.* Языковые идеологии // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 210–224. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-210-224

For citation: *Khilkhanova E. V.* Language ideologies // Sociolingvistika. 2025. No. 3 (23). Pp. 210–224. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-210-224

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 03.04.2025;
approved after reviewing 30.05.2025;
accepted for publication 12.10.2025.

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы предоставляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно предоставление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающих фамилию, имя, отчество полностью, номер orcid, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языке.

2.2. Аспирантам и магистрантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Рекомендуемый объем статьи –- 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:

- Индекс УДК;
- Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
- Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
- Аннотация на русском и английском языках.
- 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).
- Текст статьи.
- Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References.
- При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.
- Автор обязан уведомить редакцию о реальном или потенциальном конфликте интересов, включив информацию о конфликте интересов в конце статьи. Если конфликта интересов нет, автор должен также сообщить об этом. Пример формулировки для одного автора и для авторских коллективов:

<u>Пример формулировки:</u>

Автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов. The author(s) declare(s) no conflicts of interests.

Требования к заглавиям статей

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводимых названий собственных имен, приборов и др.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- указание фамилии, имени, отчество автора (авторов). Указание orcid.
- указание ученого звания и ученой степени;
- предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора.
- аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Образец
Имя Отчество Фамилия – ученая степень, ученое звание, должность, место работы, страна.
https://orcid.org/0000-0000-0000-0000
Адрес: индекс, страна, город, улица, дом.
Эл. адрес: name@mail.ru

Name P. Surname – degree, academic title, position, place of work, country.
https://orcid.org/0000-0000-0000-0000
Address: street house, city, country, index code.
E-mail: name@mail.ru

Требования к аннотации
В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье). Англоязычная аннотация, вследствие ее перевода на английский язык, может быть увеличена до 200 слов.
Требования к оформлению списка ключевых слов
Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).
Требования к тексту статьи
Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.
Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Требования к оформлению текста:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- выравнивание текста по ширине;
- строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).
- использование р а з р я д к и как способа выделения слов не допускается.
- сноски проставляются постранично; шрифт Times New Roman, кегль 10, междустрочный интервал сносок – одинарный интервал; выравнивание по ширине;
- переносы не допускаются.
- абзацный отступ 1,25. Табуляция абзацев не допускается.
- имя файла набрано латиницей и содержит фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению библиографических ссылок в тексте статьи

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки…, 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **Литература**, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.5–2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Фамилия и инициалы автора выделяются *курсивом*.

Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. Образец: DOI: 10.37892/2713-2951-5-15-66-98

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем - работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia).

Список литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется *курсивом*);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала – номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции – город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), указать дату обращения.

Статья из журнала

Никитина В.Н. (2024) Диагностика развития связной речи детей Саха 5–7 лет // Социолингвистика. № 4 (20). С. 119–131. DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-119-131

Михальченко В. Ю., Крючкова Т. Б. (2002) Социолингвистика в России // Вопросы языкознания. № 3(11). С. 116–142.

Материалы конференции

Михальченко В. Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения М.: МГИМО. С. 12–13.

Книга (монография, сборник)

Аврорин В. А. (1975) Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука. 276 с.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Интернет-ресурс

Жукоцкая А. В. Феномен идеологии. Режим доступа: http://service.ebooksearch. Дата обращения: 12.11.2019.

Диссертация

Русаков А. Ю. (2005) Интерференция и переключение кодов: севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН. 105 с.

Источники на иностранных языках

Bartoli M. (1906) Das Dalmatische: Altromanische Sprachreste von Veglia bis Ragusa und ihre Stellung in der Apennino-Balkanischen Romania. Wien: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. 856 p.

Držić M. (1991) Dundo Maroje. Novela od Stanca // Dundo Maroje. Zagreb: Školska knjiga. P. 53–197.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Fishman J. A. (1991) Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon, UK: Multilingual Matters. 413 p.

Hakala H. Attitudes and Conceptions of Finnish Students toward Accents of English. Available at: http://www.helsinki.fi/englanti/elfa/ProGradu_Henrik_Hakala.pdf. Accessed: 03.06.2023.

Pavlenko A. (2017) Russian-friendly: How Russian became a commodity in Europe and beyond // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. Vol. 20, No. 4. P. 385–403. DOI: https://doi.org/10.1080/13670050.2015.1115001

Vulić S. Jezična previranja u dubrovačkoj renesansnoj književnosti. Available at: https://hrcak.srce.hr/157724. Accessed: 04.06.2021.

Образец оформления References

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **References**, составляется в порядке полностью идентичном списку литературы. References помещается после списка литературы.

References должен быть оформлен согласно гарвардскому стилю ‘Harvard referencing’:

- Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте www.translit-online.ru
- Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, для всех языков, кроме английского, напр. (In Russian).

Статья из журнала

Bitkeeva, A.N., Wingender, M. and Mikhalchenko, V.Yu. (2009) 'Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspect' [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, *Iazykoznanie*, pp. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russian).

Статья из онлайн журнала

Lamazhaa, Ch.K. (2014) 'Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy' [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals], *The New Research of Tuva*, 3. Available at: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/138 (Accessed: 1 November 2019). (In Russian).

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) 'Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul’turnogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii' [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation], in *Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii “Sohranenie i razvitie yazykov i kul’tur korennyh narodov Sibiri”*, Abakan, pp. 9–12. (In Russian).

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri* [Sociolinguistic processes in the republics of South Siberia]. Abakan: Khakass State University Press. 166 p. (In Russian).

Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov [Language policy in the context of modern language processes] (2015) Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow: Azbukovnik. 471 p. (In Russian).

Интернет-ресурс

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources] Available at: http://www.scribd.com/doc/1034528/ (Accessed: 7 February 2024). (In Russian).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGUISTICS

№ 3 (23)
2025

Главные редакторы | Editors-in-chief
В.М. Алпатов | Vladimir M. Alpatov
(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева | Aysa N. Bitkeeva
(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор и корректор | Editor and proofreader
Н.В. Рожкова | Natalia V. Rozhkova
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Orel State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов *С.В. Кириленко* | Translation into English *S.V.Kirilenko*

Компьютерная верстка | Desktop publishing
М.Я. Каплунова | Maria Ya. Kaplunova
(Институт языкознания РАН) | (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Дата выхода: 03.12.2025 | Published 03.12.2025
Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 14.56 | Format 60x84/8. Printed sheets 14.56

Учредители, редакция, издатели:
Институт языкознания Российской академии наук, 2020
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020
Founders, editors, publishers:
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020
Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1